

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА, КОНФЛИКТЫ И СОГЛАСИЕ

Российская Академия наук
Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо–Маклая

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА, КОНФЛИКТЫ И СОГЛАСИЕ

2–е издание,
исправленное и дополненное

Под редакцией
С.В. Соколовского, Е.И. Филипповой

Москва, 2018

Публикация осуществляется при финансовой
поддержке Российского научного фонда
(проект № 15-18-00099п)

© Институт этнологии и антропологии, 2018

© С.В. Соколовский, Е.И. Филиппова (отв. ред.)

© коллектив авторов: Э. Алос и Фонт (4), А. Диаз (1),
С. Зеньяни (2), И.А. Кучерова (5), М.Ю. Мартынова (6),
С.В. Соколовский (От редакторов, 7), Е.И. Филиппова
(От редакторов, 3), А. Филон (2).

2-ое исправленное и дополненное издание

© фотоиллюстрации: Анны Диаз, Ирины Кучеровой,
Сергея Соколовского, Елены Филипповой

ББК 81.2

Рецензенты: академик РАН В.А. Тишков
д. ист. наук И.Л. Бабич

Языковая политика, конфликты и согласие / отв. ред.
С.В. Соколовский, Е.И. Филиппова. Москва: ИЭА РАН,
2018. xi, 334 с., 27 илл.

eISBN 978-5-4211-0227-4 eBook

Iazykovaia politika, konflikty i soglasie. 2nd ed.
[Language Policy, Conflicts and Reconciliation (ed. by
Elena Filippova & Sergei Sokolovskiy. Moscow: Institute of
Ethnology and Anthropology, Russian Acad. Sci., 2018.
334 pages, 27 ill. (e-book version)
Chapters by *Hèctor Alòs i Font* (4), *Anne Diaz* (1), *Elena
Filippova* (Editorial, 3), *Alexandra Filhon* (2), *Irina
Kucherova* (5), *Marina Martynova* (6), *Sergei Sokolovskiy*
(Editorial, 7), *Sami Zegnani* (2).

Фото на обложке: фрагмент картины *Питера
Брейгеля Старшего* «Вавилонская башня»
(музей Бойманса – ван Бёнингена, Роттердам)

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ РЕДАКТОРОВ

Сергей Соколовский, Елена Филиппова

ЯЗЫКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ
И СОЦИАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ:

непростое равновесие

iv

I.

Анна Диаз

Глава 1. ДВИЖЕНИЕ ЗА ЯЗЫКОВОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В
БРЕТАНИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
БРЕТОНСКОГО И ГАЛО

3

Александра Филон, Сами Зеньяни

Глава 2. МЕСТО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА
В СЕМЕЙНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ПОЛИТИКАХ
АРАБОЯЗЫЧНЫХ И БЕРБЕРОЯЗЫЧНЫХ
РОДИТЕЛЕЙ ВО ФРАНЦИИ

51

Елена Филиппова

Глава 3. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ И
СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ
В ЕЕ ЗАМОРСКИХ ДЕПАРТАМЕНТАХ
(на примере Гваделупы)

79

II.

Эктор Алос и Фонт

- Глава 4. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В КАТАЛОНИИ И
НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В
ИСПАНИИ
- 133

Ирина Кучерова

- Глава 5. “ШКОЛА ПАМЯТИ ДЛЯ ЛЮДЕЙ”
государственная политика сохранения исландского языка
- 177

Марина Мартынова

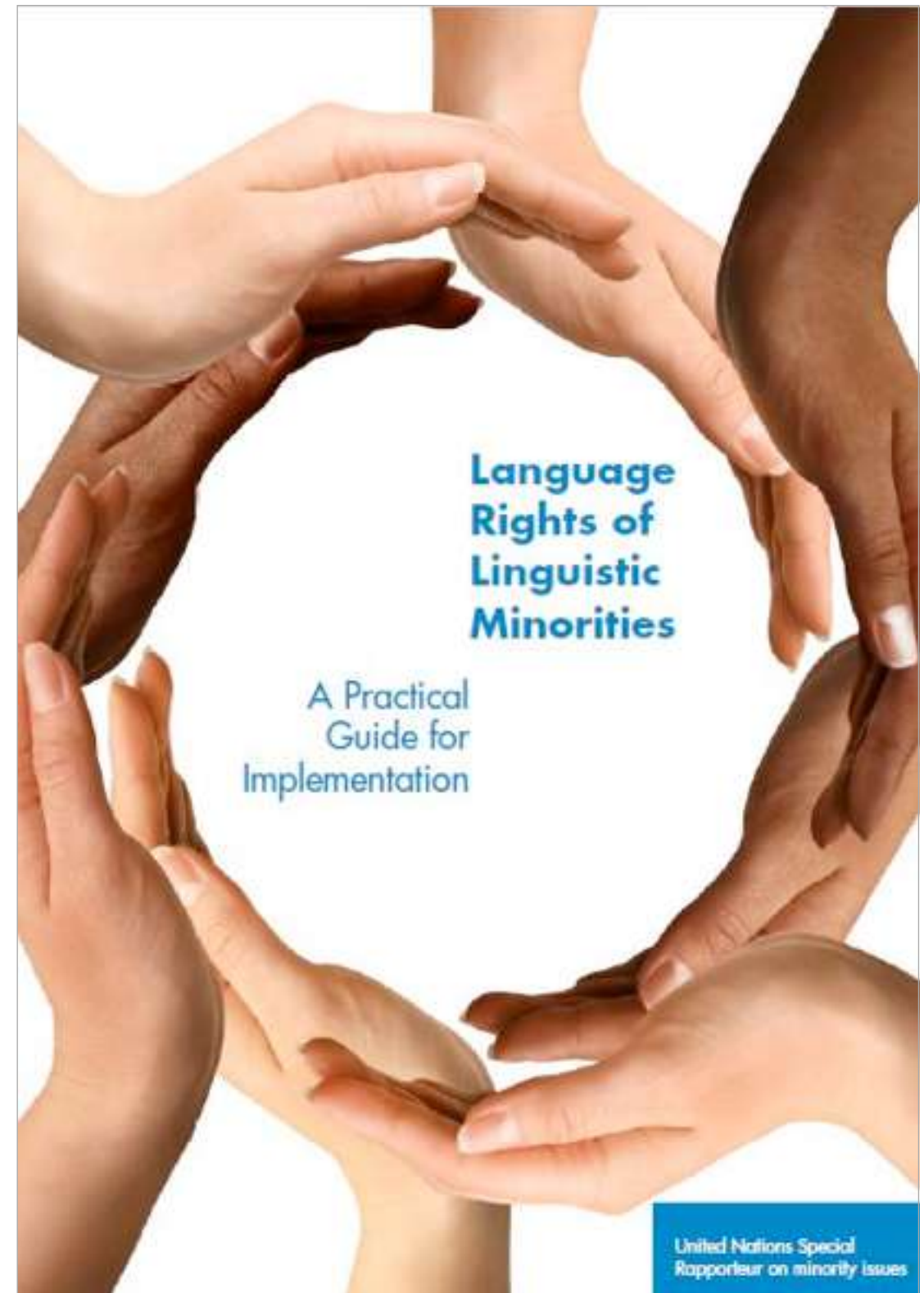
- Глава 6. ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ НА БАЛКАНАХ В
КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ИДЕНТИЧНОСТИ
- 229

Сергей Соколовский

- Глава 7. РЕСПУБЛИКА КИПР:
конфликты и политика в сферах языка и образования
- 269

Сведения об авторах

333

ОТ РЕДАКТОРОВ

Сергей Соколовский,

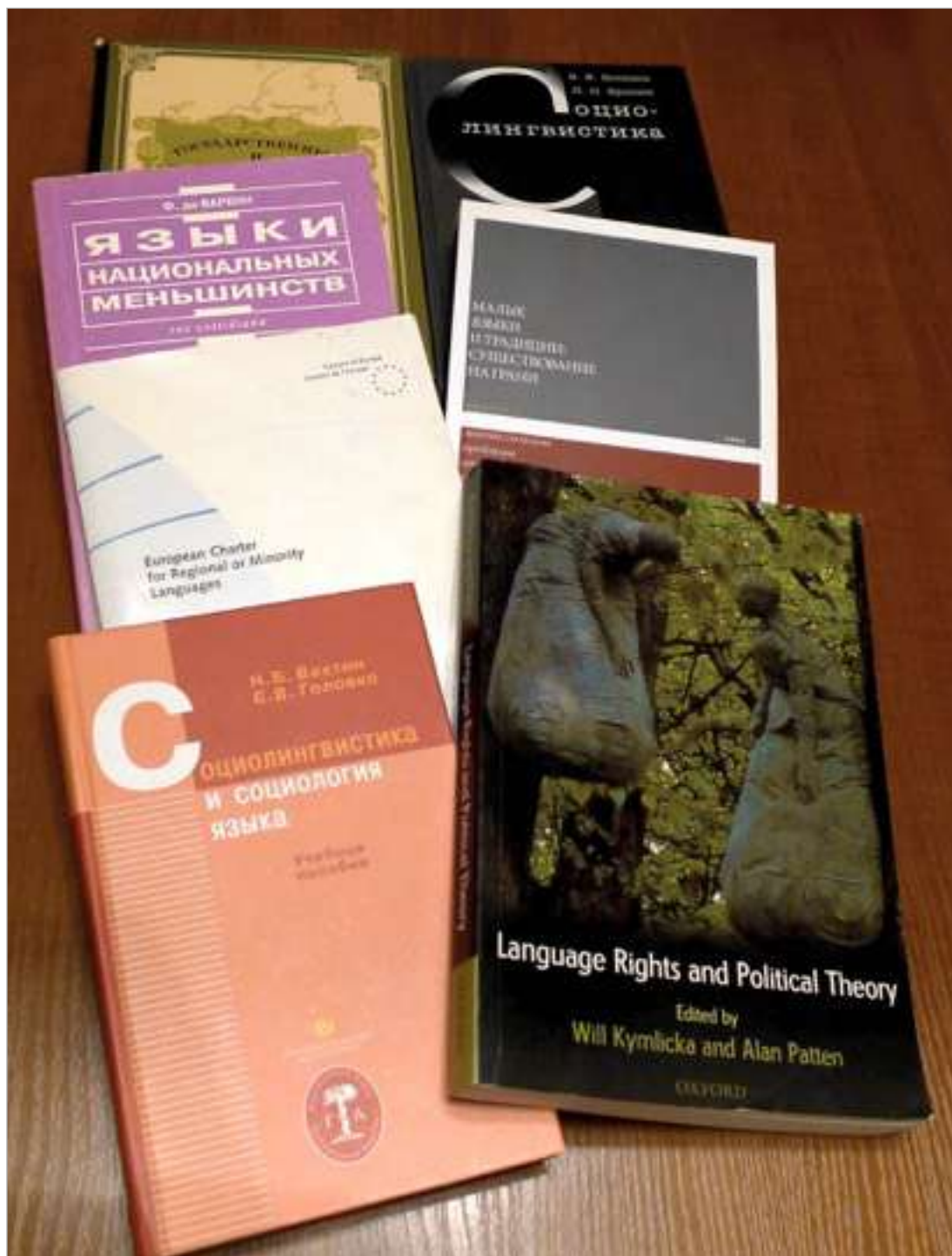
Елена Филиппова

ЯЗЫКОВОЕ МНОГООБРАЗИЕ И СОЦИАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ:

непростое равновесие

Языковая политика: регистры, уровни, регламенты

Языковую политику исследуют представители многих дисциплин. Помимо лингвистов, различными ее аспектами занимаются социологи, политологи, антропологи, юристы, и в каждой области исследований это понятие наполняется особыми смыслами, в некоторых случаях противоречащими иным компонентам ее содержания в соседних дисциплинах. Уже только это обстоятельство заставляет приводить определения даже вполне знакомых и распространенных понятий, не говоря уже об идиосинкратических, то есть специфических, ограниченных словарем конкретного автора. В современной англо- и франкоязычной литературе термин языковая политика нередко заменяется не вполне эквивалентным термином языковое планирование (англ. *language planning*, фр. *planification linguistique*), смещающим

фокус на этап реализации языковой политики и тем самым маскирующий этап стратегических решений, обычно реализуемый в большей степени политиками и законодателями, нежели исполнительной властью, опирающейся на рекомендации социолингвистов и этнодемографов. В русскоязычной терминологии для передачи практически того же содержания, которое выражается понятием языкового планирования, часто используется языковое строительство.

Языковая политика зачастую отождествляется с политикой государства в сфере языка и образования – совокупностью принципов, практик и институтов по решению языковых проблем в государстве или обществе (ср.: ЛЭС 1990: 616). Мы считаем, что такая трактовка является редукцией, игнорирующей политическое поведение (практики и действия) множества иных акторов, реализующих свои цели в поле языковой политики. Любая инициированная правительством или национальной элитой языковая реформа поляризует мнения граждан, которых невозможно рассматривать лишь как пассивных реципиентов этой реформы: она не будет иметь успеха без поддержки населения и, таким образом, даже следование ее целям и принципам, не говоря уже о противодействии и протестах, должно рассматриваться тоже как политическое действие, направленное на реализацию конкретной стратегии языкового планирования. Множественность акторов, отстаивающих свои интересы и ценности и вступающих в отношения по поводу языков и языковых идентичностей (помимо политических элит центра и регионов, в эту

политику оказываются вовлеченными активисты национальных движений и центров, общественные деятели, писатели, журналисты, преподаватели языка, творческая интеллигенция и прочие носители и пользователи конкретных языков – студенты и школьники, их родители, вообще люди всех возрастов и профессий), имеет следствием их политическую деятельность. Все эти группы ищут союзников, создают коалиции для эффективного отстаивания своих интересов, что закономерно приводит к коллизиям, не обязательно ограничивающимся языковой сферой. Таким образом, в политические действия, составляющие языковую политику, оказываются вовлеченными не только государственные институты, но и издательства, газеты и журналы, научное сообщество, школы и университеты, землячества, иные мигрантские или диаспорные сообщества, городские и сельские общины и т.д.

Следуя этой логике, авторы предлагаемой вниманию читателей книги понимают под языковой политикой не только действия государства (его законодательной, исполнительной и судебной властей в сферах языка и образования), но и деятельность иных акторов, вовлеченных в принятие решений и реализацию конкретных программ в ходе реформ языка и образования – т.н. символических элит, а также всех тех носителей конкретного языка, которые самостоятельно решают: поддерживать ли нововведения или сопротивляться им. Таким образом, мы включаем в объем понятия языковой политики не только макроуровни международной и государственной политики в области

языка, но также и мезо- (цели, программы, действия региональных элит) и микроуровень (локальные или низовые стратегии носителей языка, способных не только поддерживать или отвергать инициативы, исходящие из двух выше названных уровней, но и реализовывать собственные). Так, в Исландии «именно вовлеченность значительного процента населения в процесс создания и поддержания письменной культуры – и, соответственно, языка – позволила проводить государственную языковую политику не только «сверху», но и при активном «низовом» участии» (гл. 5). Низовые (семейные) языковые политики оказываются решающими в деле сохранения и межпоколенной передачи языков иммиграции, лишенных какой-либо институциональной поддержки. Языковые практики в мигрантских семьях (активное или пассивное многоязычие; двусторонняя трансмиссия: языка страны происхождения – от родителей к детям, языка принимающей страны – от детей к родителям) выстраиваются с учетом металингвистического дискурса, наделяющего языки различной символической ценностью и формирующего их общественную иерархию (гл. 2).

Европейская языковая Хартия

В каждой главе этой книги анализируется языковая ситуация в каком-то одном из европейских государств или регионов, или (как в случае Гваделупы) – заморском департаменте европейского государства. Независимо от того, ратифицирована ли Европейская Хартия такими государствами (Босния и Герцеговина, Испания, Кипр, Сербия, Словения, Хорватия, Черногория), или только

подписана ими (Исландия, Македония и Франция), ее положения оказывают влияние на европейское законодательство в области языка и языковых прав (еще одним инструментом европейской политики, затрагивающим интересующую нас сферу, является Европейская рамочная Конвенция о правах национальных меньшинств). Языковые ситуации и языковая политика европейских государств, не подписавших Хартию, а таких немало (Албания, Андорра, Бельгия, Болгария, Грузия, Греция, Ирландия, Латвия, Литва, Монако, Португалия, Сан Марино, Турция, Эстония), в данной книге не рассматриваются.

Учет действия механизма Хартии (даже если только иметь в виду его влияние, как в случае подписавших ее, но не ратифицировавших государств) необходим, поскольку, в отличие от многих других инструментов международного права, она фиксирует обязательства государств в данной сфере, а не соответствующие права или свободы граждан. Государства-участники принимают на себя по выбору набор обязательств (систему пунктов или параграфов Хартии) для защиты недоминирующих или менее используемых языков, на которых говорят граждане этих государств; при этом в отношении каждого из таких языков и даже каждой из территорий, на которых они распространены, допустимо создавать уникальные наборы обязательств из конкретных пунктов и норм Хартии. Хартия не защищает доминирующие языки, их диалекты и языки мигрантов.

В основе механизма выполнения обязательств по Хартии, помимо периодической отчетности и заключений

Комитета экспертов Совета Европы, лежит процедура постоянного совершенствования системы обязательств, нацеленных на постепенное развитие языков и обеспечение языковых прав тех граждан государств-участников, которые являются носителями защищаемых языков. По мере прохождения новых циклов отчетности практически у каждого из государств-участников появлялись новые задачи и цели, а под защитой Хартии оказывались новые, на начальном этапе не учтенные языковые сообщества, и число языковых единиц, как и количество коммуникативных сфер, вовлеченных в эту процедуру, таким образом, постоянно растет вместе со статусом защищаемого языка. В отдельных случаях это чревато конфликтами.

Языковые конфликты, их разрешение и предупреждение

Языковые конфликты можно понимать по-разному. В узком смысле это конфликты, возникающие в результате языковой политики государства, языковых реформ или требований меньшинств, обусловленные переменами в статусе языка, в том числе его роли в сфере образования. Наиболее распространенной причиной собственно языковых конфликтов является изменение статуса одного из языков в ситуации дву- или многоязычия, связанное либо с языковой экспансией (захватом конкретным языком новых сфер коммуникации), либо с утратой традиционных для него сфер использования, происходящей в ходе языкового сдвига или языковой ассимиляции. При этом

названные перемены одинаково болезненны в случае как доминирующих языков, так и языков меньшинств. Типичные ситуации: доминирующий язык вытесняет языки меньшинств, носители этих языков протестуют, и языковой конфликт перерастает в этнический; языки меньшинств в регионах их преобладания начинают теснить доминирующий язык, захватывая сферы, в которых прежде их присутствие было номинальным или нулевым и для обслуживания которых уровень корпусного развития миноритарного языка на момент его экспансии очевидно недостаточен. В широком смысле к языковым конфликтам можно отнести политические (внутренние и международные), экономические, социальные, религиозные и иные конфликты с языковой составляющей. Разумеется, предложенное деление условно, и в одной и той же стране могут существовать, последовательно или одновременно, конфликты разных уровней, находящиеся в разных отношениях близости/отдаленности с собственно языковой сферой.

Собранные в этой книге исследования имеют дело с политическими конфликтами с языковой составляющей – как международными, затрагивающими интересы сразу нескольких государств (гл. 6, 7) или вызывающими противоречия между национальным государством и наднациональными структурами (гл. 1, 3), так и внутренними (гл. 1, 3, 4, 7); с экономическими и социальными конфликтами, где языковые требования являются частью повестки борьбы с неравенством или за улучшение уровня жизни (гл. 3, 4). Есть и примеры

языковых конфликтов в узком смысле: по поводу алфавита, топонимики, языков образования (гл. 1, 3, 4, 5, 6, 7). Влияние конфликтов в сфере языковой политики на экономику, внешнюю политику, систему безопасности государства выступает как своего рода внешнее измерение собственно языковой политики и нуждается в изучении. Стратегии, процедуры и механизмы предупреждения или разрешения таких конфликтов, чтобы быть успешными, должны учитывать интересы, намерения и действия всех акторов, что особенно важно в случае многоязычных государств – а таковых, в соответствии с современной логикой развития глобального мира, становится не меньше, а больше.

Столь широкое понимание языковой политики и языковых конфликтов позволяет обратить внимание на такие редко исследуемые темы, как, например, выбор иностранных языков в школе, лексикографическая политика в отношении отдельных языков, политика академических исследований в сфере языка, выбор языка и целевой зарубежной аудитории для научных публикаций, а также выбор языка общения в международных корпорациях, языковые аспекты политики найма высоко–квалифицированных кадров, использование языковых тестов в процедурах натурализации, внешнеполитические и геополитические измерения языковой политики и т.д.

Языковая политика и политика идентичности

В Новое время языкам было суждено сыграть ключевую роль в формировании национальных государств и идентичности их населения. При этом одни языки приобрели статус официальных, поддерживаемых всей государственной мощью, другие же оказались в положении подчиненных, нередко подавляемых, вплоть до того, что некоторым вообще было отказано в праве называться самостоятельными языками: они перешли в разряд диалектов, говоров, наречий (гл. 1). Основой политики языковой ассимиляции стал лингвистический национализм – идеология, восходящая к представлениям Гердера о единстве и взаимообусловленности языка и нации и обосновывающая безусловные преимущества национального языка: он видится безупречным, совершенным, превосходным, богатым и выразительным, «великим и могучим», как русский (по Тургеневу), «самым логичным, ясным и потому естественным», как французский (*Haroché et Maingueneau* 1985), «языком прозрачной коммуникации», «языком-который-может-все сказать» (*Serino* 2009) – одним словом, универсальным. Чтобы язык сделался и оставался таким, нужно его должным образом организовать, очистить «от паразитического хлама» (по Горькому), уберечь от заимствований и деградации, унифицировать языковую норму. Примеры языкового пуризма рассмотрены в книге на материалах Исландии и Франции, Кипра и бывшей Югославии (см. гл. 1, 3, 4, 6 и 7). Национальному языку-эталону противопоставляются «косные», «варварские», «грубые», «деревенские» и «неразвитые» говоры–наречия–диалекты (см. гл. 1, 3). Искусственность такого

иерархического разделения нашла отражение в известном афоризме, приписываемом Максу Вайнрайху: «Язык – это диалект, у которого есть армия и флот». Остроумная формула не только подчеркивает важность экстралингвистических факторов в судьбе того или иного языка, но также дает представление о жесткости методов, которыми утверждались национальные языки, и об остроте конфликтов, сопровождавших их воцарение.

В некоторых случаях этот процесс растягивался на столетия, а иногда мог и вовсе не увенчаться успехом или повернуть вспять – так случилось, например, в Испании, где на протяжении XX в. «бурные дискуссии о языках и (де)централизации государства привели к череде переворотов», а после свержения диктатуры Франко, отличавшейся жестким унитаризмом, набирают силу центробежные тенденции, катализатором которых стала борьба за признание региональных языков. Каталония – наиболее экономически сильный регион – сумела добиться высокой степени автономии, позволившей ей проводить собственную языковую политику, отличную от политики центра, в результате чего «каталанский язык стал доминировать в администрации, образовании и культуре». И все же нынешний каталонский сепаратистский кризис являет собой типичный пример экономического и политического конфликта с языковой составляющей (гл. 4).

Особый случай представляет пример Бретани, где оппозицию государственному французскому языку составляют два местных миноритарных языка – бретонский и гало, принадлежащие к разным языковым семьям и сами находящиеся в ситуации конкуренции друг с

другом. Существовавшая прежде граница между ними сегодня утратила практический смысл, поскольку все население региона франкоязычно, но ее символическое значение сохраняется, как сохраняются и стереотипы в отношении языков-соперников и их носителей (гл. 1).

На территории бывшей Югославии на смену продолжавшемуся с XIX в. процессу языковой унификации, результатом которого стало конституционное признание в 1963 г. нового лингвонима – сербскохорватский / хорваткосербский язык, пришло «искусственное размежевание на основе исторического, диалектного принципов, с учетом региональных фольклорных и литературных традиций и выработка собственных языковых стандартов в каждом из возникших новых независимых государств: боснийский (бошняцкий), сербский, хорватский и черногорский». При этом битвы вокруг, казалось бы, чисто лингвистических проблем – название языка, выбор алфавита, лексический корпус – предшествовали распаду федеративного государства. В итоге на политическом и символическом уровне единого языка больше нет, хотя в повседневной жизни он по-прежнему существует (гл. 6).

Смена языка или алфавита часто сопровождает (и манифестирует) политический выбор: так, если в Турции в 1920-е – 1930-е гг. языковая коренизация, переход на латинский алфавит и вытеснение арабского и персидского языков «играли важную роль в нациестроительстве нового секулярного общества и его борьбе с оттоманским прошлым и мусульманской культурой» (гл. 7), то в 2000-е гг. в бывшей Югославии бошняки,

напротив, «форсируют распространение тюркизмов, которые после ухода Османской империи постепенно исчезали из употребления», а также вводят заимствования из арабского и персидского языков, чтобы «сделать опорой для своего языка исламскую культуру» (гл. 6).

Несмотря на то, что бывшие колонии продолжают находиться в орбите влияния своих метрополий, и это влияние явственно ощущается в языковой сфере (во многих странах язык бывшей метрополии остается государственным, в других он занимает господствующее положение в сфере образования, бизнеса или администрации), налицо стремление ослабить это влияние путем перехода на автохтонные языки и/или с помощью замещения одного европейского языка (французского в Африке или русского в постсоветских государствах) другим (английским). Это рассматривается местными элитами как очередной этап деколонизации: после политической (обретение независимости) и экономической (национализация) на очереди – культурная эмансипация. На Кипре, разделенном в результате конфликта 1974–1977 гг. на две части, доминирующие греческий и турецкий языки (в их стандартных и локальных вариантах) сосуществуют с языком бывшей метрополии – английским, который пытаются вытеснить, например, из сферы топонимики, но который сохраняет прочные позиции в сфере образования, несмотря на чередующиеся программы «эллинизации» и «киприотизации» (гл. 7).

В эпоху постмодерна со свойственным ей нарастанием хаоса большинство структур и механизмов Нового

времени – и в их числе национальные государства – утратили прочность и устойчивость. Совокупное действие центробежных (распад последних империй, децентрализация, региональный национализм, индивидуализация и атомизация общества) и центростремительных (глобализация, транснационализм) сил поставило под сомнение прежние границы: между государствами, между религиями, между языками. Доминирование национальных языков подрывается не только региональными языками и языками меньшинств (при поддержке соответствующей Европейской Хартии), но и языками все более многочисленных и разнообразных по культурному багажу иммигрантов, а также английским языком, утверждающимся в статусе новой *lingua franca* – по меньшей мере, в сфере бизнеса, науки и поп-культуры. Языковой ландшафт крупных мегаполисов напоминает вавилонское столпотворение, а языковые практики многих их жителей представляют собой не моно- и не билингвизм с четким различием языков и одинаковым владением ими, а постоянное переключение языковых кодов. Генерализация социальных сетей размывает границу между устной и письменной речью, между «низким» и «высоким» языком, снижает строгость языковой нормы. Попытки государств противостоять этим множественным влияниям (принятие законов, направленных на защиту национального языка, рекламные кампании в его поддержку, создание контролирующих организаций и терминологических комиссий, штрафы за употребление англицизмов и т.п.), равно как и частные и общественные инициативы, направленные на защиту языков и ограждение их от

нежелательных влияний (одним из радикальных примеров такой инициативы может служить российское интернет-сообщество граммар-наци, а более респектабельным – «тотальный» диктант) вполне вписываются в логику антиглобалистского неоконсерватизма, но их перспективы сомнительны (гл. 3 и 5). Сегодня в обществе, в том числе среди специалистов, набирает популярность точка зрения на язык как на «живой, развивающийся организм, который сковывают и ослабляют жесткие правила» (гл. 5), способность к коммуникации ценится выше грамотной речи, а языковое разнообразие рассматривается как часть культурного наследия, подлежащего сохранению.

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РНФ № 15-18-00099.

Библиография

ЛЭС 1990 – Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990.

Серио П. От любви к языку до смерти языка (перевод Е.Б. Плаксиной, К.Л. Филатовой) // Политическая лингвистика, 2009, № 1 (27). С. 118-123.

Haroché C. et Maingueneau D., «Du mythique au problématique: la 'clarté' de la langue française», dans Sylvain Auroux et al. (eds). *La linguistique fantastique*, Paris : Joseph Clims; Denoël, 1985.

© фото Е. Филиппов

Памятник *Neg Mawon* (“беглому рабу” на креольском), Сант-Анна, Гваделупа (2002), воздвигнутый к 200-летию восстановления рабства Наполеоном Бонапартом.

ДВИЖЕНИЕ ЗА ЯЗЫКОВОЕ ВОЗРОЖДЕНИЕ В
БРЕТАНИ И СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ
БРЕТОНСКОГО И ГАЛО*

Два языка сосуществуют в Бретани, помимо французского: гало, принадлежащий к романской языковой семье, в восточной части региона (Верхняя Бретань) и бретонский – кельтский язык – в его западной части (Нижняя Бретань)¹. Оба местных языка ЮНЕСКО признала находящимися «под серьезной угрозой» исчезновения (UNESCO). Оба они могут считаться миноритарными языками – как в социальном отношении (низкий статус), так и в количественном (число их носителей сокращается в результате вытеснения французским) (*Blanchet* 2012: 152).

Французское моноязычие утверждено в 1992 г. в результате дополнения текста статьи 2 Конституции фразой «языком Республики является французский²». 7 мая 1999 г. Франция подписала Европейскую хартию региональных языков и языков меньшинств, но не ратифицировала ее; предполагавшиеся обязательства по защите миноритарных языков не вступили в действие. В июле 2008 г. упоминание о региональных языках, принадлежащих к «наследию Франции», включено в Конституцию (ст. 75-1), однако это не дает им каких-то особых прав³.

В Бретани статус бретонского и гало неравен ни в глазах общественного мнения, ни в практическом использовании, ни в отношении поддержки, которую оказывают ему местные власти. Так, Региональный совет, официально признавший в декабре 2004 г. «присутствие, наряду с французским, бретонского и гало как языков Бретани» (*Une politique linguistique*: 4), выделяет на развитие первого существенно больше средств.

Как объяснить такую неравнозначность? Для начала мы приведем некоторые исторические сведения, проливающие свет на соотношение бретонского и гало. Современный статус двух языков проистекает из давних и прочно укоренившихся представлений, которые мы кратко резюмируем. Затем мы обратимся к современной символической конкуренции двух языков и, наконец, рассмотрим частный пример конфликта интересов: двуязычные указатели и вывески в Верхней Бретани. Для этого прибегнем к результатам собственного полевого исследования, реализованного в 2013–2017 гг. методом включенного наблюдения и полуструктурированных интервью вдоль всего протяжения зоны языкового пограничья между Верхней и Нижней Бретанью.

Сложная языковая история

Чтобы понять соотношение между двумя языками, необходим исторический экскурс. Традиционной территорией бретонского считаются департамент Финистер, а также западные части департаментов Кот-д'Армор и Морбиан; гало отводятся восточные части

обоих этих департаментов, а также департаменты Иль-и-Вилэн и Атлантическая Луара (последний входит в историческую Бретань, но не в границы современного административного региона). Однако история сложнее. Когда бритты прибыли с другого берега Ламанша, принесли с собой язык, ставший основой старого бретонского, население Армориканского полуострова было романизировано, и народная латынь, от которой в дальнейшем произойдет гало, была распространена среди местных галлов. Но некоторые лингвисты считают, что галльский язык, принадлежащий, как и бретонский, к кельтской языковой семье, еще где-где сохранялся.

Бритты расселились по всему полуострову, но, вероятно, их было немного на его восточной окраине (в Верхней Бретани). Между ней и Нижней Бретанью расположена так называемая «смешанная зона», т.е. территория, где сосуществуют топонимы как романского, так и кельтского происхождения, – а значит, вероятно, население, говорившее на этих языках, жило там бок о бок на протяжении нескольких веков (рис. 1). После IX века, когда, как считается, бретонский язык максимально продвинулся на восток, постепенно его практика в смешанной зоне стала сокращаться, а сам он отступил на запад, хотя несколько бриттоязычных анклавов, видимо, какое-то время сохранялись, пока не исчезли окончательно.

Народная латынь, на которой говорили в Верхней Бретани, превратилась в романский язык, а затем – в гало. Топонимы кельтского происхождения в смешанной

зоне стали дублироваться в соответствии с фонетикой этого языка.

Асимметричные представления

На протяжении веков в бретонском обществе распространялся французский язык, постепенно оставляя бретонскому все более ограниченное место в социальном и экономическом взаимодействии. Исключенный из этих престижных сфер, язык долгое время воспринимался как сельский и отсталый⁴. Жители Нижней Бретани отвернулись от этого наследия, рассматривая его как препятствие для социальной мобильности, и внутрисемейная передача языка практически прекратилась на рубеже 1950–1960-х гг., в период глубоких структурных трансформаций бретонского общества. Однако, несмотря на этот травматичный опыт, сегодня изучение бретонского языка привлекает немало как детей, так и взрослых. История языка гало очень похожа, и тем не менее, его защитникам пока не удалось, или удалось лишь отчасти, избавиться от стигмы. Анализ общественных представлений об обоих языках позволяет лучше понять причины такого положения дел⁵.

Представления о гало в Нижней Бретани

Жители Нижней Бретани в основном имеют негативный образ языка гало, хотя иногда называют его «богатым», «вкусным», а его латинские корни считают заслуживающими интереса. Негативные суждения

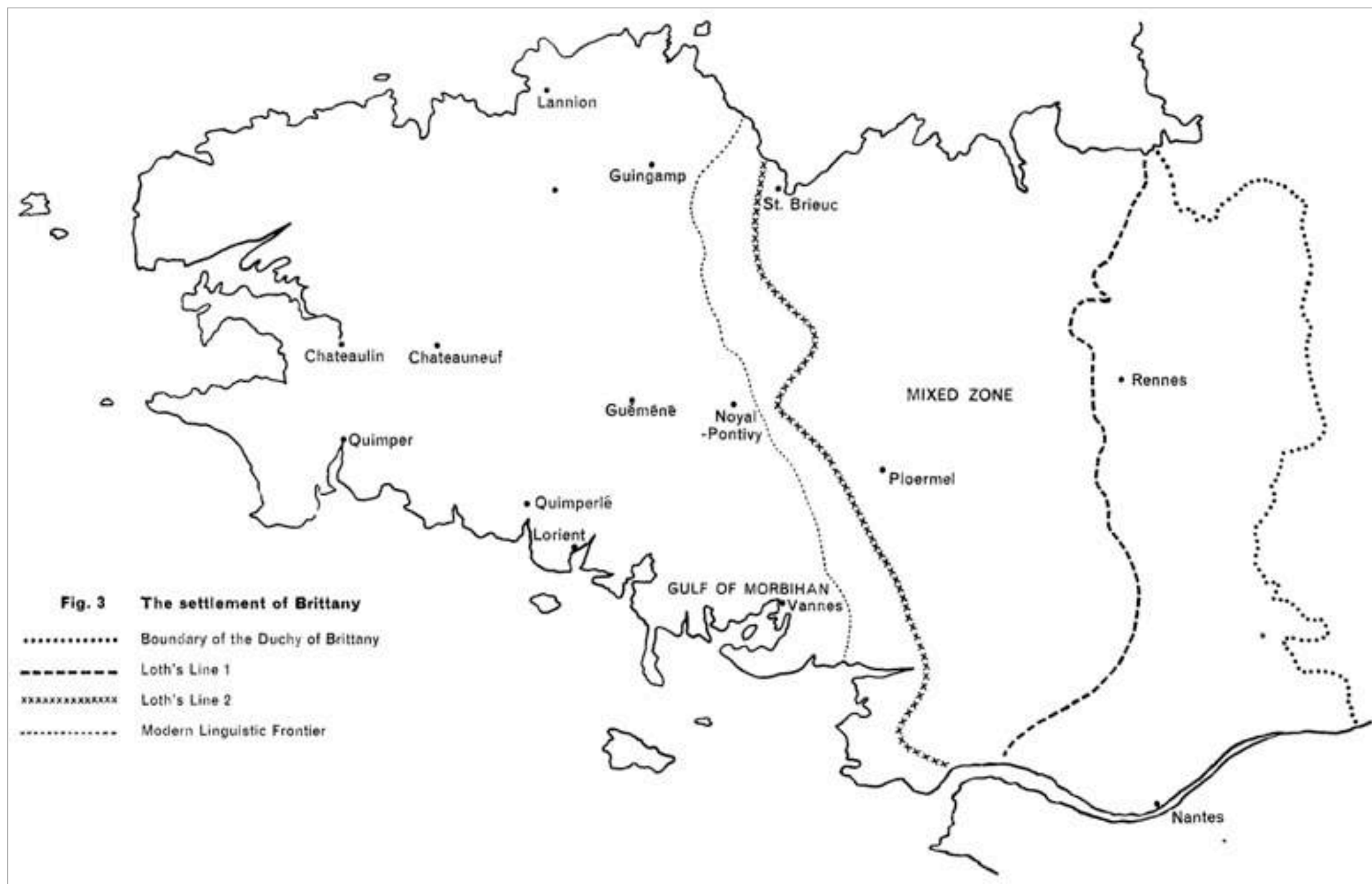

Рис. 1. Эволюция территории бретонского языка: крайняя правая линия отмечает вероятную границу максимального распространения бретонского языка в IX веке; крайняя левая соответствует языковой границе между Верхней и Нижней Бретанью в конце XIX века (Jackson 1967: 23).

можно разделить на несколько категорий. Некоторые имеют эстетическую окраску (уродливый, отвратительный), другие – издевательскую (нелепый, абсурдный, тупой, жалкий); еще одна категория отсылает к социальному контексту (это язык сельский, крестьянский, простонародный; на нем говорят люди, никогда не покидавшие своей деревни). Все эти характеристики едины в отношении стадии развития гало: он воспринимается как архаичный и отсталый.

Различные определения гало, упомянутые выше, очевидно, связаны между собой. Поскольку язык является объектом классового пренебрежения, его эстетическая составляющая также подвергается критике. Он кажется «нелепым» или «смехотворным», коль скоро люди, говорящие на нем, презренны. Некоторые доходят даже до того, что считают носителей этого языка недоразвитыми. Трудности, испытываемые в школе частью учеников из Верхней Бретани и вызванные близостью гало к французскому, иногда интерпретируются как признак умственной отсталости. Некоторые обитатели Нижней Бретани говорят о галофонах как о людях «простых», «добрых дикарях», причем их взгляд не лишен патернализма («первобытные», «они в душе как дети»...).

Таким образом, статус гало дважды проблематичен: по отношению к бретонскому и по отношению к французскому, к которому он лингвистически близок. До самого недавнего времени очень многие вообще не

называли гало собственным именем, именуя его обобщенным термином «говор» (*patois*). Наименование «гало» постепенно распространилось под влиянием деятельности, направленной на защиту и пропаганду этого языка. Однако до сих пор сохраняется устойчивое представление о том, что это не самостоятельный язык, а диалект французского.

Регулярное сравнение с французским, между тем, отнюдь не приблизило гало к кругу «уважаемых» романских языков – напротив, оно сослужило ему дурную службу. Его называют «дурным», «испорченным», «исковерканным», «ломаным» французским, представляют «нечистым», «ублюдочным» языком. Такое мнение распространено и среди самих жителей Верхней Бретани, которые, говоря о своем языке, не могут избежать отсылки к французскому, как если бы гало невозможно было бы определить иначе как в сравнении с другим языком.

Одним словом, гало слишком близок к французскому, чтобы быть отдельным языком. В то же время его иногда упрекают в недостаточной близости, а различные расхождения и отклонения от «нормы» считаются ошибками. С другой стороны, потомков галофонов от рождения часто обвиняют в том, что они говорят на «плохом гало», слишком сильно смешанном с французским – тем самым признавая существование «идеальной», «чистой» формы – «настоящего» гало.

Как бы то ни было, все представления сходятся в том, что галофоны не могут нормально говорить ни на

официальном языке, ни на своем родном, и к тому же не знают бретонского – единственного безусловного признака бретонской идентичности благодаря его радикальному отличию от французского. Они, как правило, определяются через отсутствие, а не через наличие языковых компетенций.

*Представления жителей Верхней Бретани
о бретонском языке*

У жителей Верхней Бретани бретонский язык не вызывает или почти не вызывает насмешек. Его эстетические оценки различны: одни считают его «грубым», «агрессивным», «властным», его звучание – «гортанным» и близким к немецкому⁶, тогда как другие находят его «приятным», «красивым» и «певучим».

Бретонский язык производит сильное впечатление, иногда даже «пугает», поскольку кажется «недоступным», трудным для изучения, «таинственным» и «непонятным». Многие акцентируют внимание на тревоге, вызываемой невозможностью понять разговор на бретонском языке и страхом, что говорят как раз о них. В высказываниях жителей Верхней Бретани о бретонском языке часто можно заметить восхищение, смешанное с уважительным опасением («богатый», «впечатляющий», «я [им] восхищаюсь», «я [его] уважаю»). Многие из опрошенных интересуются бретонским и даже испытывают к нему эмоциональную привязанность, хотя речь и не идет об их семейном языке. У некоторых естественным продолжением

этой логики становятся практические шаги по изучению бретонского языка.

Жители Верхней Бретани не испытывают ни малейших сомнений в том, что бретонский – отдельный язык. Подтверждением тому служит его непонятность, а также наличие письменности (в том числе – катехизиса). По мнению опрошенных, это древний язык, уходящий корнями гораздо глубже, чем гало, совершенно отличный от французского – одним словом, аутентичный. Именно его выраженное отличие, как считается, облегчает носителям изучение французского за счет отсутствия интерференций, свойственных гало. Представления о бретонском как о сельском и отсталом языке редки. Дискурс по поводу бретонского языка в основном акцентируется на восприятии его носителей как «других» (23% высказываний), затем идут нейтральные или позитивные оценки (20%), тогда как негативные находятся в самом конце списка⁷. Дискурс по поводу гало, напротив, в основном концентрируется на проблеме статуса языка (30%), а также на негативных реакциях и мнениях (27%), нейтральные и позитивные оценки занимают последнее место (7%)⁸.

Асимметрия между двумя языками выражается не только в знаке суждений по их поводу, но и в разнообразии этих суждений. Так, жители Верхней Бретани затрагивают большее количество тем, говоря о бретонском языке, чем жители Нижней Бретани, говоря о гало⁹. Упоминание бретонского языка вызывает также более выраженные эмоции: от раздражения¹⁰ до откровенного восхищения, тогда как гало иногда

вызывает интерес, но чаще – пренебрежение или безразличие. В целом бретонский язык в представлении опрошенных, за несколькими исключениями, достоин восхищения и привлекателен, его самостоятельный статус почти не подвергается сомнению¹¹.

Бретонский язык и бретонская идентичность

В обыденном сознании существенное различие между языками, принадлежащими к разным семьям, с одной стороны, рассматривается как препятствие к их смешению, а с другой – как гарантия существования явно выраженной коллективной идентичности. Существует устойчивый миф о бретонском языке как девственно свободном от внешних влияний, отсюда частые упоминания о его вымышленной «чистоте». Это убеждение сопровождается иногда представлением о нижних бретонцах как «народе без примесей». Предполагаемая «чистота» как бы распространяется и на носителей языка, которые считаются более «чистыми», или «настоящими» бретонцами в отличие от тех, кто не говорит на нем – будь то жители Верхней или Нижней Бретани. Существуют исследования, прослеживающие связь между языковой практикой и интенсивностью бретонской идентичности (Hoare 2000: 35), а также между уровнем владения бретонским языком и чувством принадлежности к Бретани (Le Coadic 2013: 23–41). Один из опросов, проведенных в 2013 г., подтверждает, что значение, придаваемое респондентами утверждению «я – бретонец (бретонка)», возрастает пропорционально

использованию ими бретонского языка (ТМО Régions 2013). В действительности же бретонский позаимствовал большое количество латинских и французских слов, в чем опрошенные редко отдают себе отчет и о чем не упоминают в разговоре с исследователем¹².

Несмотря на тревожную статистику (сокращение числа носителей с 1950-х гг. до наших дней на 80%, или с миллиона до 200 тысяч человек) и прогнозы (к концу века их может остаться не более 20 тысяч) (Le Coadic 2013: 23–41), имидж бретонского языка меняется в лучшую сторону. Его радикальное отличие от французского делает из него идеальный символ бретонской идентичности в глазах внешнего мира (Рис. 3, 4). Поэтому он считается «эмблемой Бретани», «сильнее связанным с идентичностью, чем гало» - и в этом качестве его сохранение кажется важным и даже жизненно необходимым. Без бретонского языка Бретань уже не будет Бретанью – в этом убеждены не только нижние, но и верхние бретонцы, признающие язык своим общим наследием. В 2003 г., по данным опроса, его будущее заботило 62% жителей Нижней и 60% – Верхней Бретани (Le Koadik 2013), а в 2007 г. 89 % нижних и 87% верхних бретонцев полагали, что язык необходимо сохранить (Broudic 2000: 149). Статус эмблемы кажется тем более очевидным, что язык и территория носят очень похожие имена. К тому же в обыденной речи жителей Нижней Бретани обычно называют просто бретонцами, тогда как наименование жителей Верхней Бретани – гало – не только символически исключает их из бретонской идентичности, но и сокращает бретонскую территорию до

границ Нижней Бретани. В целом бретонский язык занимает важное место в регионалистском или даже националистическом дискурсе: коль скоро французское государство не признает меньшинства на своей территории, требования признания особой идентичности проще обосновать с опорой на язык, обладающий наибольшей дифференцирующей силой. Тем не менее, с 1970-х гг. некоторые активисты из числа гало стремятся доказать, что этот язык не хуже бретонского может быть носителем бретонской культуры и регионалистского проекта¹³. Они переняли давний лозунг бретонского движения «*Nez brezhoneg, Breizh ebet*» (без бретонского нет Бретани), заменив в нем слово «бретонский» на «гало» (Рис. 2, 5).

Рис 2. Баннер «Без гало нет Бретани» на стенде ассоциации (© фото А. Дуаз)

Рис 3. Карикатура Ноно «Бретонский язык, или как продемонстрировать всем окружающим свою бретонскую идентичность». Музей Бретани (Association 2001 : 56).

Рис 4. Эскиз плаката, надпись вверху: «Давайте бороться за нашу идентичность» (на фр. яз.), внизу – «Давайте говорить по-бретонски» (на бретонск. яз.). © Архив организации *Skol an Emsav*.

Рис. 5. Наклейка на заднем бампере автомобиля «Без бретонского нет Бретани – без гало тоже! Бретань: два языка. Без гало нет Бретани – без бретонского тоже» (© фото А. Дуаз).

Диаграммы на Рис. 6 и 7 демонстрируют неравнозначность двух языков для бретонской идентичности в представлении наших респондентов. Гало, как можно видеть, по мнению большинства, не является неизменным атрибутом бретонской идентичности: нижние бретонцы признают, что он может быть важен, но только для верхних бретонцев.

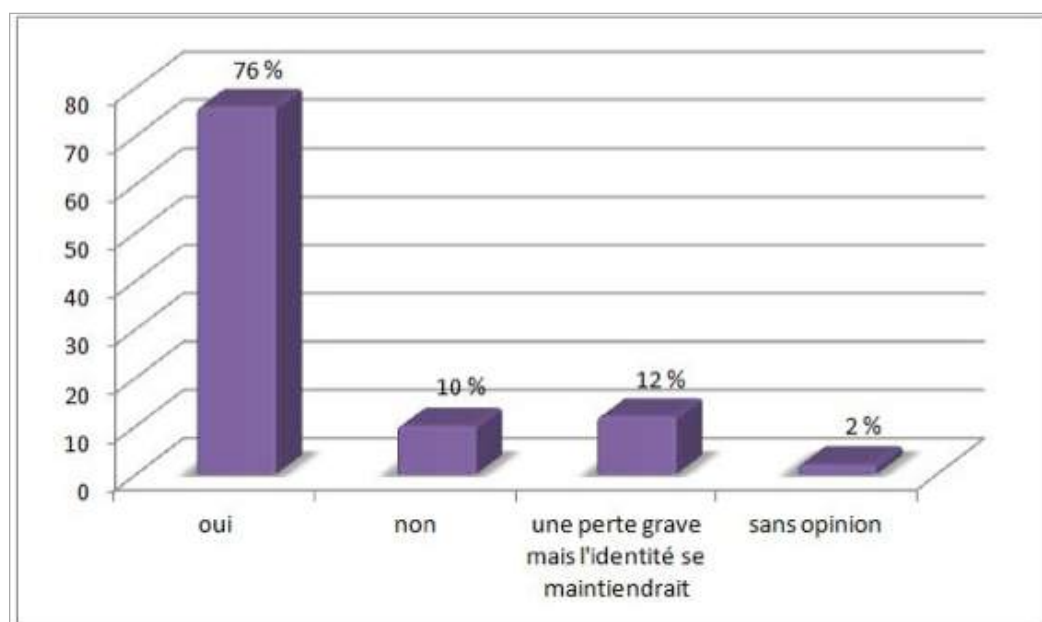

Рис. 6. «Считаете ли Вы, что исчезновение бретонского языка угрожает бретонской идентичности?». Слева направо: 1 – «да», 2 – «нет», 3 – «это будет серьезная потеря, но идентичность сохранится», 4 – нет ответа.

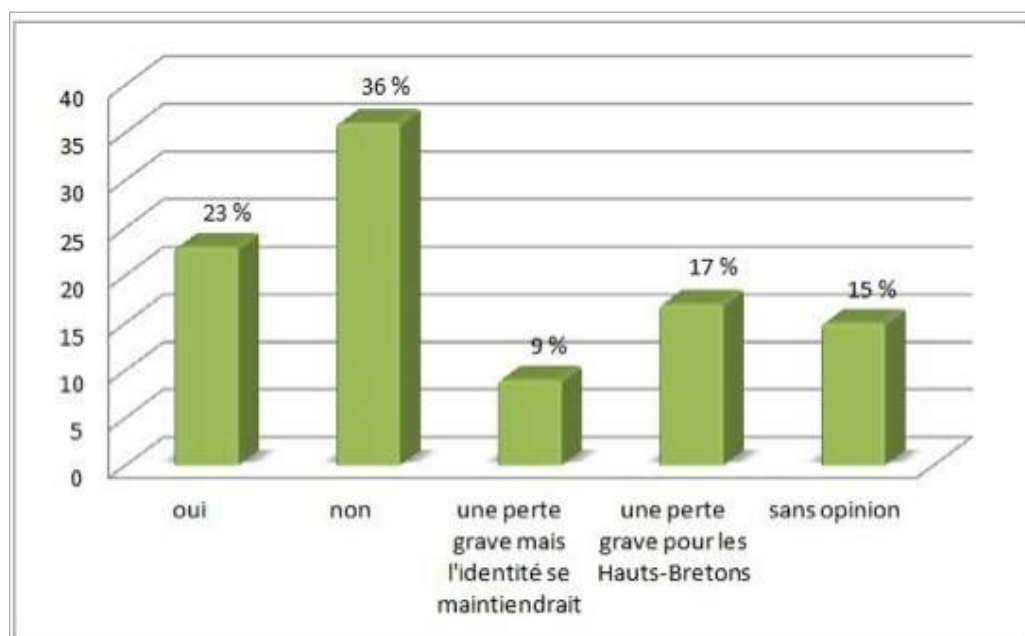

Рис. 7. «Считаете ли Вы, что исчезновение языка гало угрожает бретонской идентичности?». Слева направо: 1 – «да», 2 – «нет», 3 – «это будет серьезная потеря, но идентичность сохранится», 4 – «это будет серьезная потеря для верхних бретонцев», 5 – нет ответа.

Идентичность верхних бретонцев долгое время мыслилась как нечистая, смешанная (Corbel 1984: 589). Она по сей день часто переживается ее носителями под знаком недостатка («ненастоящие», «неполные» бретонцы) или даже исключения (совсем не бретонцы) (Рис. 8). Некоторые ощущают своего рода давление со стороны общества, вынуждающее их говорить по-бретонски или же оправдываться за то, что не знают язык и не предпринимают усилий, чтобы его выучить. Здесь мы сталкиваемся с опасностью, которую представляет определение идентичности на основании единственного – языкового – критерия, и в данном случае – на основании только одного (бретонского) языка. Как отмечает А. Жафф, «логика идентичности воспроизводит монологичное искажение, свойственное французской языковой идеологии...» (Jaffe 2008: 521). Бретонское культурное движение давно сделало ставку на языковое единство как способ достижения политической цели, зеркально повторяя подход французского государства, выстроившего себя при помощи радикальной языковой унификации и искоренения локальных идиом, на которых говорило население на его территории (Nolan 2011: 98–99). По умолчанию за напряженностью между бриттофонами и галофонами всегда маячат фигура третьей стороны – Франции – и попытки выстроить позицию по отношению к ней.

В этом контексте некоторые защитники гало стремились различными способами акцентировать свое отличие от Франции: например, подчеркивали специфичность гало среди других языков лангедойль как

следствие соседства с кельтским языком, или выбирали орфографические нормы, как можно более удаленные от французского. Однако оба этих подхода имели свои ограничения, поэтому современные активисты предпочитают выражать свою непохожесть, не отрицая того факта, что отличие их языка от французского незначительно.

Рис. 8. Обложка журнала Le peuple breton, n° 175, декабрь 1975 г. Надпись на фоне сельского пейзажа гласит: «Страна гало – бретонская?»

Современные последствия старинных общественных представлений

Неравный статус двух языков находит отражение в практиках. Изучение движения за языковое возрождение бретонского и гало дает тому немало примеров. Живучесть представлений – негативных о гало и более позитивных о бретонском – поразительна. Они воспроизводятся, иногда в неизменном, а иногда в смягченном виде, в современных дискуссиях о месте и статусе гало в Бретани.

Обновление бретонского и робкое появление гало

Эти представления проявляются в языковой политике, поскольку в наши дни бретонский язык становится все более заметным в публичном пространстве и пользуется гораздо более серьезной официальной поддержкой по сравнению с гало. В 2016 г. на развитие бретонского языка из регионального бюджета было выделено 8 млн евро, тогда как на нужды гало – только 275 тысяч. Кроме того, Региональный совет предоставляет место бретонскому языку на своем двуязычном интернет-сайте, в своих зданиях, на региональных поездах и автобусах. Постепенно бретонский язык стал ярлыком «аутентичности» для продвижения имиджа региона. В департаментах Кот-д’Армор и Морбиан, через которые проходит зона языкового пограничья, в журнале Совета департамента отводится немного места публикациям на бретонском языке – но не на гало.

Присутствие бретонского языка, чьи защитники мобилизовались раньше, чем активисты движения гало, в публичном пространстве обеспечивается с 1999 года Государственным бюро бретонского языка, преобразованным в 2010 г. в Государственное учреждение культурного сотрудничества (ЕРСС). В его состав входят службы наблюдения за языковыми практиками, перевода, языкового наследия, терминологический центр и агентство развития. Ничего подобного не существовало для гало вплоть до создания в 2016 году Института языка гало (см. ниже).

Гало и бретонский находятся в ситуации «символической конкуренции за признание местными властями» (*Barre 2016*) и обществом. Отношения между двумя языками и вес каждого из них находятся в постоянном развитии, причем в последние годы скорость изменений растет. Положение активистов возрождения гало непростое, потому что они должны, с одной стороны, считаться со статусом эмблемы идентичности, с трудом завоеванным бретонским языком в результате многолетней борьбы, а с другой – продвигать свой собственный язык, все еще недооцененный и ассоциирующийся с прошлым. Часто им кажется, что часть бриттофонов презирает их и не хочет с ними считаться. Кроме того, они не чувствуют достаточной поддержки со стороны властей региона и департаментов, а бюджет, выделяемый на развитие гало, не позволяет обеспечить сохранение и передачу языка в чрезвычайной ситуации.

Часть активистов бретонского движения видят в протестах и инициативах галофонов препятствие к

распространению бретонского языка в Верхней Бретани и, шире, помеху их проекту языковой унификации региона. Критическое состояние, в котором находится бретонский язык, заставляет их опасаться, что расцвет гало приведет к сокращению государственного финансирования бретонского. Ситуация во Франции, крайне неблагоприятная для языков меньшинств, делает эту проблему очень чувствительной. Однако похоже, что пока это беспокойство беспочвенно, поскольку ассигнования на развитие бретонского языка с годами только растут.

Имидж бретонского языка в обществе, в СМИ и в глазах выборной власти в целом позитивный, хотя кое-какие трения случаются. На протяжении XX в. возникла и продолжает развиваться бретонскоязычная городская культура параллельно с сельской, веками бывшей основной питательной средой для бретонского языка. Активисты делают акцент на современности языка, пытаются придать ему яркие краски, организуют мероприятия, рассчитанные на молодежь, завоевывают новые сферы, такие как рок или рэп, производят аудиовизуальный контент (короткометражные и полнометражные фильмы, сериалы, дублируют фильмы и пишут к ним субтитры, на канале Франс-3 еженедельно полтора часа отводится программам на бретонском языке, передачи на нем транслируют пять радиостанций, причем для двух из них это единственный язык вещания. Бретонский активно проникает в интернет (online телеканал, страницы в Википедии и Фейсбуке)... Отметим также, что банки *Crédit Mutuel de Bretagne* и *Crédit*

Agricole предлагают своим клиентам чековые книжки на бретонском языке.

Бретонский используется в некоторых яслях и преподается на всех ступенях обучения от подготовительной школы до аспирантуры (в университетах Ренна и Бреста). На этом языке можно пройти конкурс на право преподавания в школе второй ступени, а также в университете. Существует также ассоциативный сектор, называемый иммерсивным, в рамках которого на бретонском преподаются учебные предметы. В него входят, помимо подготовительных и начальных школ, шесть колледжей и лицей. Кроме того, из года в год растет число занимающихся на вечерних курсах и проходящих длительные (от шести до девяти месяцев) стажировки. Различные инициативы в этой сфере координирует организация *Deskiñ d'an Oadourien* (Преподавание для взрослых), регулярно организующая рекламные кампании. Интерес к бретонскому проявляют теперь люди вне его традиционного географического ареала (Нижней Бретани) и социальной среды (сельской местности). Контингент учащихся на различных курсах и стажировках по изучению бретонского языка более разнообразен, чем на курсах гало для взрослых: в частности, среди них больше иностранцев, пожелавших выучить язык¹⁴.

Успехи гало гораздо скромнее, поскольку он не пользуется таким вниманием СМИ и не обладает такой притягательностью, как бретонский. Его положение остается неустойчивым¹⁵, а школьное преподавание пока очень мало распространено. В подготовительных и

начальных классах организовано только знакомство с языком. В некоторых колледжах и лицеях этот язык предлагается как один из предметов по выбору, но преподавание на нем не ведется. Тем не менее, это единственный язык из группы лангедойл (кроме французского), который с 1983 г. можно по желанию сдавать на выпускных экзаменах. Он также преподается на первых двух курсах в университете Ренн-2 (*Le Coq* 2009: 39–45). Наконец, отметим, что до настоящего времени не организована подготовка учителей гало (*Conseil culturel*: 830).

Преподавание языка взрослым тоже пока недостаточно развито, чтобы быть доступным любому желающему. Вечерние курсы и стажировки трудно организовать из-за нехватки квалифицированных преподавателей, да и самих учеников, поскольку гало все еще редко рассматривается как язык, достойный преподавания и изучения. Что же до немногих пока желающих, они зачастую не могут найти вечерние курсы недалеко от дома. Первая трехмесячная стажировка была организована в 2009 г., но возобновить ее в последующие годы не удалось, т.к. не нашлось достаточно учеников. В самое последнее время стали открываться краткосрочные (недельные) курсы, в частности, в начале 2018 г. такие курсы были дважды организованы при центре изучения бретонского языка *Skol an Emzav* в Ренне.

Влияние традиционных представлений заметно также в установках жителей Верхней Бретани по отношению к бретонскому и гало. При наличии возможностей изучать оба языка те, кто решают предпринять практические шаги

в этом направлении, выбирают преимущественно бретонский. Несмотря на глубокую эмоциональную привязанность к гало – сокровенному языку, который часто напоминает о детстве, о дедушках и бабушках, о местном сообществе, бретонский оказывается более привлекательным. Такую установку нетрудно объяснить, зная, что символическая выгода от изучения бретонского языка гораздо выше (Bourdieu 1982: 136). Совершенно очевидно, что куда легче идентифицировать себя с языком, ставшим знаменем бретонской идентичности, чем с языком, подвергающимся систематической дискредитации. Неслучайно многие культурные ассоциации Верхней Бретани выбирают себе бретонские названия (см. Рис. 9).

Рис. 9. Использование бретонского языка кельтским кружком из Верхней Бретани «Звезда Гуэ» (© фото А. Диаз).

Можно констатировать, кроме того, что жители Нижней Бретани с трудом мобилизуются на защиту своего языка. Некоторые из них даже считают, что требования обеспечения языковых прав сродни экстремизму. Старики менее всего чувствуют ответственность за его сохранение (Rey 2010: 2) и пессимистично настроены по отношению к усилиям в этом направлении, тогда как молодежь более, чем другие возрастные группы, сожалеет об отсутствии инициатив в данной сфере (Blanchard, Shkunaeva 2005: 139). Высказывания респондентов часто отмечены фатализмом перед лицом неизбежного, по их мнению, исчезновения языка. Такая неспособность верхних бретонцев к самоутверждению, к отстаиванию своих прав происходит в основном из все еще неизжитого комплекса неполноценности, основанного на представлении о том, что гало – это не настоящий язык.

Региональные языки на пути к утверждению своего статуса проходят через одни и те же этапы: нормализация письменности, нормализация лексики, легитимация с помощью создания литературных текстов, учебников, грамматик и словарей. Гало, идущий по стопам бретонского, вступил на этот путь в 1980-е годы. Параллельно ведется большая работа по модернизации имиджа языка, выведения его из разряда «крестьянских забав» посредством сочинения на нем современных песен и стихов, театральных постановок¹⁶, радиопередач и видеороликов. Однако в настоящее время бретонский заметно опережает гало как по числу созданных на нем

произведений, так и по разнообразию жанров и сфер его применения.

Современная ситуация: к постепенному уравниванию статуса языков в Бретани?

Усилия активистов начинают приносить плоды, имидж гало постепенно меняется. Распространяется идея «общности судеб» миноритарных языков в Бретани и параллельно с ней – идея о существовании отдельной верхне-бретонской идентичности. Мероприятия, посвященные гало, пользуются успехом у публики: можно назвать, например, организуемый каждую осень костармориканским отделением ассоциации «*Bertègn Galèzz*» (Галезская Бретань) фестиваль «Гало на сцене», фестиваль *Mil Goul*¹⁷, организуемый реннским отделением той же ассоциации, организация экскурсий на гало по различным музеям и другим культурным объектам.

Движение защитников и пропагандистов гало постепенно структурируется. В последние годы им предпринимаются различные инициативы, направленные на привлечение внимания к судьбе языка. В начале 2012 г. во время представления в Региональном совете доклада об актуализации языковой политики была организована молчаливая демонстрация людей с кляпами во рту. Таким образом они хотели выразить протест против игнорирования гало в докладе, содержавшем, действительно, очень незначительные меры в его поддержку. Характерно, что, вскоре на отремонтированных региональных вокзалах, в том числе в Верхней Бретани, началась

установка вывесок и указателей на двух языках: французском и бретонском, но не на гало (Рис. 11).

Рис. 10. «Гало – романский язык Бретани». Надпись по-французски на баннере, пропагандирующем гало как самостоятельный полноправный язык. Фестиваль Ассамблеи гало, 2016 г. (© фото А. Диаз).

Правда, по многочисленным требованиям активистов гало все же появился на логотипе и автоответчике Регионального совета Бретани, в здании которого теперь тоже присутствуют надписи на трех языках.

Рис. 11. Двухязычные (французско-бретонские) указатели на вокзале в Верхней Бретани (© фото А. Диаз).

В 2015 г. в отношении к гало произошел решительный поворот: Совет по культуре Бретани представил Региональному совету доклад, впервые содержащий исчерпывающую информацию о современном состоянии гало и необходимых мерах по его спасению. Осенью 2016 г. по инициативе Регионального совета прошло первое заседание, посвященное выработке целевой языковой программы, с участием сотни деятелей культуры. В 2017 г. вручение ежегодной премии *Priz du Galo*, которой с 2011 г. награждаются лица или организации, имеющие заслуги в сфере развития и сохранения языка, впервые было организовано Региональным советом и транслировалось по местному

телевидению. Разработаны и внедряются новые механизмы возрождения языка, среди которых принятая в 2015 г. хартия «*du Galo, dam Yan, dam Vèr*» («гало – да, конечно!»), цель которой – продвигать использование языка в экономической, социальной и культурной жизни. В 2017 г. предложен новый формат преподавания гало в начальной школе (15 минут ежедневно), который сейчас тестируется в нескольких школах Верхней Бретани. В конце 2016 г. открыт Институт гало, финансируемый Региональным советом. Его статус еще предстоит уточнить, но, судя по всему, он должен стать эквивалентом существующего с 2010 г. Государственного управления Бретонского языка¹⁸. Действительно, в его задачи входит содействие межпоколенной передаче языка посредством организации его преподавания детям и взрослым, продвижения хартии «*du Galo, dam Yan, dam Vèr*» и расширения места языка в публичном пространстве и СМИ. Институт, в котором на данное время два оплачиваемых сотрудника, начал с мая 2018 г. выпускать первый журнал на гало для детей в возрасте от 3 до 9 лет (Рис. 12). Одновременно запущен проект энциклопедии Верхней Бретани. С конца 2018 г. в сотрудничестве с ассоциацией дубляжа на бретонский язык *Dizale* открыты недельные курсы по подготовке специалистов дубляжа на гало.

Бриттофоны постепенно начинают интересоваться гало, некоторые (из числа молодежи) даже записываются на курсы для его изучения, и похоже, что отношения между защитниками двух языков улучшаются. В свою очередь, верхние бретонцы все чаще выражают

готовность бороться за сохранение своего языкового наследия, и у них даже рождается некая гордость, хотя пока и робкая, за свой язык.

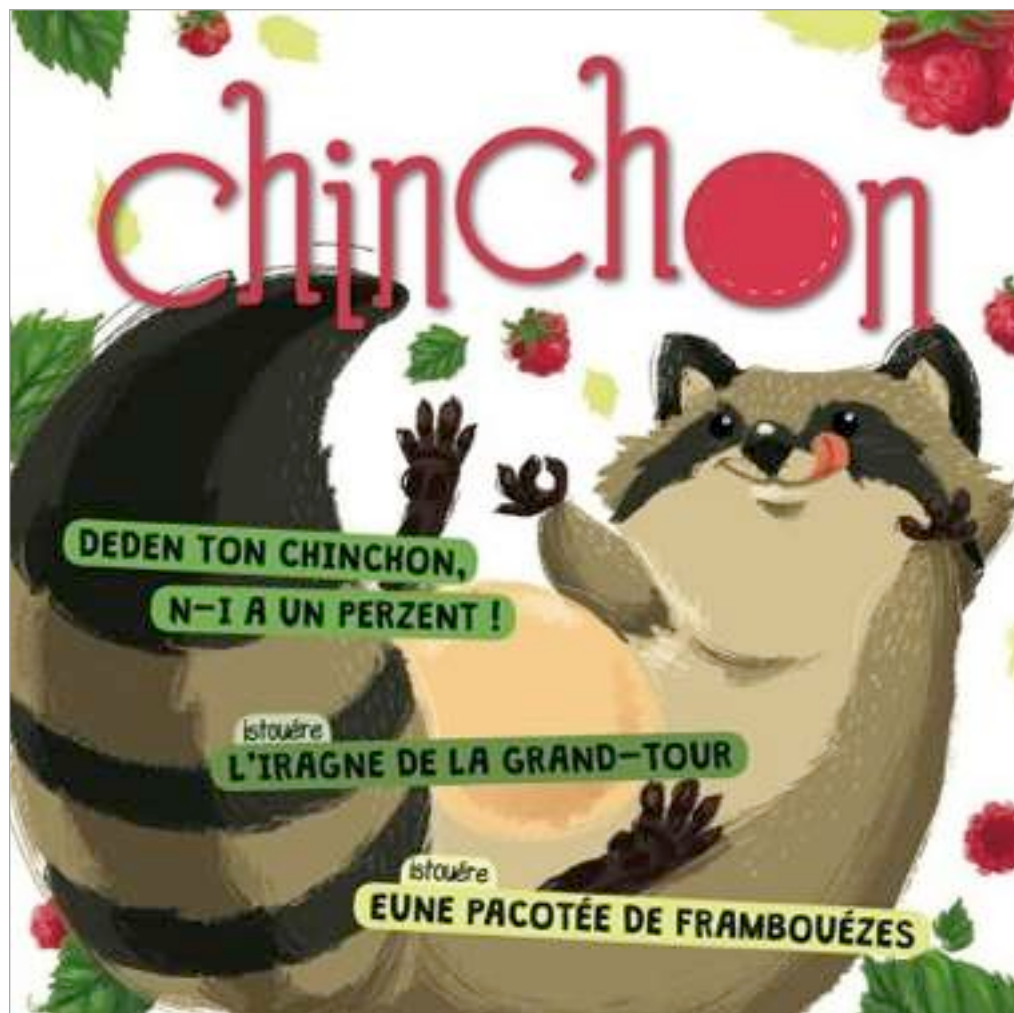

Рис. 12. Первый детский журнал на языке гало (www.institutdugalo.bzh)

Конфликт интересов вокруг двуязычных вывесок в Верхней Бретани

Как уже было сказано, современные практики бретонского языка подрывают разделение бретонского пространства на восточную и западную части. Не будучи

более ограниченным своей традиционной средой бытования – сельской Нижней Бретанью – он распространяется, в том числе, в городах Верхней Бретани¹⁹.

Движения бриттофонов и галофонов стремятся – каждое по-своему – утвердить свое видение Бретани, исходя из собственных потребностей и интересов. Эти два видения территории развиваются параллельно: в дискурсе защитников бретонского доминирует представление о том, что языковая граница осталась в прошлом, тогда как для защитников гало она по-прежнему имеет смысл, позволяя привлечь внимание общественности, СМИ и властных структур к существованию этого языка. Оба дискурса легитимируют требование обеспечения языковых прав: в первом случае – бриттофонов, живущих в Верхней Бретани, во втором – галофонов. Выбор в пользу карт, на которых не отмечена языковая граница, позволяет представить регион как монолитное бретонское пространство, простирающееся с запада на восток, усилив его противопоставление Франции. Напротив, карты с отмеченной языковой границей, на которых обозначена и поименована территория Верхней Бретани, способствуют привлечению внимания к ее социолингвистической специфике (Рис. 13).

На протяжении нескольких десятилетий активисты сохранения бретонского языка борются за его присутствие в публичном пространстве, в частности, при помощи двуязычных вывесок и дорожных указателей.

Рис. 13. Карта Бретани с обозначенной языковой границей (Mikael Bodlore-Penlaez/Bretagne Culture Diversité; www.bcd.bzh)

Эта борьба увенчалась успехом в некоторых коммунах Нижней Бретани, где установлены двуязычные дорожные панно, вывески на общественных зданиях и магазинах, таблички с названиями улиц... Однако лоббирование со стороны бретонских языковых активистов привело к распространению этой практики и на Верхнюю Бретань. Ситуация здесь достаточно сложна: действительно, немало топонимов, особенно в смешанной зоне, имеют здесь бретонское происхождение (*Рис. 1*), однако многие из них произносятся на особый манер, привычный обитателям этих мест. В восточной части Верхней Бретани бретонские топонимы очень редки, хотя здесь есть очаги, где развивается бретонский язык – в частности, столица региона город Ренн. Двуязычные панно в Верхней Бретани устанавливаются индивидуально в случайном порядке, общего плана их размещения нет, если не считать французско-бретонских указателей на всех дорогах департамента Морбиан, включая его восточную часть – зону распространения гало (*Рис. 14*).

Защитники гало воспринимают установку таких панно, не согласованную с местными жителями, как произвол. Среди обычного населения, далекого от активизма, они также не пользуются популярностью. Чаще всего они раздражают, а иногда и откровенно оскорбляют. Люди реагируют порой достаточно остро, иногда инстинктивно.

Рис. 14. Трехязычные дорожные указатели при въезде в одну из коммун в зоне распространения гало (© фото А. Диаз).

Многие жалуются на неуважение и воспринимают такую практику как захватническую. Следует подчеркнуть, однако, что немногие в Верхней Бретани хотели бы видеть надписи на гало вместо бретонского, хотя их число медленно растет. Несколько коммун по собственной инициативе установили на въезде указатели на гало (поместив их под французскими). Надписи на гало встречаются также на улицах, памятниках, некоторых общественных объектах.

Топонимы, таким образом, используются защитниками языков в качестве маркеров пространства, способов идентификации и механизмов конструирования языковых общностей. Два видения будущего региона противостоят друг другу: либо признание языковой неоднородности, оставляющее место как для бретонского, так и для гало, либо унификация, гомогенизация на базе бретонского языка, вписывающаяся в проект нациестроительства по образу и подобию (и в противовес) Франции²⁰.

Заключение

Бретань являет собой яркий пример неравного статуса двух языков: бретонского, воспринимаемого как знамя региональной идентичности, и гало, с трудом отвоевывающего себе место рядом с ним. Несмотря на эмоциональную привязанность к гало жителей Верхней Бретани, часть из них делает выбор в пользу бретонского языка, как по причине его радикального отличия от французского, так и из-за недостаточно развитой сети

курсов гало, который все еще считается недостойным изучения. Носители языка, испытывающие комплекс неполноценности как перед франкофонами, так и перед бриттофонами, с трудом мобилизуются на его защиту. Наконец, активисты сохранения и возрождения гало встречают затруднения на пути его продвижения, в то время как бретонский получает более значительную поддержку со стороны администрации департаментов и региона. Их отношения с частью бриттофонов натянуты и отмечены взаимным недоверием и подозрениями, каждая сторона пытается отстаивать свои интересы, добиваясь публичного признания и финансовой помощи.

За этими трениями между двумя миноритарными языками в Бретани стоит потребность региона утвердить свое отличие от Франции, заставляющая отдавать предпочтение наиболее отдаленной от нее как в лингвистическом, так и в географическом отношении составляющей. Во французском контексте, крайне неблагоприятном для сохранения культурных и языковых различий, активисты бретонского языкового возрождения сделали ставку на радикальное несходство, с одной стороны, и на конкуренцию с престижным французским языком – с другой. В случае гало – близкого родственника французского, по сей день зачастую квалифицируемого как его диалект, стратегия не может быть такой же. Попытки противостоять французскому или бретонскому обречены на неудачу, поэтому активисты движения за возрождение гало вынуждены искать другие пути. Новые формы продвижения и пропаганды языка постепенно ведут к улучшению его

имиджа как среди носителей, так и среди всего населения. Однако в настоящее время трудно прогнозировать, какой эффект дадут эти усилия и сохранится ли нынешняя динамика языкового возрождения.

* Перевод с французского *Е.И.Филипповой* выполнен при поддержке гранта РНФ № 15-18-00099п.

Примечания

1 Сегодня это разделение размыто, в частности, благодаря распространению бретонского языка в городах Верхней Бретани.

2 Loi constitutionnelle n° 92-554 du 25 juin 1992.

3 Loi constitutionnelle n° 2008-724 du 23 juillet 2008 de modernisation des institutions de la Ve République.

4 Можно привести множество ссылок на «неясность» бретонского языка, непонятного и непроизносимого по причине странного, даже варварского звучания. В XVIII и XIX вв. бриттофоны постоянно изображались как противники прогресса, Республики и Просвещения. См. напр.: *Le Menn* 1984: 120; *Le Coadic* 2004: 153-166

5 См. об этом подробнее: *Diaz* 2018.

6 Видимо, не случайно теми же чертами наделяют самих жителей Нижней Бретани, которым часто

приписывают некоторую агрессивность и властный характер.

7 Другие типы высказываний: мнения о современном состоянии и будущем языка (15%), мнения относительно того, можно ли считать бретонский отдельным языком (14%), мнения о его месте в сегодняшней Бретани и в бретонской идентичности (13%), негативные реакции и суждения (8%) и, наконец, отношение к бретонскому движению (7%).

8 Другие типы высказываний: мнения о современном состоянии и будущем языка (14%), мнения о его месте в сегодняшней Бретани и в бретонской идентичности (13%) и чувство отличия от галофонов (9%).

9 Р. Ле Коадик отмечал в 2004 г., что жители Нижней Бретани очень редко говорят о гало (*Le Coadic* 2004: 103).

10 Раздражение вызывает в основном невозможность понять бриттофонов. Оно принимает форму обиды, если человек чувствует себя исключенным из разговора или если он думает, что бретонский язык используется специально, чтобы над ним посмеяться. Кроме того, бриттофонов часто упрекают в экстремизме при отстаивании своих культурных прав.

11 Так было не всегда: так же, как сегодня гало, бретонский прежде часто рассматривался как «говор» (*patois*).

12 Некоторые бретонские активисты рассматривают романские заимствования в языке как проблему и

считают своей задачей искоренение слов некельтского происхождения.

13 Об истории культурного движения гало см.: *Morin 1997* и *Mandard 2017*.

14 В то же время, улучшение имиджа бретонского языка не означает, что он вне опасности: количества новых носителей пока недостаточно для замещения продолжающегося сокращения численности людей, говорящих на нем с рождения.

15 Так, во время опроса, проводившегося в 2000-е гг. среди учащихся коллежей и лицеев, ни один из них не назвал гало в качестве первого домашнего языка и только 2,2% ответили, что выучили французский и гало одновременно.

16 С. Келлер, в частности, показал, каким образом использование словарей в театральных постановках на гало придает языку легитимность (см.: *Keller 2016*).

17 Выражение *Mil Goul* означает на гало «во всех видах».

18 Государственное учреждение с государственным и региональным сотрудничеством и финансированием для поощрения и развития преподавания и использования бретонского языка в повседневной жизни (прим. перев.).

19 Если бретонский продвигается в восточную зону, где он никогда не был разговорным языком

населения, то гало, напротив, не формирует свое пространство на западе Бретани, вопреки наличию носителей.

20 Этот проект объединяет не всех бриттофонов.

Библиография

Ле Коадик Р. Мы столкнулись с врагом, и он – это мы: бретонский язык вчера, сегодня, завтра. *Филиппова Е.И.* (ред.). Языки меньшинств: юридический статус и повседневные практики. М., ИЭА РАН 2013. С. 104–124.

Association Buhez. Parlons du breton. Rennes: Ouest-France, 2001.

Barre R. «Une double minorisation linguistique? Le cas du gallo et du scots», communication au colloque international «Bretagne-Écosse », Université de Bretagne Occidentale, 30 juin et 1er juillet 2016.

Blanchard L. et Shkunaeva E. Pratiques et représentations de la langue et de la culture régionales en Haute Bretagne, mémoire de master 2, sous la direction de *Philippe Blanchet*, Université Rennes 2, 2005.

Blanchet P. La linguistique de terrain, méthode et théorie. Une approche ethnosociolinguistique de la complexité. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2012

Bourdieu P. Ce que parler veut dire. L'économie des échanges linguistiques. Paris: Fayard, 1982.

Broudic F. Parler breton au XXIe siècle. Le nouveau sondage de TMO-Régions. Brest: Emgleo Breiz, 2009.

Conseil culturel de Bretagne. Gallo, étude et préconisations. Rapport du groupe de travail, Rennes, mai 2015.

Corbel P. La figure du Gallo. Identité et représentations de la Haute-Bretagne, thèse de 3e cycle en sociologie, sous la direction de *Marcel Jollivet*, Université Paris 10, 1984.

Diaz A. «Gallos» et «Bretons»: représentations de l'Autre et mobilisation de la frontière linguistique dans les processus de construction identitaire. Une approche anthropologique de la limite entre Haute et Basse-Bretagne, thèse de doctorat en langue, littérature et culture bretonnes, sous la direction de *Ronan Le Coadic et Philippe Pesteil*, Université Rennes 2, 2018.

Hoare R. «Linguistic Competence and Regional Identity in Brittany: Attitudes and Perceptions of Identity», *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, vol. 21, no 4, 2000, p. 324–346.

Institut du galo/l'institut de la langue gallese. Perzentézon de la chomerie de l'Institut du Galo/Présentation de la mise en œuvre de l'Institut de la langue gallèse, Rennes, février 2017.

Jackson K.H. A historical phonology of Breton. Dublin: The Dublin Institute for advanced studies, 1967.

Jaffe A. «Parlers et idéologies langagières», *Ethnologie française*, vol. 38, no 3, 2008, p. 517–526.

Keller S. Defining and Displaying Gallo: Language and Ideology in Upper Brittany, France, thèse de doctorat en linguistique, sous la direction d'*Elaine Chun*, University of South Carolina, 2016.

Le Coadic R. «Bretagne et tabou», *Weill N.* (dir.), *Que reste-t-il de nos tabous?*, Actes du 15e forum Le Monde/Le Mans, 24-26 octobre 2003. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2004, p. 153–166.

Le Coadic R. La Bretagne dans 20 ans. Brest: Éditions Le Télégramme, 2004.

Le Coadic R. «Espaces bretons entre territorialisation et déterritorialisation», *Aït Abdelmalek A.* (dir.), *Le Territoire entre l'Europe et l'État-nation*. Rennes: Presses Universitaires de Rennes, 2006, p. 63–75.

Le Coadic R. «Éléments sur les relations entre langue et identité en Bretagne», *International Journal of the Sociology of Language*, no 223, septembre 2013, p. 23–41.

Le Coq A. «L'enseignement du gallo», *Tréma*, no 31, 2009, p. 39–45.

Le Menn G. «Les Bretons bretonnants d'après quelques textes et récits de voyage (XIVe-XVIIe siècles)», *Mémoires de la Société d'Histoire et d'Archéologie de Bretagne*, vol. 61, 1984.

Mandar L. Une politique du patois? Parlers populaires et militantisme en Haute-Bretagne, de l'entre-deux-guerres aux années 1980. Mémoire de master d'histoire, sous la direction d'*Emmanuelle Loyer et Ronan Le Coadic*, Institut d'Études Politiques de Paris, 2017.

Morin G. «Langue, culture et littérature gallèses au XXe siècle», *Balcou J. et Le Gallo Y.* (dir.), *Histoire littéraire et culturelle de la Bretagne*, Paris/Spézet, Champion/Coop Breizh, 1997, vol. 3, p. 253–263.

Nolan J.S. «School and Extended Family in the Transmission and Revitalisation of Gallo in Upper-Brittany». *Journal of Multilingual and Multicultural Development*, vol. 29, no 3, 2008, p. 216–234.

Nolan J.S. «Reassessing Gallo as a regional language in France: language emancipation vs. monolingual language ideology», *International Journal of the Sociology of Language*, no 209, juin 2011, p. 91–112.

Nolan J.S. «The results of a nascent language emancipation in France: perceptions of the status and future of Gallo in the context of its inclusion in Brittany's language education policy», *Sociolinguistic Studies*, vol. 7, no 1–2, 2013, p. 151–166.

Rey C.H. C. Planning language practices and representations of identity within the Gallo community in Brittany. A case of language maintenance, thèse de doctorat en linguistique, sous la direction de *Jean-Pierre Montreuil*, Université du Texas, Austin, 2010.

ТМО Régions 2013 – Результаты телефонного опроса, реализованные для подготовки отчета «Baromètre Identité culturelle de la Bretagne» по заказу ассоциации «Bretagne Culture Diversite».

Une politique linguistique pour la Bretagne. Rapport d'actualisation, mars 2012. https://www.bretagne.bzh/jcms/preprod_144323/rapport-d-actualisation-de-la-politique-linguistique-pour-la-bretagne-session-du-conseil-regional-de-mars-2012

Unesco – Atlas Unesco des langues en danger dans le monde [site internet]. <http://www.unesco.org/languages-atlas/fr/atlasmap.html> [consulté le 28 juillet 2018].

ГЛАВА 2

*Александра Филон,
Сами Зеньяни*

МЕСТО ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В СЕМЕЙНЫХ ЯЗЫКОВЫХ ПОЛИТИКАХ АРАБОЯЗЫЧНЫХ И БЕРБЕРОЯЗЫЧНЫХ РОДИТЕЛЕЙ ВО ФРАНЦИИ

Изучение языков иммиграции в семейной сфере требует понимания взаимодействия детей и родителей, окружающего мира, в котором они существуют, а также их индивидуальных жизненных траекторий.

Семейные языковые практики многообразны, часто они многоязычны, сочетая один или несколько языков иммиграции с различными вариантами французского языка. При анализе такого использования языков важно исходить из социального опыта говорящих, контекста их жизни, обращать внимание на ситуации и обстоятельства, в которых они прибегают к тому или иному языку. Действительно, языки, используемые в семье и за ее пределами, подчиняются опосредованному социальным представлениям и языковым идеологиям (*Jaffe 2008*). Поэтому, чтобы понять суть семейного языкового общения, необходимо выявить значение и ценность,

приписываемые различным языкам самими говорящими и их ближайшим окружением.

Ниже мы попытаемся рассмотреть, что позволяет семьям передавать из поколения в поколения арабский и берберский языки, но мы также продемонстрируем центральное место французского языка в языковом репертуаре детей и их родителей. В современной Франции французский язык является доминирующим, и мигрантов буквально вынуждают говорить на нем. Как семьи реагируют на это официальное давление? Каким образом родители и дети организуют свои языковые практики, чтобы, с одной стороны, не забыть свои корни, а с другой – интегрироваться в принимающее общество?

Чтобы ответить на эти вопросы, мы используем разные типы количественных и качественных данных: общенациональные статистические исследования, интервью с мигрантами из Северной Африки, а также этнографические наблюдения в нескольких «просто-народных» кварталах. Эти разные по своей природе материалы дают возможность судить о языковых практиках, но также дают доступ к металингвистическому дискурсу, который потенциально может влиять на отношение к тем или иным языкам.

Источники исследования:

от количественных к качественным данным

Подобраться к изучению языкового поведения нелегко, особенно если речь идет о попытке понять, что происходит внутри семьи. Отсюда необходимость синтеза данных, полученных из самых разных источников:

массовых опросов, интервью и наблюдений. Каждый из этих методов дает свой, особый взгляд на проблему межпоколенной передачи языков в семье.

В 1999 при проведении массового исследования «Семейная история», совместно организованного Национальным статистическим и Национальным демографическим институтами, в опросник впервые был включен блок о языках семейного общения детей и их родителей, выявивший языковую картину в границах метрополии (Héran, Deprez, Filhon 2002). Блок включал три вопроса. Первый касался «языков, диалектов или наречий», на которых родители говорили с респондентом, когда тому было пять лет. Для записи ответа было предусмотрено по две линии для языков, на которых говорили, соответственно, отец и мать респондента. На основании этих ответов была затем создана переменная «языки, полученные респондентом». Второй вопрос был направлен на выявление языков, переданных респондентом его собственным детям. Наконец, последний вопрос касался языков (помимо французского), на которых респондент говорит со своими близкими в повседневной жизни. С тех пор исследования такого масштаба (360 тыс. опрошенных взрослых), содержащего аналогичную информацию, не проводилось, поэтому эта широкая панорама присутствия языков иммиграции и заявленного уровня их межпоколенной передачи послужит нам первой ступенькой для изучения соотношения языков в семейной сфере.

Для детализации этой общей картины в начале 2000-х гг. мы провели исследование среди арабоязычных и бербероязычных родителей и их детей, чтобы понять, какое место занимают родительские языки в общении с

детьми и что означает их передача (или отсутствие таковой) от поколения к поколению (Filhon 2009). Одновременно другое исследование, направленное на изучение жизненных стилей молодежи из кварталов массовой застройки и включавшее вопросы языкового общения молодых людей между собой, их отношения к родительским языкам, а также к школьному и «уличному» французскому языку, позволило выявить, какие языковые практики привносит в родительский дом молодое поколение (Zegnani 2013).

Мы отдаем себе отчет в том, что наш подход имеет определенный недостаток, связанный с тем, что собранные данные репрезентируют различные выборки. Количественные данные представляют собой редкий источник, позволяющий судить о межпоколенной передаче языков в стране в целом. Интервью хороши тем, что позволяют проникнуть «внутри» семьи, их цель – зафиксировать спонтанное общение между родителями и детьми, а также глубже понять родительские стратегии, способы передачи языков, которыми они дорожат, а также трудности, которые могут встретиться на этом пути. Наконец, наблюдение за поведением детей при общении со сверстниками необходимо для понимания языкового поведения вне семьи, в дружеском кругу. Эти этнографические наблюдения дали возможность увидеть, как языки иммиграции (родительские языки) используются детьми за пределами семьи, а также зафиксировать те особенности языкового поведения, которые могут впоследствии быть перенесены в сферу семейного общения. Это позволило нам выявить важность роли «наследников» в выработке и корректировке семейной языковой политики.

Неравностатусные языки иммиграции

Языковой блок исследования 1999 г. (*Lefèvre, Filhon 2005*) представляет в наше распоряжение панораму основных языков, названных взрослыми респондентами, с разделением на те, которые были ими получены от родителей и те, на которых они сами затем, как утверждают, говорили со своими детьми. Эти данные не дают нам точной информации о реальных языковых практиках: некоторым респондентам свойственно переоценивать использование тех или иных языков, другим, напротив, его недооценивать. Однако они все же позволяют в общих чертах обрисовать языковую ситуацию во Франции, оценить распространенность многоязычия¹ в семьях или место, отводимое в них французскому языку. Так, мы узнали, что примерно четверть жителей Франции на дату опроса считали, что слышали в детстве, как родители говорили на другом языке, кроме французского, причем в половине случаев речь шла о языках иммиграции. Среди наиболее распространенных языков первое место занимал арабский, за ним следовали португальский, испанский, итальянский и немецкий – языки, отражающие основные волны иммиграции, сменявшие друг друга на территории метрополии (*Filhon, Zegnani 2013*), или практикуемые в некоторых пограничных странах. Однако и многие другие языки, хотя и не столь заметные статистически, используются в семьях и передаются из поколения в поколение. Всего в ходе исследования было названо несколько сотен языков, но большинство респондентов говорило лишь примерно на десяти из них.

Некоторые языки – такие как английский, турецкий или китайский – отличаются особенно высоким уровнем межпоколенной передачи. Причин, объясняющих это, может быть много, и, вероятно, они неодинаковы для каждого языка. Как правило, чаще других заявляют о передаче своего первого языка детям родители, обладающие невысоким социальным статусом (*Filhon 2010*). Этот культурный капитал, являющийся частью их жизненного опыта, тесно связанного с опытом иммиграции (*Delcroix 2007*), представляет для них ценность, и потому они стремятся сохранить его. Английский язык (наряду с эльзасским) является исключением из этого правила, поскольку он чаще передается в семьях дипломированных специалистов, занимающих достаточно высокое положение в обществе. Это объясняется ролью языковых идеологий (*Jaffe 2008*); социальная иерархия, выстраиваемая металингвистическим дискурсом и институтами, способствует приданию определенной общественной ценности тем или иным языкам и говорящим на них, причем эта ценность может по-разному приниматься во внимание семьями в зависимости от контекста, в котором они существуют. Семейные языковые политики, т.е. выбор родителями и детьми языка повседневного общения и стратегий, принимаемых на вооружение с целью обеспечения этого использования, также варьируют от семьи к семье. Семейные языковые политики англоязычных и арабоязычных различаются в том числе и потому, что эти языки имеют неравную общественную ценность.

Тюркоязычное население Франции с 1980-х гг. во многих научных публикациях рассматривается как особый случай (*Tribalat 1995*) в том, что касается сохранения

многих культурных черт, связанных со страной происхождения. Однако отнюдь не представляя собой однородную диаспору (*De Taria* 2012), тюркоязычные родители существенно отличаются друг от друга в религиозном, социальном и культурном отношении. Тем не менее, их объединяет то, что они не являются выходцами из бывшей французской колонии, и это объясняет изначальную чуждость им французского языка, которую усиливают социодемографические характеристики (часто это сельское по происхождению и малообразованное население, что еще более усугубляет проблемы, связанные с незнанием французского языка по приезду). С другой стороны, сохранение турецкого языка в семьях объясняется также свойственными некоторым турецким иммигрантам транснациональными практиками, в частности, их включенностью в сеть торговли халяльными продуктами, что связано также с их религиозными убеждениями (*Zegnani* 2013). Действительно, испытывая трудности с профессиональной интеграцией или не желая работать в определенных секторах рынка, которые они считают несовместимыми с исламскими практиками, многие турки занимаются «халяльной» торговлей, предполагающей частые поездки из Франции в Турцию и обратно.

Наконец, языки вроде китайского или лао, также широко передаваемые, по словам опрошенных, из поколения в поколение, подобно английскому, хотя и в меньшей степени, обладают сегодня высокой социальной ценностью – например, в школах они преподаются гораздо чаще, чем арабский или португальский. Таким образом, положительное восприятие этих языков отчасти

объясняет, вероятно, то обстоятельство, что родители с большей уверенностью готовы передавать их своим детям. Добавим к этому сравнительно недавнее появление во Франции иммигрантов из азиатского региона и малую распространенность французского языка в их родных странах. Вполне логично, что родители, прибывающие во Францию, не зная французского языка, на первых порах сохраняют родной язык и передают его своим детям. И лишь позже французский язык понемногу проникает в семейную сферу, изменяя характер языкового общения между детьми и родителями.

Итак, первым шагом к пониманию семейных языковых политик является констатация неравного статуса языков и их носителей.

Основные модели межпоколенной передачи языков в семье

Помимо различий, связанных со статусом и положением самого языка и связанного с ним предполагаемого «языкового сообщества», внутри одной и той же группы, далеко не однородной, как показал Саяд еще в 1970-х гг. на примере трех поколений алжирских иммигрантов (*Sayad* 1977), семейные языковые политики также отличаются. В результате наших интервью с арабоязычными и бербероязычными мигрантами, прибывшими из Марокко, Туниса и Алжира, удалось выявить три профиля родителей в зависимости от того, какие языки они передают своим детям и с какой целью.

К первому профилю мы относим мигрантов, не владеющих французским языком, – в основном молодых

родителей, недавно приехавших во Францию и имеющих низкий уровень образования. В большинстве своем это молодые женщины, приехавшие вслед за мужем по мотиву воссоединения семьи, что означает, что вскоре они станут матерями, и со своими детьми будут «естественно» говорить на арабском или берберском языке. Так было с Ф., сегодня – матерью четырех детей в возрасте от 27 до 13 лет. Когда она приехала во Францию, она не знала ни слова по-французски, ее родной язык – берберский, но она также свободно говорит по-арабски и предпочитает пользоваться этим языком как в семье, так и за ее пределами.

Ф.: Между собой мы говорим по-арабски, но с самого первого дня после приезда у меня тоже была цель выучить французский, в первый год мне было очень неловко. (...)

А.Ф.: А с мужем вы говорите на каком языке, больше на арабском или на берберском? Ф.: Это смотря о чем говорить (смеется), мне больше нравится арабский, если честно, я его предпочитаю берберскому, мне он кажется, не знаю, более элегантным, и потом это язык Корана и язык еще многих вещей. Арабский, я считаю, более ценный, чем берберский. На берберском есть книги, можно научиться писать, письменность немного похожа на иврит, но я не научилась. Берберский не входит в систему школьного образования, это сегодня проблема в Алжире. А.Ф.: И все же, в каких случаях вы с мужем говорите на берберском? Ф.: Когда ругаемся (смеется), но со мной это нечасто бывает, чтобы я выходила из себя. Есть некоторые выражения, которые существуют в одном языке и отсутствуют в других, то есть некоторые вещи можно сказать только на берберском, а какие-то, наоборот, только на арабском. Так, мелочи какие-то, пустяковые истории... нет каких-то конкретных тем. Но все же, как бы то ни было, больше говорим на арабском. Что касается

французского, то в основном это касается слов, которые трудно перевести, есть такие слова, которым нелегко быстро подобрать соответствие в арабском языке, то есть найти можно, но нужно как следует подумать (смеется), так что быстрее выходит сказать по-французски. Поэтому, как я вам сказала (смеется), когда мы ругаемся, то переходим на берберский, потому что берберские слова тут первыми приходят в голову. А.Ф.: А ваши дети, когда вы к ним обращаетесь по-арабски, они вам отвечают на каком языке? Ф.: На французском, это зависит тоже от темы разговора, но им проще отвечать на французском, чем на арабском, для них говорить по-французски выходит быстрее. Например, они знают, что если кто-то звонит по телефону и обращается к ним на арабском, то и ответить надо на арабском из уважения к собеседнику, но им иногда не хватает нужных слов, и потом у них нет привычки, да, именно привычки не хватает. А.Ф.: А между собой они говорят..? Ф.: По-французски, только по-французски.

В таких многоязычных семьях детям часто удается задействовать родительский языковой капитал, даже несмотря на то, что французский быстро становится языком повседневного общения между братьями и сестрами, с друзьями и в целом вне семьи. Напротив, в случаях, когда французский язык очень рано проникает в семейную сферу, передача арабского или берберского затрудняется. Так, второй профиль представляет родителей, лучше и быстрее овладевших французским языком, а потому способных говорить на нем дома. Кроме того, если семья, как пишет Фишман (*Fishman* 1991), может служить защитой от внешнего давления, она может и сама испытывать это давление, заключающееся во Франции в привилегированном положении француз-

ского языка, хорошее знание которого необходимо, в частности, для успешной учебы в школе. Поэтому многие родители настаивают на том, что детей не следует принуждать говорить по-арабски. Так, Л., алжирка из кабийской семьи и мать трех дочерей в возрасте от 11 до 3 лет, рассказывает:

Л.: Ну, я говорю с ними дома в основном на арабском, это мой родной язык, не по-китайски же мне с ними говорить. Они понимают, но вот ответить (морщится). И я все думаю, должна ли я на них давить, заставлять, чтобы они мне отвечали по-арабски? Но они понимают... Например, когда мы едем в отпуск в Алжир, Тунис или Марокко, там они вынуждены погрузиться в эту среду, я им говорю: «нет, я не буду тебе подсказывать, выкручивайся, как знаешь, даже если над тобой будут смеяться, выходи из положения, я все время говорю с тобой на арабском и не понимаю, как такое может быть, что ты не хочешь на нем говорить», и тогда она понимает, что оказалась в затруднительном положении, что они все в затруднительном положении. Особенно Дуня и Навель, старшие, они играют с другими детьми из семьи, и им нелегко, и тогда они думают: «надо было слушать, что мама говорит, надо было учиться у нее». Они понимают, но это непросто, я тоже не хочу каждый день из-под палки заставлять их повторять за мной, это невозможно, и к тому же непедagogично. Я пыталась, когда у нас рядом открылась арабская школа, водить их туда, когда им было по 4-5 лет – ну, это даже не столько, чтобы действительно выучить язык, честно говоря, но просто чтобы они были в этой среде... даже если я знаю, что они не будут получать образование на арабском языке, тем не менее, они впитают в себя эту культуру, учитель говорит с ними по-арабски, он говорит им какие-то вещи... вот примерно с такой целью, а сейчас они понемногу начинают сами заниматься, это постепенно придет,

наверное. Арабский язык и так очень трудный, так что если еще их заставлять, то ничего не получится, вот и все.

Л. – переводчица, и, следовательно, хорошо знает и французский, и арабский языки. Ее муж, психоаналитик, воспитанный в берберской среде, говорит с женой и дочерьми в основном на французском. Таким образом, с самого начала французский занял в этой семье господствующее положение. Франкоязычные родители могут выбирать разные языковые семейные политики. Наиболее распространенная состоит в том, как мы только что видели, что родители по возможности продолжают говорить с детьми на арабском или берберском, не требуя, чтобы те отвечали им на том же языке. Некоторые родители все же пытаются как-то преодолеть этот пассивный билингвизм, требуя, чтобы дети говорили с ними на том же языке, на котором они к ним обращаются. Такой порядок попытался установить Б., выходец из Марокко, отец пятерых детей в возрасте от 18 лет до нескольких месяцев, техник-электрик. Когда он заметил, что французский язык занимает все большее место в семейном общении, он потребовал, чтобы дети отвечали ему на арабском, мотивируя это, в частности, желанием дать зачатки знания этого семейного языка недавно родившемуся малышу.

Наконец, последний профиль – это франкоязычные и дипломированные родители, которые обычно делают выбор в пользу французского и иногда других языков (английского, например), а не своего родного языка, который они считают стигматизирующим. В ситуации принуждения к интеграции родители, относящиеся к этому третьему профилю, не пытаются оградить детей от

давления со стороны общества, а, напротив, принимают его как должное, исходя из понимания своего места во французском обществе.

Д., кабил, не передал детям ни свой родной берберский, ни арабский, поскольку, не бывая после иммиграции в Алжире, не видел в этом никакой пользы. Кроме того, в его понимании эти языки связаны со свойственными Алжиру образом мысли и действий, которые он сознательно не хотел воспроизводить во Франции:

Д.: Язык – это целостность, это гораздо больше чем просто способ коммуникации, он влечет за собой определенные ценности. Если я решил не говорить на своем языке с детьми, то, возможно, потому, что если бы я это сделал, я бы также запретил моей дочери встречаться с парнями.

Таким образом, на семейные языковые политики сильнейшее влияние оказывает господствующее положение французского языка. Хотя в большинстве иммигрантских семей сохраняется сильная привязанность к родному языку, стратегии его передачи следующим поколениям зависят прежде всего от того, какое значение придается французскому языку как языку социальной мобильности.

Семейные политики в отношении французского языка

Как уже было сказано, не все родители находятся в равном положении по отношению к французскому языку. В зависимости от страны происхождения, длительности и типа пройденного обучения, возраста иммиграции и

социального положения они могли чаще или реже слышать французский язык в своем ближайшем окружении. В целом менее чем один из десяти взрослых, живущих во Франции, не слышал в детстве французского языка как минимум от одного из своих родителей, независимо от того, жил ли он в это время во Франции или за границей. Среди тех, кто вырос за пределами метрополии, каждый второй не слышал французского языка в семье, но зато каждый четвертый вспоминает, что родители говорили с ним только по-французски. Очевидно, что чем раньше произошло знакомство с французским языком, тем больше вероятность передачи его по наследству. Так, среди выросших не во франкоязычной среде лишь 25% заявили, что говорят с детьми только по-французски. Каждый десятый родитель отметил, что говорит с детьми только на родном языке.

На протяжении всего XX в. роль французского языка во Франции неуклонно росла, что не могло не оказать влияния на семейные языковые политики. Поскольку ожидания, связанные со школьным образованием, тоже не переставали расти, а неравномерность в успеваемости лишь углублялась, большинство семей пришли к осознанию важности хорошего владения государственным языком для успешной личной и профессиональной карьеры, а также для улучшения успеваемости детей. Кроме того, традиционное для Франции моноязычие, часто связываемое с побуждением к интеграции, вынуждало некоторые семьи отказаться от родного языка и полностью перейти на французский (Filhon 2009).

Б. родом из Алжира, она вдова, мать четырех детей, родившихся уже во Франции, которым на момент опроса

было соответственно 18, 15, 14 и 10 лет. Во Францию она приехала после замужества в начале 1980-х гг., тогда как муж поселился во Франции гораздо раньше нее, еще в детстве. Она окончила арабоязычную среднюю школу и не знала французского языка в момент иммиграции. Таким образом, ее можно отнести к первому профилю родителей, которые говорили с детьми прежде всего по-арабски, пытаясь в то же время как можно быстрее овладеть французским.

А.Ф.: Так вы, когда приехали, плохо говорили по-французски? Б : Да, я немного понимала, но не могла ответить, не могла выразить свои мысли, я все время боялась сказать что-то не то. Взять хотя бы то, что я ко всем обращалась на «ты», мой муж сказал: «нет, так нельзя», он мне объяснил, но я все равно всегда боялась, я даже помню, что мои дети, они были еще маленькие, все время меня поправляли: «мама, так не говорят», и вот так я выучилась говорить, вместе с ними. Особенно старший, каждый раз он мне говорил «нет, мама, не так», поправлял меня, ну и в результате я все-таки научилась говорить правильно (...). Я хотела говорить по-французски, чтобы добиться прогресса, но в то же время в всегда боялась сказать не те слова, боялась осрамиться перед людьми, была слишком застенчивой и поэтому просто молчала. Но потом понемногу начала говорить, муж меня поправлял, и потом незаметно все пришло, это приходит само, когда помогаешь детям делать домашние задания, когда читаешь – а я много читаю... Само приходит.

Обучение французскому проходило, таким образом, с помощью мужа, но также с помощью детей, особенно старшего, в том числе в процессе выполнения школьных уроков. Подобные рассказы можно часто услышать от

матерей, приехавших в страну без знания языка. М., мать трех девочек в возрасте 3, 11 и 13 лет на момент опроса, приехала во Францию из Туниса 13 лет назад сразу после свадьбы. Первое время она работала сиделкой и няней, но теперь она достаточно овладела французским языком, чтобы пойти на курсы секретарей широкого профиля. Овладение французским проходило постепенно и тоже отчасти благодаря школьным занятиям дочерей. Она рассказывает, что вместе со старшей по школьным учебникам научилась «правильно» спрягать глаголы и выучила другие основы грамматики, а потом они уже вместе помогали средней выполнять задания.

М.: У старшей оценки не очень высокие – 13, 14 максимум 15², а вот средняя – отличница, но я говорю старшей, что если ее сестра так хорошо успевает, то это благодаря ей, благодаря ее помощи... Ну и потом я тоже могу делать упражнения, которые задают старшей – это помогает учить язык.

Тем не менее с изучением французского посредством школы не все так просто. На самом деле школа дает детям навыки выражения мысли словами в письменной форме (Boutet 2003). Это означает, что на школьном французском, одновременно устном и письменном, в действительности ни один ребенок не говорит. Конечно, семейное воспитание в той или иной мере готовит детей к такому обучению. И все же мы имеем дело с практикой, «целиком ориентированной на письменный литературный язык, на письменные тексты, прочитанные вслух, комментируемые и анализируемые: диктанты, упражнения, конспекты. Но

очень редко речь идет о письменных текстах, создаваемых самими учениками, о подлинной самостоятельной практике письма» (Там же).

Но если дети, начавшие ходить в школу, в значительной мере способствуют привнесению французского языка в сферу семейного общения, то надо иметь в виду, что они приносят не только школьный, литературный язык. Наряду с ним они приносят французский, на котором говорят в школьном дворе во время перемены, на улице со сверстниками. И поскольку родители-мигранты в большинстве своем живут в окраинных городских кварталах, их «домашний» французский часто представляет собой смесь «стандартного», нормативного языка и народного языка предместий.

От школьного французского к народному

Так же, как родные языки, передаваясь из поколения в поколение, подвергаются трансформации под влиянием социального окружения, французский, выученный детьми и родителями, принимает различные оттенки в зависимости от контекста обучения. Родители, прибывшие в метрополию без знания французского, со старшим ребенком будут говорить в основном на родном языке, но эта форма речевого взаимодействия может меняться под влиянием внешних условий: во-первых, профессиональная деятельность может потребовать от родителя лучшего знания французского; во-вторых, когда ребенок пойдет в школу, родителям (чаще всего матери) придется контролировать выполнение им домашних заданий, что привнесет в семью литературную разновидность языка; наконец, тот же ребенок, воспринявший от соседей, друзей

и дворового окружения «народный» язык, может, в свою очередь, «передать» его родителям. Таким образом, как мы видим, семейная политика языкового общения не является односторонней: если родители более или менее осознанно стремятся передать детям свой родной язык, то последние, используя разные формы французского, в том числе дома, способствуют внутрисемейному многоязычию.

В кварталах массовой застройки бок о бок живут выходцы из разных стран, иногда с очень разными миграционными траекториями. Тем не менее в общественном пространстве молодежь и, косвенно, более старшие поколения образуют своего рода «языковую общность», прибегая к подначкам, ругательствам и жаргонным словам. Использование такого общего языка особенно важно для взаимного признания молодежи из одного квартала (Zegnani 2013). В развитие работ Дж. Гампреца по этнографии речевой коммуникации были изучены взаимодействующие «речевые репертуары», что предполагает фиксацию не только самих высказываний, но и их «контекстной обусловленности» (Gumperz 1982, 1989) и выдвигает на первый план различия между языковыми сообществами. Жесты, интонации, ритм фразы – такие же условности, способные сбить с толку собеседника и продемонстрировать желание говорящих помериться силами. В «подначках», или «дразнилках» Лабов (Labov 1972) видит «организованные речевые акты», которые определяют формы взаимодействия между равными и представляют собой «социальное знание». Эти языковые категоризации иногда принимают форму словесной игры, предполагающий определенный уровень соучастия собеседников, которые не воспринимают их как

оскорбление. Так, молодежь из предместий может использовать ругательства для определения внешнего круга и дистанцирования от него. Тем самым ритуальное сквернословие служит для сплочения группы. Но подобные словесные игры, в зависимости от статуса того, к кому они обращены, могут стать формой исключения и превратиться в настоящее оскорбление. Так, в одной из работ показана неоднозначность подобных взаимодействий между учениками в школе, где они могут стать настоящим ударом по самолюбию (Moïse 2010). Языковое поведение в основном исследовалось на примере подросткового или, как в нашем случае, молодежного дискурса (Zegnani 2013). Как бы то ни было, этот «народный» французский, рожденный на улице в процессе взаимодействия между равными, приправленный словечками из старого французского жаргона и заимствованиями из других языков (в основном арабского и цыганского) не остается за порогом дома и очень скоро вступает в конкуренцию с другими формами коммуникации. Сначала он становится привычным языком общения между братьями и сестрами, но постепенно входит в обиход всех членов семьи. Он становится при этом менее грубым и вульгарным (например, слова с сексуальной коннотацией нечасто можно услышать в разговорах с родителями, хотя они не исключены в общении между братьями и сестрами), но, как отмечает Кароль де Фераль (de Féral 2012), эти «молодежные говоры» не имеют четких возрастных границ, поскольку молодые люди взрослеют и, кроме того, язык семейного общения постепенно впитывает в себя этот уличный словарь.

Конечно, существует некоторый разрыв между языковыми практиками разных поколений, но все же они довольно быстро распространяются от молодых к более старшим, особенно в случаях, когда родители плохо знают нормативный французский язык и, в отличие от родителей, принадлежащих к образованному классу, не воспринимают речь своих детей как его устную или сниженную форму.

Заключение

Межпоколенная передача других языков, кроме французского, – распространенная практика во французских семьях. Языки иммиграции занимают важное место в этом процессе, но ценность, придаваемая им официальными инстанциями и металингвистическим дискурсом, различна. В этих условиях семейные политики, влияющие на передачу арабского или берберского языков, тесно связаны с особенностями миграционного опыта и с социокультурными характеристиками родителей в момент прибытия в страну. Выделяются три основных профиля семей: первый – семьи, состоящие из молодых родителей – недавних мигрантов с невысоким уровнем образования и маленьких детей, которым они с рождения передают свой родной язык; второй – семьи, где родители достаточно хорошо говорят по-французски, общаясь со своими детьми в основном на этом языке, в то время как арабский или берберский используется как второстепенный, хотя иногда родители пытаются сохранить его и передать детям; билингвизм детей в таких семьях чаще всего пассивный; третий – семьи, где приоритет отдается французскому

языку, наряду с которым детям дается другой, не родительский язык (например, английский), что может интерпретироваться как стратегия, направленная на противодействие стигматизации, которая может иногда быть следствием использования языка, обладающего низкой символической ценностью. Между выделенными профилями, разумеется, нет четких границ, они представляют собой континуум, и с течением времени, по мере укоренения мигрантов и рождения у них детей, семьи могут переходить из одного профиля в другой.

Уровень образования родителей, их стратегии в борьбе со стигматизацией и отношение к французскому языку в семье во многом объясняют сохранение языков иммиграции. Но для более полного понимания многоязычия необходимо обратить особое внимание на взаимодействие с французским языком, различая его разновидности. Мы провели схематическое разделение между «нормативным» и «народным» французским. В результате социализации детей и подростков в кварталах массовой застройки жаргон предместий, язык улиц проникает в семейный круг. Процесс языковой трансмиссии перестает быть односторонним и направленным исключительно по нисходящей линии – от родителей к детям. Поэтому семейные языковые политики неизбежно постоянно меняются, как меняются индивидуальные судьбы и отношение к родному и государственному языкам.

Перевод с французского *Елены Филипповой*

* Перевод выполнен при поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00099.

Примечания

1. Многоязычием считается практическое использование и /или понимание как минимум двух языков, вне зависимости от их статуса. Характерным примером многоязычия является распространенная ситуация, когда недавно живущие во Франции иммигранты обращаются к детям на родном языке, а те отвечают в основном на французском.

2. Во Франции принята 20-балльная система оценок (*прим. переводчика*).

Библиография

Научная литература

- Boutet J.* «De l'inégalité dans l'accès au français scolaire», *Le français aujourd'hui*, vol. 141, no. 2, 2003, pp. 12-20
- De Féral C.* «“Parlers jeunes”: une utile invention?», *Langage et société*, vol. 141, no. 3, 2012, pp. 21-46.
- De Tapia S.* « Dimensions transnationales et culturelles des migrations turques en Europe », *Multitudes*, vol. 49, no. 2, 2012, pp. 62-75.

- Filhon A., Zegnani S.*, «Les dynamiques migratoires en France au XXe siècle» dans G. Kremnitz (dir.), *Histoire sociale des langues de France*, PUR, 2013.
- Filhon A.* *Langues d'ici et d'ailleurs. Transmettre l'arabe et le berbère en France*, INED, coll. «Les Cahiers de l'Ined», 2009, 163.
- Gumperz J.* *Discourse strategies*, Cambridge, Cambridge University, 1982.
- Gumperz J.* *Engager la conversation. Introduction à la sociologie interactionnelle*, Paris, Éditions de Minuit, 1989
- Héran E., Filhon A., Deprez C.*, 2002, «La dynamique des langues en France au fil du XXe siècle», *Population et Sociétés*, 376.
- Jaffe A.*, «Parlers et idéologies langagières», *Ethnologie française*, 2008, XXXVIII, 3, pp. 517-526.
- Labov W.* *Le parler ordinaire. La langue dans les ghettos noirs des États-Unis*, Paris, Éditions de Minuit, 1993 [1972].
- Lefèvre C. et Filhon A.* (dir.), *Histoires de familles, histoires familiales: les résultats de l'enquête Famille de 1999*, Paris : Ined, Les Cahiers de l'Ined , 2005,156.
- Lepoutre D.*, *Cœur de banlieue. Codes, rites et langages*, Paris, Odile Jacob, 1997.
- Moïse C.*, «Gros mots et insultes des adolescents», *La lettre de l'enfance et de l'adolescence*, 2011, n° 83-84, pp. 29-36.
- Sayad, A.*, «Les trois âges de l'émigration algérienne en France», *Actes de la recherche en sciences sociales*. 1977, Vol. 15, juin, pp. 59-79.
- Tribalat M.*, *Faire France*, Paris, La Découverte, 1995.
- Zegnani S.*, *Dans le monde des cités. De la galère à la mosquée*, Rennes, PUR, 2013.

ГЛАВА 3

Елена Филиппова

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА ФРАНЦИИ И СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЕЕ ЗАМОРСКИХ ДЕПАРТАМЕНТАХ (на примере Гваделупы)*

Французская республика являет собой пример бескомпромиссности в определении языковой политики, основанной на известном принципе «одна страна – одна нация – один язык». Возведенный в ранг конституционной нормы, этот принцип остается незыблемым, вопреки недовольству Совета Европы, давно и безуспешно пытающегося склонить Францию к ратификации Хартии по защите региональных языков.

Мы рассмотрим, как эта государственная политика вступает в противоречие с политиками других акторов (международных инстанций, региональных элит), а также как она повлияла и продолжает влиять на языковые практики самых отдаленных территорий – заморских департаментов.

Французский язык: через тернии к звездам

История становления государственного моноязычия восходит во Франции к указу короля Франциска I, известному как Ордонанс Виллер-Котре (Ordonnance de Villers-Cotterêts 1539), предписавшему составлять и распространять все постановления, судебные решения и иные официальные документы «на родном французском языке и никак иначе». В первую очередь эта мера, преследовавшая цель преодоления феодальной раздробленности и укрепления королевской власти, была направлена на вытеснение латыни – господствовавшего в то время языка письменности, юриспруденции, науки, культуры, образования и, конечно, Церкви. Однако выбор парижского варианта среднефранцузского, на котором говорило в то время лишь незначительное меньшинство населения, на роль «родного французского языка» предопределил упадок множества других «родных языков» подданных французского короля. В то же время, исследователи отмечают, что языковая политика при Старом режиме была достаточно гибкой, стремясь обеспечить политическое единство без искоренения культурного многообразия (*Le Pourhiet* 2001: 208), да и сам французский язык, дабы утвердиться в своем новом качестве официального и государственного, нуждался в унификации и стандартизации.

Этому способствовало, в частности, создание в 1635 году, т.е. почти век спустя, Французской академии. Поначалу это был кружок молодых литераторов, поставивших перед собой задачу доказать, что на французском языке можно выразить все, что прежде выражалось лишь на латыни или греческом, а

следовательно – что этот язык вполне пригоден для создания художественных и философских произведений, и использование его должно распространиться на все сферы познания. Один из 40 первых членов Академии, Пьер Брэдэн, сформулировавший эту задачу в своей речи перед собратями, предрек, что ее выполнение «обессмертит их имена, впишет в историю их век и прославит их отечество» (цит. по: *Maalouf* 2016).

Неслучайно инициатива членов кружка была горячо поддержана кардиналом Ришелье, превратившим его из частного клуба в государственную институцию. Отныне и впредь Французской академии будет отведена важная роль в совершенствовании и сохранении национального языка, который надлежало сделать ясным, простым, понятным и логичным (а для этого – очистить от просторечных выражений и диалектизмов), а также в установлении единых официальных норм орфографии и грамматики.

В 1790 г. обследование, проведенное видным деятелем Великой французской революции аббатом Грегуаром, выявило, тем не менее, что только 11,5% из 26 миллионов жителей страны владели французским свободно, тогда как 46% имели в нем лишь минимальные познания или не имели их вовсе (*Lodge* 1997: 263). В 1863 г., по данным Министерства народного образования, среди примерно четырех миллионов учеников в возрасте от 7 до 13 лет почти полмиллиона не умели ни читать и писать, ни говорить на государственном языке (*Vigner* 2001: 428). Но только с провозглашением Третьей республики были предприняты по-настоящему решительные усилия, направленные на изменение этой ситуации – речь идет в

первую очередь о так называемых законах Жюль Ферри (1881–1882), сделавших образование не только светским, всеобщим и бесплатным, но и исключительно франкоязычным: обучение на местных языках, низведенных до статуса «наречий» (*patois*), было запрещено. Результат на сей раз не заставил себя долго ждать: уже к 1914 году число крестьян, совсем не говорящих по-французски, не превышало сотню тысяч (*Dauzat* 1959: 127).

Первая мировая (Великая, как ее называют во Франции) война и связанные с ней перемещения и смешение населения (в том числе массовая урбанизация и исход из села: население Парижа достигло к 1921 г. исторического максимума в 2,9 млн. чел. и удерживалось на этом уровне вплоть до начала второй мировой войны) фактически завершила языковую унификацию. Начиная с 1920-х гг. распространению нормативного языка по всей стране способствуют также радио, звуковое кино и, позже, телевидение. В результате к середине XX века положение французского языка настолько упрочилось, что авторам Конституции Пятой республики даже не пришла в голову мысль о необходимости прописывать его официальный статус. Первая строка («Языком Республики является французский») была добавлена ко второй статье Основного закона 1958 года только... в 1992 году, вместе с другими изменениями, связанными с подписанием Маастрихтского соглашения. По мнению некоторых авторов, эта поправка была принята с единственной целью – противостоять нашествию английского (*Le Pourhiet* 2001: 209; *Rey* 2008: 119)¹. Во время голосования Министр юстиции даже специально

заверил депутатов, что ее принятие никоим образом не скажется на положении региональных или территориальных языков (Sour 2005). Однако в том же 1992 году была принята Европейская Хартия региональных языков и языков меньшинств, отказ Франции от ратификации которой обосновывается именно ссылкой на препятствующую этому конституционную норму.

Современное языковое законодательство и механизмы реализации языковой политики

Два года спустя в развитие нового положения Конституции был принят закон № 94-665 «Об использовании французского языка» (т. наз. Закон Тубона / *Loi Toubon*), охарактеризовавший его как «основополагающий элемент индивидуальности и наследия Франции» и провозгласивший его языком образования, трудовой деятельности, коммуникации и государственных учреждений³. Этот закон, поныне определяющий основные линии языковой политики, официальные лица часто представляют как государственную гарантию права на использование французского языка в самых разных сферах.

За соблюдением закона следят Высший совет по французскому языку при премьер-министре, в состав которого входят постоянные секретари Французской академии и Академии наук, а также видные ученые-лингвисты, и Главное управление по делам французского языка при министре культуры, ведущее свою историю от Верховного комитета по защите и распространению

французского языка, учрежденного в 1966 г. лично Шарлем де Голлем.

Для обеспечения реализации положений закона (в частности – для борьбы с англицизмами в сфере науки и технологий) декретом №96-602 была образована Комиссия по обогащению французского языка, которая совместно с Французской академией работает над созданием новых терминов в различных сферах науки, техники и образования. На сайте министерства культуры (www.culture.fr/franceterme) публикуется постоянно обновляемый список рекомендуемых неологизмов (за 10 лет работы Комиссии, к 2017 г., в нем накопилось более 7600 новых слов). Создано и распространяется бесплатное программное обеспечение, автоматически предлагающее замену иностранного термина соответствующим французским². Наконец, в 2017 г. учреждена новая межведомственная структура – «Агентство по делам французского языка и во имя социального сплочения» (*L'Agence de la langue française pour la cohésion sociale*). Таким образом, государство напрямую вмешивается в социолингвистические процессы, продолжая объявленную еще в конце 1950-х гг. борьбу с англицизмами. Тем не менее, они по-прежнему проникают как в специальный, так и в повседневный язык (Kim 2015: 81). Под воздействием глобализации законодатель вынужден идти на послабления им же установленных законов: так, хотя языком образования является французский, в некоторых высших учебных заведениях приглашенным зарубежным преподавателям разрешено читать лекции и вести занятия на английском языке без перевода. Допускается и представление к

защите дипломных и диссертационных работ на английском или иных языках, если работа выполнена под двойным руководством французского и иностранного специалистов – в таких случаях достаточно развернутого французского резюме.

Французский язык vs языки Франции

Вопреки упорному нежеланию ратифицировать Европейскую Хартию региональных языков, языковая политика Франции медленно эволюционирует в направлении смягчения режима монолингвизма и особенно – символического признания региональных языков. Эта эволюция связана с магистральными историческими тенденциями: катастрофическими последствиями второй мировой войны, разбившими мечту о поступательном движении человечества по пути прогресса, проводником которого издавна считался язык Вольтера и Мольера; подъемом национально-освободительного движения и крушением колониальной системы; пробуждением самосознания меньшинств (в том числе языковых) и установлением культа различия. Первые послабления были сделаны еще в начале 1950-х гг. и касались использования региональных языков в школе (об этом подробнее ниже). Тем не менее Франция по-прежнему сохраняла верность официальному монологичию. Так, при обсуждении в 1992 году конституционной поправки предложение дополнить ее лаконичную формулировку («Языком республики является французский») словами «при уважении региональных языков и культур» не нашло поддержки у депутатов (Sour 2005).

В 1999 г. правительство Л. Жоспена приняло решение подписать Хартию (согласно предусмотренной процедуре, было выбрано 39 из 98 предложенных мер поддержки региональных языков при минимально необходимых 35) и начать процесс ее ратификации. По поручению правительства лингвистами был составлен перечень из 75 региональных языков. Однако Конституционный совет вынес отрицательный вердикт, сделавший ратификацию невозможной, и от этой идеи опять надолго отказались (Simon 2008: 31). Результатом неудачной попытки стало введение в 2001 г. в официальный оборот понятия «языки Франции», дополнившего название Главного управления по делам французского языка. Это понятие было определено следующим образом: «региональные языки и языки меньшинств, на которых говорят граждане Франции, проживающие на ее территории достаточно долгое время, чтобы эти языки стали частью национального культурного наследия, если эти языки не являются официальными ни в одном государстве» (Délégation 2016: 3). В соответствии с этим определением к региональным языкам добавились т. наз. «нетерриториальные» языки Франции, к которым отнесены диалектный арабский, западно-армянский, берберский, сефардский, цыганский и идиш, а также французский язык жестов. В то же время испанский, португальский, русский, литературный арабский и т. п. языки, на которых также говорит немало французских граждан, имеют статус иностранных. Их сохранение и поддержка считается обязанностью соответствующих государств.

Вопрос о признании региональных языков, регулярно поднимавшийся парламентариями, но трижды отклоненный Комиссией по законодательству, вновь встал на повестку дня в 2008 г. На сей раз инициатива исходила от правительства, решившего организовать по этому поводу парламентскую дискуссию. Такая необходимость была вызвана тем, что министерство культуры подготовило проект закона, придающего официальный статус языковому наследию нации, и существовало опасение, что этот документ будет опротестован как противоречащий Конституции. В результате в ходе публичных слушаний депутаты почти единогласно проголосовали в первом чтении за то, чтобы дополнить статью 1: «Франция есть неделимая, светская, демократическая и социальная республика. Она обеспечивает равенство перед законом всех граждан вне зависимости от происхождения, расы или религии. Она уважает все верования» словами: «Региональные языки принадлежат ее наследию» (*Giordan* 2008: 4).

Если бы эта поправка была принята, то упоминание региональных языков (в статье 1) предшествовало бы упоминанию французского (в статье 2). Однако Французская академия решительно потребовала изъятия этого текста, которому, как гласило ее обращение, «не место в Конституции». Вняв этому требованию, а также из опасения, что упоминание региональных языков может открыть путь к ратификации Европейской Хартии, Сенат подавляющим большинством голосов отклонил поправку (*Sénat* 2008), поэтому Национальная ассамблея вернулась к ней во время второго чтения. На сей раз было предложено не включать ее в текст уже имеющихся

статей, а создать отдельную статью в разделе, относящемся к местным сообществам, чтобы снять все сомнения относительно приоритета французского языка – это предложение и было принято (*Ibid.*).

Высоко оценивая символическое значение этого шага, специалисты в области права скептически отнеслись к его практической эффективности: новая конституционная норма не подрывает исключительный статус французского языка, остающегося единственным языком публичной сферы – тогда как региональные языки признаны лишь как национальное наследие, что низводит их к фольклору и архаике. Она не дает региональным языкам и их носителям никаких дополнительных прав и не создает возможность для ратификации Европейской Хартии, которая по-прежнему противоречит принципам Республики. Кроме того, включение положения о региональных языках в раздел о местных сообществах автоматически делает эти последние ответственными за поддержку и развитие первых, снимая соответствующие обязательства с государства (*Bertile* 2008: 4). Что же касается “нетерриториальных” языков, то вопрос о них при таком раскладе вообще снимается.

Следующая (и последняя на сегодняшний день) попытка ратификации Хартии была предпринята осенью 2015 г., но и этот проект конституционного закона, внесенный министерством юстиции, сенаторы отклонили (на сей раз не хватило всего 24 голосов). Тем не менее постоянно возобновляемые дискуссии о признании региональных языков постепенно влияют на публичный дискурс. В докладе Главного управления по делам французского языка и языков Франции за 2016 год есть такие строки:

«вопреки преобладавшему долгое время образу страны с одним-единственным языком, на самом деле ее языковой пейзаж отличается богатством и пестротой, во многом неведомыми». Это утверждение опирается на конкретные цифры: «во Франции насчитывается 75 языков с общей численностью носителей около 10 миллионов человек, эти языки 9 тысяч учителей преподают 400 тысячам учеников» (Délégation 2016: 1, 7). По данным единственного общенационального исследования, в ходе которого задавались вопросы о языках, передающихся в семье (1999 г.), каждый четвертый взрослый житель метрополии получил от родителей какой-то другой язык, помимо французского, причем в половине случаев речь шла о региональных языках. В то же время, лишь один из трех таких билингвов передал этот язык своим детям (Héran et al. 2002). При таких темпах сокращения межпоколенной передачи в семье судьба региональных языков во многом зависит от школы.

Языки и школа

Со времен Третьей республики и принятия законов Жюль Ферри французская школа была проводником нормативного литературного языка и безжалостным борцом с местными «диалектами», «говорами» и «наречиями». Их использование не только на уроках, но и на переменах и даже в школьном дворе было запрещено и каралось унижительными наказаниями, воспоминания о которых сохраняются поныне. Такое положение сохранялось вплоть до середины XX века, пока в 1951 г. закон Дейксона не разрешил факультативное использование в школах второй ступени бретонского, каталанского, баскского и

окситанского языков (Alen-Garabato et Cellier 2009: 4). В дальнейшем этот список постепенно расширялся, и сегодня в него водят также корсиканский, галло, лангедок, региональные языки Эльзаса и Мозеля, а также более пятидесяти языков заморских департаментов и территорий, в том числе креольские языки, о которых пойдет речь ниже.

За прошедшие более чем полвека региональные языки упрочили свой статус в сфере образования. Важнейшими этапами на этом пути стали Закон Аби (Loi Haby) № 75-620, разрешивший их преподавание на всем протяжении школьного обучения (от начальной школы до лицея), циркуляр Савари (Circulaire Savary № 82-26)³, распространивший такое преподавание и на университеты, а в школах признавший региональные языки отдельным учебным предметом и открывший возможность создания экспериментальных двуязычных классов и, наконец, рамочный закон № 2013-595, узаконивший двуязычные классы с равным распределением часов между французским и региональным языком, а также разрешивший преподавателям всех ступеней и всех дисциплин вне таких классов эпизодически прибегать к использованию региональных языков, если это нужно для лучшего понимания учениками объяснений учителя. Отметка, полученная на экзамене по региональному языку в коллеже или лицее, теперь может быть вписана в диплом об образовании (Apprendre 2013). В университетах открыты специализации для преподавателей региональных языков, разработаны и сертифицированы программы для разных классов, создаются учебники и методические материалы.

Важно отметить, однако, что преподавание региональных языков организуется по территориальному принципу (т.е. в тех регионах, где эти языки распространены), что исключает “нетерриториальные” языки из этого процесса – вполне в духе Европейской Хартии, которая также не распространяется на языки иммигрантов. В то же время, есть особая группа языков, безусловно являющихся территориальными, но обладающих существенным отличием от остальных региональных языков, которые, согласно определению официального документа, «были языками, использовавшимися всем населением определенной территории до тех пор, пока французский постепенно не вытеснил их» (Délégation 2016: 2). Видимо, не случайно действие закона Дейксона распространилось на них в последнюю очередь, а именно только в 2002 году. Речь идет о креольских языках.

Креольские языки на французской лексической основе (в данном случае нас интересуют языки Антильских островов) сформировались в заморских владениях Франции и не существовали до прихода на эти земли французов – таким образом, речь идет о «молодых» языках в сравнении, например, с окситанским или баскским: их возраст исчисляется всего лишь тремя столетиями.

«В XVII в. французское королевство было еще далеко от языковой унификации. В момент возникновения новых говоров в далеких тропических землях четвертых его населения не владели «языком двора и литературы», начинавшим утверждаться в качестве доминирующей разновидности французского языка.

Поэтому, вероятно, пиджин сформировался в результате первых контактов между европейцами и индейским населением Карибских островов, еще до завоза африканских рабов» (Véronique 2013: 6). Лингвисты выделяют, таким образом, три исходные составляющие креольских языков: лексический пласт, унаследованный от индейских языков (карибского и аравакского) и относящийся в основном к эндогенной флоре и фауне; «колониальный французский» – койне, бытовавшее среди обосновавшихся на островах колонистов (Iskrova 2010: 1330) и африканские языки.

Креольские языки на протяжении всей своей истории сосуществуют в тесном взаимодействии с французским. Характер этого взаимодействия в прошлом лингвисты (Bébel-Gisler 1976, Prudent 1981, Hazaël-Massieux 2002, Bernabé 2005) характеризуют как диглоссию (французский язык – “высокий”, престижный, письменный, язык образования, культуры и социальной мобильности; креольский – “низкий”, устный, грубый, вульгарный, пригодный лишь для бытовой коммуникации). Сегодня ситуация выглядит более сложной: «постоянный контакт между языками, один из которых (креольский) в значительной мере происходит от другого (французского) – влиятельный фактор, приведший к тесному переплетению их в языковых практиках носителей. Оба языка используются в разных ситуациях, выполняют определенные и отличные друг от друга функции в различных сферах коммуникации. Можно констатировать, что креольский широко используется в неформальной сфере, а французский – в более официальной обстановке» (Basso et Candau 2007: 11).

Стандартизованный, литературный вариант французского, распространяющийся через школу с конца XIX в., долгое время был доступен только образованной части общества. Но на островах формировались и развивались также региональные варианты французского: «колониальная» разновидность, на которой говорили белые плантаторы, соседствовала с выученным в школе и более или менее креолизированным французским черного населения. Обе эти разновидности активно взаимодействовали с креольским, которым пользовались все: белые, черные, мулаты, рабы и свободные. До середины XX в. он был языком повседневного общения на плантациях, что и обеспечивало его устойчивость.

Два фактора почти одновременно нарушили исторически сложившееся (и характерное, по мнению ряда специалистов, для режимов диглоссии – ср.: *Fishman* 1985, *Managan* 2003) языковое равновесие на Антильских островах: превращение “старых колоний” в заморские департаменты (1946 г.), которому сопутствовали распространение школ, борьба с неграмотностью и массовый приток из метрополии чиновников и специалистов, не владеющих креольским языком, а также упадок сахарной промышленности (1950–1960-е гг.), “разрушивший экологическую нишу креольского языка” (*Bernabé, Confiant* 2002: 2013), и последовавшие за ним изменение структуры занятости (в пользу профессий, требующих владения французским), урбанизация и массовая миграция антильцев в метрополию. Именно там, в студенческих кружках-землячествах, на волне “культурного возрождения”, поднявшейся после мая 1968 г., возник новый интерес к креольскому языку как

средству выражения “национальной самобытности” и форме антиколониального протеста (подобно тому, как полувеком ранее в парижской студенческой среде родилась идеология негритюда).

По возвращении домой после учебы в метрополии многие вчерашние студенты будут вовлечены в различного рода деятельность, связанную с креольским языком. Одни займутся его продвижением в СМИ, другие – организацией языковых кружков и факультативов для детей и взрослых, третьи, получившие соответствующее образование, возьмутся за самое сложное – попытки стандартизации языка, его грамматики и орфографии. Однако все названные направления деятельности сталкивались с серьезными трудностями, вызванными тем, что «в отсутствие объективации посредством письма и, главное, квазигосударственной кодификации, сопутствующей становлению официального языка, “языки” существуют лишь на практике, т. е. в форме более или менее независимых языковых габитусов и их устных продуктов» (*Bourdieu* 2005: 150).

Креольский в системе образования

Несмотря на то, что креольские языки были официально включены в перечень региональных языков, как уже было сказано, только в 2002 г., отдельные учителя уже в 1960-е гг. начали использовать креольский на уроках, чтобы улучшить успеваемость учеников. Они связывали трудности в обучении с тем, что до школы большинство детей говорили дома только по-креольски (система дошкольного образования стала развиваться на Антильских островах с большим опозданием и до сих пор

не достигла уровня метрополии). Между тем, школьное обучение было построено точно так же, как в школах метрополии, где для подавляющего большинства учеников французский язык был родным. К тому же тексты для чтения, упражнения по правописанию или задачи по математике описывали незнакомую детям жизнь: зиму с лыжами и коньками, неведомых животных и птиц, неизвестные города и памятники. Проводившиеся в те годы опросы показывали, что до половины учеников начальных классов не воспринимали на слух речь учителя, а около трети не понимали смысла французских слов, которые им приходилось систематически искать в словаре. Наконец, почти все дети испытывали трудности при выражении своих мыслей на французском (*Bébèl-Gisler* 1976: 187).

С 1982 г., когда было разрешено преподавание региональных языков и культур как обязательных предметов в государственной образовательной системе на всех уровнях, от начальной школы до университетов, первые антильские школы второй ступени вводят преподавание креольского. Однако эти инициативы еще долго останутся маргинальными по ряду причин, среди которых как чисто организационные – нехватка учителей, отсутствие программ и учебных пособий, так и психологические: сохраняющееся пренебрежение к креольскому языку и представление о тесной связи французского с социальным ростом, особенно выраженные в низших социальных стратах.

Первые экспериментальные двуязычные классы открылись на Гваделупе только в 2012 г. При этом, в отличие от других регионов, речь идет не о преподавании

части предметов на региональном, а другой части – на национальном языке, а об одновременном использовании обоих языков, когда и учитель, и ученики могут свободно переходить с одного языка на другой, чтобы лучше объяснить/понять изучаемую тему (*Mannette* 2015). Такой подход отражает реальную языковую ситуацию на острове, где сегодня абсолютное большинство населения использует в повседневном общении два языка.

В общественных местах я говорю чаще по-французски, потому что это язык, который все знают. Креольский используем дома. На нем я говорю с мужем, но не с детьми. Они, хотя учат креольский в школе, все же лучше говорят по-французски. Когда собирается вся семья, говорим на креольском с братьями и сестрами, с матерью – но не с отцом, он всегда запрещал говорить по-креольски дома, так что и сейчас я не могу обратиться к нему на креольском. С подругами говорим по-креольски. Если же я должна обратиться куда-то в официальные инстанции, за разъяснением или с какой-то просьбой, то на креольском говорить неуместно. В мэрии, например, если приходит пожилой человек, неграмотный, – он может говорить на креольском, и чиновники должны ему ответить на этом же языке, что они и делают. Но я, как молодая женщина с определенным уровнем образования (бакалавриат – Е.Ф.), не позволила бы себе этого (ПМА: 1).

По-креольски говорю с бабушкой, с родителями с детства привыкла говорить по-французски. С подругами тоже, когда собираемся, если хотим как следует повеселиться, то говорим на креольском. Ну и еще... бывает, выругаешься на креольском, когда чем-то сильно недовольна (ПМА 3).

Судя по официальной статистике, число изучающих креольский язык стабильно растет в школах всех ступеней. Так, на Гваделупе в 2003–2004 гг. в начальной школе его изучали 1 269 учеников, в коллеже – 1426, а в лицее – 157, а в 2009–2010, соответственно, 4 234, 1 961 и 686. Правда, в качестве обязательного экзамена креольский сдавали в 2011 г. всего 383 человека. В 2016 г. в школах всех ступеней язык изучали 7 660 учеников.

В то же время, качественные показатели скорее разочаровывают: школьники Гваделупы по-прежнему показывают на экзаменах средние результаты на 10–15 пунктов ниже, чем в целом по стране, 15% населения острова в возрасте от 16 до 24 лет испытывают трудности при чтении и письме (правда, среди тех, кому от 16 до 65, таких 25%) (*Tassius-Marceline* 2011: 2). Таким образом, расчет на то, что креольский поможет лучше овладеть французским, похоже, пока не оправдался.

Что не вызывает сомнения, так это психологический эффект признания креольского языком школы и, более широко, образования. Об этом говорили многие респонденты, для которых сам факт включения креольского в школьную программу равнозначен смене его статуса: теперь это «настоящий язык, такой же, как французский», «на котором можно говорить везде», который «нас всех объединяет» и «стал восприниматься многими как культурная опора нашей идентичности» (ПМА 1-4).

Таким образом, если во второй половине XX в. школа была фактором ускоренного распространения французского языка (что вызвало тревоги и опасения по поводу декреолизации), то с начала нынешнего века она

способствует реабилитации креольского, усилению его присутствия в публичной сфере, расширению поля его применения. По инициативе Главного управления по делам французского языка и языков Франции в государственных учреждениях внедряется служба перевода, устанавливаются вывески и информационные табло на креольском, создаются компьютерные программы-переводчики для использования на официальных сайтах.

На сайте факультета региональных языков и культур Университета Антильских островов и Гвианы абитуриентам объясняют, что специалист по креольскому языку может участвовать во всех административных конкурсах на должности, требующие университетского диплома, стать государственным служащим министерства образования или социальной защиты, налоговым инспектором и т. п. Тем самым монополия французского не только как языка образования и культуры, но и как языка социальной мобильности ставится под сомнение.

Язык и идентичность

«Ни европейцы, ни африканцы, ни азиаты: мы объявляем себя креолами», – так начинается литературный манифест, провозгласивший создание не только нового литературного течения, но и новых идеологии и идентичности – на основе креольского языка и культуры (*Bernabé et al.* 1989). Его авторы – писатели Рафаэль Конфьян и Патрик Шамуазо и лингвист Жан Бернабе с антильского острова Мартиника. Что подвигло их на программное выступление, как этот интеллектуальный проект был принят собратями по перу

и нашел ли он отклик в умах и сердцах тех, кому предлагалось принять креольскую идентичность? Каковы его последствия для креольского языка и креольской литературы?

П. Бурдьё писал, что «каждая манифестация⁴ (...) определяет себя (объективно, а иногда и сознательно) в отношении ко вселенной манифестаций (соответствующих различным позициям) и в отношении к проблематике как к пространству возможностей, указанных или “подсказанных” этой вселенной. При этом отличительную ценность придает манифестации ее негативное отношение ко всем остальным, сосуществующим с ней манифестациям, с которыми она объективно соотносится и которые, гранича с нею, определяют ее границы» (*Bourdieu* 2000). Применительно к рассматриваемому нами пространству возможностей альтернативными манифестациями две предыдущие попытки сконструировать местную идентичность: на основе расовой («негритюд» Эме Сезэра)⁵ и территориальной («антильскость» Эдуара Глиссана – *Glissant* 1981) принадлежности, предпринятые после того как стало ясно, что ассимиляционистский проект себя не оправдал. Отдав ритуальные почести влиятельным предшественникам, авторы нового манифеста подвергли негритюд критике за то, что он лишь противопоставил европейской иллюзии африканскую, и заявили о преимуществах с идеями Глиссана. Последний, однако, не согласился с подменой предложенного им термина “креолизация” (*créolisation*), отражающего процесс взаимопроникновения контактирующих языков и культур, “креольской идентичностью” (*créolité*), являющей

собой результат этого процесса, и не присоединился к новому течению⁶. На нежелательность и даже опасность такой подмены указывают многие критики манифеста, подчеркивая, что эссенциализация креольской идентичности низводит позицию Глиссана до узко понимаемого национализма, в то время как сам писатель был решительным противником всякой идеи “корней” (ПМА: Ф. Рено, Ж. Дагомей, Э. Набажот; *Fournier* 1995, *Lucas* 2000, *Ménil* 2011).

Как бы то ни было, поборники новой идеи представили ее как решительный шаг вперед: отказ от поисков легитимности вовне – будь то в Европе или Африке, разрыв с универсализмом и опора на собственный культурный фундамент. Такой подход, однако, оказался рискованным по ряду причин, и прежде всего потому, что даже сами авторы манифеста не были в состоянии выполнить свое собственное предписание: креольская литература, написанная на креольском языке, должна сформировать этот письменный язык и предъявить его миру. Одно дело – “объявить себя креолами”, другое и куда более сложное – создать качественный литературный продукт на языке, существующем преимущественно в устной форме, и донести его до аудитории, не имеющей навыков чтения на этом языке и вообще не слишком читающей. Примечательно, что сам манифест был написан по-французски, опубликован и представлен публике в Париже. Это обстоятельство позволяет обоснованно предположить, что главным его адресатом была литературная общественность и политическая элита метрополии.

Тем временем на Антильских островах идея “креольской идентичности” вызвала некоторое замешательство. Гваделупский писатель Эрнест Пепэн, впоследствии примкнувший к новому литературному течению, вспоминает, что поначалу предложенный термин наделал немало шума и даже вызвал возмущение, потому что слово “креол” в сознании антильцев было связано с двумя отрицательно коннотированными понятиями: креольским языком и так называемым “этноклассом” белых креолов (*béké* на Мартинике, *blanc pays* на Гваделупе). Что же до темнокожего населения – потомков рабов, африканских негров – то они скорее были готовы именоваться американским словом *blacks*, чем креолами (Pepin 2009).

Задолго до публикации манифеста почти в тех же словах: “ни африканская, ни китайская, ни индийская, ни даже французская” – мартиникский писатель и философ Рене Мениль определил антильскую идентичность (Ménil 1981: 32). Так зачем понадобилось менять “вывеску”, если за ней кроется то же содержание? В чем перформативный смысл переименования литературного поля, которое по прошествии времени кажется основным предназначением манифеста? «Термины “афро-антильская, негро-антильская, франко-антильская литература, антильская литература на французском языке, франко-фонная антильская литература” были объявлены неустойчивыми и потому неоперациональными, вместо них был предложен ярлык “креольская литература”, и весь манифест посвящен аргументации этого выбора» (Moudileno 2010: 57). Вопрос о легитимности дефиниций (Bourdieu 2000), очерчивающих границы “креольского”, встает, таким образом, сразу в нескольких плоскостях:

что такое “креольский язык”? Что такое “креольская литература”? Кто может считаться “креолом”?

Интеллектуальный проект Бернабе, Конфьяна и Шамуазо, претендовавший на объединение под своими знаменами всего “креольского мира”, не нашел отклика не только на англоязычных островах Карибского бассейна, но и во французских владениях в Индийском океане, и на Гаити, где креольский – официальный язык. Мало того: манифест увидел свет двадцать лет спустя после начала “культурного возрождения”, но его авторы заявили во всеуслышание, что креольской литературы не существует, она находится на стадии пред-литературы – отсюда неотложная потребность ее создать.

Языки и литература

Действительно, вплоть до недавнего времени креольские языки оставались преимущественно устными, единичные литературные произведения на них – в основном песни, стихи и басни, датируемые XVIII–XIX вв. – создавались белыми и для белых, поскольку рабы были неграмотными, а принадлежавшие к образованному классу свободные цветные предпочитали пользоваться французским языком. В отсутствие письменности литературное творчество на креольских языках приняло форму так называемой “оралитуры” – неологизм, приписываемый то Ж. Бернабе, то Р. Конфьяну и прочно вошедший в обиход, обозначает то, что нам привычно именовать “устным народным творчеством”: сказки, стихи, песни, считалки, загадки, поговорки. Эта устная традиция достигает своего апогея в середине XVIII – первой половине XIX вв., когда фигура Рассказчика играет основополагающую роль в создании

коллективного воображаемого и культурной специфики креольского общества. Однако с отменой рабства в 1848 г. и открывающимся доступом к письменной культуре значение оралитур снижается. Этот процесс ускоряется после 1946 г., когда резко увеличивается число школ, способствуя распространению французского языка. «Письменная культура открывает путь к социальному продвижению, а устная становится не более чем частью народного фольклора. Рассказчики устарели, они доживают свой век в мире, где их больше никто не слушает» (Buisson 2006). Созданная группой интеллектуалов в 1957 г. на Гваделупе «Антильская креольская академия» поставила перед собой цель собрать и проанализировать устное наследие: установить значение слов и выражений и их генеалогию, выявить африканские языки-источники и их вклад в формирование креольских языков, а также зафиксировать правила орфографии (Etienne 2003).

С 1970-х гг. начинаются активные попытки создания различных текстов на креольском языке. Несколько авторов пробуют себя в литературе, из-под их пера выходят в основном стихи, короткие рассказы и пьесы для театра. Большим успехом пользуются комиксы, чей образный язык и сюжеты, взятые из местной жизни и близкие по духу народному театру или карнавалу, делают их понятными широким массам населения и способствуют распространению письменного языка. Над созданием комиксов под псевдонимом Пчела работает Шамуазо. Только Конфьян идет дальше и публикует на креольском четыре романа, последний из них – в 1987 г., то есть за два года до публикации манифеста. Однако последующие свои романы, отмеченные престижными

литературными премиями, он пишет по-французски. Свой выбор писатель объяснил так: «На Мартинике мои креольские романы продаются в количестве трехсот экземпляров, тогда как продажи моих французских романов доходят до четырех тысяч. И даже из этих трехсот не все их прочтут целиком, потому что они привыкли читать короткие тексты, четыре-пять страниц, но не романы!». И добавил фразу, которую многие затем ставили ему в упрек: «если у меня есть выбор между велосипедом и машиной, стоит ли выбирать велосипед?» (Confiant 1992).

Есть и еще один немаловажный аспект: известность в антильском обществе пришла к Конфьяну и Шамуазо вследствие их успеха в метрополии – больших тиражей, престижных премий, пресс-конференций, интервью в газетах и выступлений по радио и телевидению.

У этой литературы больше читателей за пределами Антильских островов. Более того, я думаю, что ее успех «дома» целиком объясняется ее успехом во внешнем мире. Это классический феномен для нашего общества, и не только применительно к литературе. Чтобы получить признание на родине, любой местный артист, художник, писатель должен сначала получить внешнее признание. Я думаю, например, о Сезэре и Глиссане: они были сначала признаны за пределами антильского общества, а признание на родине пришло уже потом. Шамуазо тоже получил известность благодаря своей Гонкуровской премии (ПМА, Ф. Рено).

Проблема, однако, не только в читателях, но и в писателях. В том же интервью Конфьян признался, что

чувствует куда большую свободу, когда пишет по-французски.

Креольский – сельский язык, на нем привычно описывать окружающую реальность. Его способность к концептуализации очень ограничена. Пытаться написать роман на сельском, устном языке – непростая задача, потому что каждый концепт приходится перефразировать. Как это ни парадоксально, но свободу креольским писателям дает французский язык, поскольку это уже сформировавшийся язык, с которым можно играть. Когда я пишу на креольском, мне не до игр, потому что я должен сам его конструировать (*Confiant* 1992).

Действительно, парадоксальное признание для автора манифеста креольской литературы! Но парадокс можно снять с помощью утверждения правильной дефиниции: креольская литература – не та, что написана на креольском языке (в частности, по поводу принадлежности к ней ранних художественных текстов, написанных белыми креолами, ведутся споры; сомнения в правомерности такого отнесения вызывает тот факт, что эти тексты не пересекаются со смысловым и изобразительным универсумом оралитур), а та, которая описывает креольский мир и отражает креольскую идентичность. Ее обязанность – «безоговорочно принять наши народные верования, религиозно-магические практики... слушать нашу музыку и питаться нашей национальной кухней, исследовать, как мы любим, ненавидим, умираем, какие мы в счастье и в печали, тревоге и мужестве. Она должна показывать неизвестных, безымянных героев, забытых

колониальными хрониками и не имеющих ничего общего с западными, французскими героями» (*Bernabé et al.* 1989: 40).

В то же время, французский язык креольской литературы – не вполне французский: в нем много заимствований из креольского, не только на уровне отдельных слов или фраз, но и на уровне языкового ритма, стиля, близкого к устной речи, характера использования различных языковых средств. Он то подражает простонародному французскому, то стремится к абсолютному перфекционизму, к тому преувеличенно правильному письменному слогу, «о котором иногда мечтают некоторые антильцы, весьма чувствительные к французскому красноречию, но на котором никто не говорит в реальной жизни» (*Hazaël-Massieux* 1996: 6).

Языки и СМИ

По тем же причинам креольский язык с трудом пробивается в печатные СМИ. Даже в изданиях националистической направленности, появившихся в 1970-х годах, его место, как правило, ограничивается заголовками, но сами тексты публикуются на французском. Только к концу десятилетия отдельные журналы начинают делать вкладки на креольском языке, однако несколько попыток полностью креолоязычных изданий оканчиваются неудачей.

Несколько лучше обстоит дело на радио, где с начала 1980-х годов появляются независимые радиостанции. Только на Гваделупе около 30 радиостанций в 1985–90-х гг. вели вещание на креольском. В основном это музыкальные, спортивные и юмористические программы, включающие в себя диалог с радиослушателями.

Приветствуя этот прорыв, поборники чистоты языка, тем не менее, начали выражать озабоченность качеством звучащего в эфире:

Синтаксис, лексика, фонетика, грамматика постоянно искажаются ведущими, журналистами, приглашенными выступающими и слушателями, которым дают слово в эфире (*Antiope* 2008: 253).

Мало того, что некоторые журналисты и ведущие не получили специальной подготовки для использования креольского языка в СМИ, но они отказываются признать необходимость такой подготовки и считают, что как носители языка они имеют достаточную компетенцию, чтобы говорить на нем в эфире (*Zandronis* 2002).

Бернабе видит в медиатизации креольского новую форму языковой трансмиссии – ни вертикальную, ни горизонтальную, но “многоканальную и диффузную”, несущую в себе опасность “качественной декреолизации”, вызванную более тесным, чем прежде, взаимодействием креольского и французского языков в едином информационном пространстве (*Bernabé* 2005). С ним солидарен и Конфьян:

То, что мы слишком часто слышим на некоторых частных радиостанциях, причем искренне заинтересованных в защите и пропаганде креольского языка, больше похоже на какой-то французский диалект, а то и просто на тарабарщину, чем на то, что можно назвать нормальным креольским языком (*Confiant* 2007: 11).

С конца 1990-х креольский приходит на телевидение, но и тут не обходится без сомнений и дискуссий. Основной вопрос – какую нишу он должен занять. Если никто не сомневается в его уместности в тех сферах, которые в обычной жизни обслуживаются базилектом – шутки, юмор, рассказы о происшествиях, неформальные разговоры – то использование креольского при обсуждении таких тем, которые требуют рефлексии, концептуализации, аргументации (экономики, международных отношений, научно-технических проблем) не столь очевидно (*Prudent* 2003b: 10). Поэтому, как и на радио, креольский используется попеременно с французским, причем в основном в развлекательных передачах, в рубриках из серии “полезных советов” (кулинарные передачи, советы по садоводству, воспитанию детей и взаимоотношениям в семье), а также в различных объявлениях и рекламных роликах (*Zandronis* 2002, *Antiope* 2008, *Gordien* 2013).

Специальное исследование, выполненное в 2008 г., выявило, что доля креольского языка в передачах Международного карибского радио (Radio Caraïbes International) на Гваделупе составляла 17%, на Мартинике – 4% (*Antiope* 2008: 293). Интересно отметить, что автор этого исследования, в духе определения, данного авторами манифеста креольской литературе, нюансирует полученные результаты с помощью определения “креольского говора”, который «характеризуется не столько систематическим употреблением креольского языка, сколько в первую очередь экстралингвистическими и паралингвистическими элементами, придающими ему своеобразие: это междометия, интонация, акцент, просодия и оноματοпедия». Все эти элементы, которые невозможно

отразить на письме, «сообщают высказыванию, речи или ситуации креольскую специфику» (Ibid.: 294).

В последние годы отмечается заметный прогресс в развитии радио и телевидения на креольском языке: работают десятки частных радиостанций, каналы с круглосуточным вещанием, транслирующие информационные выпуски, тематические передачи и дебаты. Кроме того, бурно развивается интернет, где сегодня можно найти самые разные материалы в помощь преподавателям креольского языка и изучающим его самостоятельно: статьи, словари, тексты для чтения, информацию о конференциях и фестивалях и т.п. Среди двуязычных сайтов особенно популярны сайт преподавателей креольского языка «*Potomitan*» (<http://www.potomitan.info>) и сайт Р. Конфьяна «*Montray Kreyol*» (<http://www.montraykreyol.org>). Креольский присутствует и в социальных сетях, где он употребляется вперемешку с английским и французским.

Язык и политика

Изменение статуса креольского языка и отношения к нему населения в значительной степени связаны с деятельностью националистов, которые видят в нем важный ресурс мобилизации. Не случайно задолго до официального включения креольского в школьные программы, в 1970-е гг., его преподаванием как взрослым, так и детям занялись профсоюзы, в которых националисты начали играть все более заметную роль. «Креольский язык как символ сопротивления и свободы становится языком гнева, ярости и борьбы» (Schnepel 2004: 84). На нем пишут листовки и лозунги, граффити и песни протеста, он звучит в передачах националистических радиостанций (Рис. 1). Во время последних массовых волнений, спрово-

цированных кризисом 2008 г. и выразившихся в 40-дневной забастовке на Гваделупе в январе–феврале 2009 г. профсоюзный лидер Эли Домота неизменно выступал на креольском, придавая экономическим требованиям националистический оттенок.

Однако по мнению ряда авторитетных специалистов (Prudent 2003, Hazaël-Massieux 1996) политическая ангажированность защитников креольского языка, в том числе некоторых лингвистов, их требование максимального дистанцирования от французского, стремление зафиксировать на письме устные языковые формы в первозданной чистоте сыграли негативную роль. Прежде всего, речь идет о выборе в пользу фонетического, а не морфологического принципа орфографии. Результатом такого выбора стала трудность в восприятии текста: в большинстве случаев, чтобы понять написанное, читателю приходится произносить его вслух. Тем самым письменный язык как бы все время возвращается назад, к устному. Все без исключения информаторы жаловались нам на то, что письменный креольский язык “очень трудный”, что читать на нем сложно, что ежегодно проводящийся уже на протяжении более десяти лет “креольский диктант” умудряются написать без ошибок лишь единицы (ПМА 1, 3, 4). Кроме того, требование “аутентичности” диктует пуристам предпочтение базилектальных (“народных”) форм языка и отказ от заимствований из французского, вместо которых изобретаются бесчисленные неологизмы (Prudent 2003b: 22). Такой подход идет вразрез как с потребностью в модернизации языка, так и с речевыми практиками населения.

Вернемся, однако, к манифесту креольской литературы. Его заключительная часть, обозначенная как “приложение” и озаглавленная “Креольская литература и политика”, свидетельствует об истинной цели авторов, идущей гораздо дальше создания литературного направления. Речь идет о провозглашении не только и не столько эстетических принципов, сколько суверенитета по отношению к другим культурам – европейским, африканским, американским, – и по отношению к иным идеологиям, в частности – марксизму, для которого классовая солидарность важнее культурных различий. “Креольская идентичность” в понимании авторов манифеста определяет существование общности, обладающей собственными историей, культурой и языком, к тому же – как следует из самой этимологии слова “креол”⁷ – укорененной на соответствующей территории. Осталось лишь дожидаться, чтобы в недрах этой общности “выкристаллизовалось настоящее самосознание” (*Bernabé et al.* 1989: 39), чтобы она превратилась в отдельный народ, “или, как хотелось бы некоторым, в самостоятельную нацию” (*Lemoine* 2001).

Если рассматривать манифест в этой перспективе, т.е. как идеологический, а не литературный документ, то следует признать, что его авторы в какой-то мере достигли своей цели.

В отличие от 1950-х гг., антильцы более не сомневаются в том, кто они такие. Идентифицируя себя прежде всего с Гваделупой или Мартиникой, они также осознают свою креольскую идентичность. Это, впрочем, единственный успех националистического движения. Политический бой националисты проиграли, но сформировалась мощная культурная идентичность. (...) Сегодня борьба за

идентичность тех, кто продолжает называть себя националистами, – это не антиколониализм, а элитная стратегия, нацеленная на занятие определенного места в неизменной социальной системе. С отягчающим обстоятельством: выгоды от новой ситуации получают не те, кто наиболее нуждается, а те, кто называет себя их “законными представителями” (*Giraud* 2009).

Таким образом, если “настоящее самосознание” сформировать удалось, то превратить его в катализатор националистической идеологии не получается – прежде всего потому, что абсолютное большинство антильцев понимает, что без экономической поддержки со стороны метрополии их уровень и качество жизни станет таким же, как на соседних независимых островах, откуда на Гваделупу и Мартинику идет постоянный поток трудовых мигрантов. На региональных выборах в декабре 2015 г. Народный союз за освобождение Гваделупы получил всего 0,5% голосов.

Заключение

Социолингвистическая ситуация во Франции на протяжении пяти последних столетий отмечена печатью государственного волюнтаризма: постоянно и неустанно ведется целенаправленная и упорная работа по формированию, развитию и сохранению единого государственного языка, противостоявшего в далеком прошлом «праматери» – латыни, после Революции – региональным языкам, говорам и наречиям, мешавшим двигаться по пути прогресса, в наши дни – мощному и агрессивному натиску английского. Французский язык находится под защитой Конституции и законов, за его

состоянием следят высокостатусные государственные структуры, его чистоту блюдет Французская академия. Больше внимание и солидные средства уделяются поддержанию и развитию франкофонии в мире.

Однако в последние полвека, в русле постмодернистских идей, и особенно с начала 1990-х гг. под давлением европейских институтов медленно, но верно меняется отношение к региональным языкам: из символа отсталости и невежества они превращаются в культурное наследие, придавая столь взыскуемое ныне разнообразие французскому культурному ландшафту. Отныне они допущены в школы и университеты, им отведено определенное место в публичном пространстве, они особенно востребованы как языки культурного производства. Но все эти достижения не снимают с повестки дня вопрос о будущем региональных языков: большинство из них практически не передаются в семьях, а число изучающих их в школах, хотя и постоянно растет, но все же критически мало для того, чтобы можно было развернуть ситуацию вспять. Прогнозы специалистов неутешительны и предрекают неуклонное и быстрое сокращение числа носителей, например, бретонского, каталанского или баскского.

Несколько иное положение в заморских департаментах, где местные языки сохранились лучше и часто являются языками первичной социализации. Так, в частности, обстоит дело на Антильских островах.

С момента формирования местных креольских языков и вплоть до середины XX века социолингвистическую ситуацию здесь можно было характеризовать как диглоссию: стандартный, литературный французский язык

обслуживал сферы администрации, образования и культуры, а региональный, или просторечный французский, а также креольские языки были языками повседневного общения. Важно подчеркнуть, что граница между языками с самого начала была не “этнической” или расовой, а социальной. Буржуазия, среди которой уже в XIX в. было немало мулатов, использовала креольский только при общении с прислугой, разговаривая в своем кругу исключительно по-французски (*Fanon* 1952: 39), в то время как дети плантаторов-рабовладельцев перенимали креольский от своих нянек-рабынь, и для них он был фактически родным. Мишель Лейрис констатировал в 1950 г., что креольский был на островах общенародным языком, который в той или иной мере знали и использовали все, но только для неграмотных он оставался единственным языком, исключаящим французский, и предполагал, что рано или поздно, когда система образования распространится на малообеспеченные слои населения, он вообще станет пережитком (*Leiris* 1950: 1347).

Вопреки этим ожиданиям, изменения, происходящие в мире – антиколониальное движение, “культурное возрождение”, борьба за права меньшинств и постмодернистский культ различия – направили события в иное русло. Официальное признание за креольским статуса регионального языка и включение его в систему образования на всех уровнях способствовало расширению сферы его применения и снятию негативного отношения: язык, который прежде считался грубым, вульгарным, неразвитым, ассоциировался с нищетой и отсталостью сегодня чаще ассоциируется с понятиями близости,

искренности, откровенности между собеседниками, с ситуациями семейных встреч и застолий, праздников и карнавала. Он звучит не только на улицах, но и в церкви, в университетских аудиториях и даже в коридорах власти. Многие наши информаторы подчеркивали, что это “очень красивый язык”. Молодежь сегодня, по сравнению со средним и старшим поколениями, использует его охотнее, и даже некоторые обосновавшиеся на островах приезжие из метрополии начинают учить креольский, чтобы лучше интегрироваться. В целом наблюдатели оценивают языковую ситуацию как “мирное сосуществование”, пришедшее на смену борьбе против засилья французского языка (Pédurand 2008).

В то же время, в создании письменности и, тем более, литературы на креольском языке больших успехов достичь не удалось. Политически predetermined принцип “максимальной дистанции” с французским и фонетическая орфография делают креольские тексты нечитабельными, отсутствует устоявшаяся грамматика, не хватает словарей и учебников. Попытки убежденных “пуристов” ввести жесткие языковые нормы наталкиваются на сопротивление “низовых” практик, как устных, так и письменных, пространство которых (интернет, граффити, радио- и телеэфир) неуклонно расширяется, и контролировать его становится все сложнее.

Рис 1. Использование креольского в ходе карнавала

Наряду с креольским на антильских островах сформировались региональные варианты французского языка, отличающиеся от стандартного как фонетически (произношение «r» как «ʁ» и «u» как «i», отсутствие носовых звуков), так и грамматически (особенности употребления некоторых предлогов) и лексически (присутствие архаизмов и заимствованных слов). Эти особенности связаны как с длительной изоляцией от основного массива французского языка, так и с влиянием креольского и других контактных языков (английского, индийских, африканских и т.п.).

Сегодня большинство лингвистов сходятся в том, что термин “диглоссия” не описывает языковую ситуацию на Мартинике и Гваделупе. Вместо этого предлагают новые объяснительные модели. Некоторые вслед за М.М. Бахтиным говорят о гетероглоссии (*Ménil* 2011), некоторые – о посткреольском континууме, в пределах которого «варианты креольского языка ... распределяются между архаичным, лучше сохраняющим особенности креольского языка базилектом и акролектом, приближающимся к норме языка-лексификатора» (*Бахтин, Головкин* 2004; *Беликов, Крысин* 2001, *Berrouët-Oriol, Fournier* 1992, *Fournier, Wittmann* 1995). М.–К. Азаэль-Масью предлагает модель двойного континуума, подчеркивая то обстоятельство, что до 90% населения островов сегодня используют в своей речи и креольский, и французский языки, каждый из которых имеет множество социальных и региональных вариантов, размещающихся на горизонтальной шкале, полюса которой тяготеют соответственно к акролекту и базилекту (*Haзаël-Massieux* 1996). Бернабе и Конфьян видят эту модель как континуум/дисконтинуум между, с

одной стороны, стандартным французским и креолизированным французским и, с другой – галлицизированным креольским и базилектальным креольским (*Bernabé, Confiant* 2002). Наконец, Л.-Ф. Прудан предпочитает термин интерлект, который он определяет как языковую макросистему, покрывающую все сосуществующие в едином пространстве разновидности креольского и французского, возникающую в результате того, что люди «совместно конструируют ни креольскую, ни французскую – а вернее, одновременно креольскую и французскую речь, как будто французского и креольского недостаточно для их самовыражения и они вынуждены дополнить их смешанной и неправильной речью» (*Prudent* 2003a: 237; 1981, 2003b).

Это определение близко к тому, что называется языковым репертуаром, – то есть многообразие языковых стилей, регистров, жанров, которые человек усваивает на протяжении жизни и по-разному, часто весьма фрагментарно, использует (*Blommaert, Backus* 2011). Получающий все более широкое распространение в русле концепции сверхмногообразия (*Vertovec* 2007) подход, в центре которого реальные речевые практики, а не чистые, целостные языки с четкими границами, связанные со столь же четко очерченными сообществами (*Blommaert, Rampton* 2011: 4–5), представляется весьма продуктивным для оценки языковой ситуации на Антильских островах. Исследование речевого поведения и языковых выборов населения на Гваделупе выявило двустороннюю интерференцию между французским и креольским и наличие множества промежуточных языковых форм,

широкую распространенность практик смены и смешения кодов – как между фразами, так и внутри фразы, а иногда и внутри слова (Рис. 4), «затрудняющие любые попытки отнести некоторые высказывания к одному из языков» (Managan 2003: 254).

Концепция “сверхмногообразия”, по сути, развивает ту самую идею “креолизации мира”, о которой Глиссан писал с середины 1990-х гг. во многих работах и которую определял как «контакт между множеством элементов различных культур..., результатом которого становится новая и непредсказуемая реальность, не сводимая к сумме или простому синтезу контактирующих элементов» (Glissant 1997: 37). В свете такого понимания представляется, что языковая ситуация на Антильских островах развивается не в сторону языкового сдвига в пользу французского (стандартного или регионального) языка, и не в сторону равноправного (и отдельного) франко-креольского билингвизма, а в направлении роста разнообразия речевого репертуара (в том числе за счет иноязычных заимствований) с одновременным расширением пространства взаимного понимания и размытием нормы.

Примечания

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00099 “Механизмы обеспечения гражданского согласия в многоэтнических государствах: российский и зарубежный опыт” (руководитель Е.И. Филиппова).

1. Такое же мнение выразил сенатор И. Ренар во время слушаний 18 июня 2008 г.: назначение Статьи 2 Конституции – «бороться не с региональными языками, а с нашествием английского» (<http://www.senat.fr/seances/s200806/s20080618/s20080618003.html#R1A>).

2. О серьезном отношении к проблеме свидетельствует, например, такой частный факт: в техническом задании для экспертов (в том числе из числа иностранных ученых), осуществляющих аттестацию французских учреждений науки и образования, отдельным пунктом прописано требование соблюдать установленные языковые нормы, «избегая проникших во французский язык англицизмов». Курьез ситуации в том, что в приведенный для примера список якобы англицизмов попали производные от латинских слов, пришедшие в английский язык через французский – т.е. имеющие все основания считаться галлицизмами.

3. Первые цифры в номерах законов соответствуют году их принятия.

4. Термин “манифестации” (*prises de position*) связан у Бурдьё с его концепцией поля как сети объективных отношений (подчинения, взаимодополнительности или антагонизма и т.д.) между позициями. Позиции могут соответствовать определенному жанру (например, роману) или подразделениям жанра (светский роман); в другой логике к позициям относятся журналы, салоны, кружки и т. п. К манифестациям относятся, в первую очередь, произведения

литературы или живописи, но также и политические акции, и выступления, манифесты, полемика и т. п.

5. «[негритюд] означает прежде всего отторжение. Отторжение культурной ассимиляции; отторжение некоего образа смиренного негра, неспособного создать свою цивилизацию. Культурная составляющая здесь важнее политической» (*Césaire* 1939).

6. «Я решительно протестую против термина “креольская идентичность”, несмотря на то, что авторы манифеста ссылаются на меня как на своего духовного отца. Я считаю, что идея креолизации лучше соответствует ситуации в современном мире. Это идея продолжающегося процесса, который может производить как идентичное, так и отличное. Мне кажется, что креольская идентичность возводит в догму или модель многоязычие и многоэтничность. Поскольку я противник всяких моделей, я предпочитаю открытый термин “креолизация” той сущности или состоянию, к которым отсылает термин “креольская идентичность”» (*Glissant* 2000).

7. Креол – от исп. *criolo* – ребенок, родившийся на островах от родителей-европейцев или африканцев (соответственно “белые креолы” и “негры-креолы”). Слово также употреблялось в отношении животных и даже растений (креольские коровы, креольские томаты и т.п.). См.: *Hazaël-Massieux* 1996: 2.

Библиография

Источники и материалы

ПМА – Полевые материалы автора, Гваделупа, январь 2008 г. (Информанты: 1 – Ж, 43 года, родной язык – креольский, диплом бакалавра, секретарь в частной фирме; 2 – М., 27 лет, родной язык – французский, неоконченное высшее образование, работник автосервиса; 3 – Ж., 40 лет, родной язык – французский, высшее образование, специалист в сфере информатики; 4 – Ж., 30 лет, родной язык – французский, высшее образование, администратор в супермаркете; профессора Университета Антильских островов и Гвианы: Ф. Рено – социолог, Э. Набажот – историк; Ж. Дагомей – философ, преподаватель колледжа.

Apprendre 2013 – Apprendre et enseigner les langues et les cultures régionales dans l'école de la république. Novembre 2013. Ministère de l'éducation nationale// education.gouv.fr

Bertile 2008 – *Bertile V.* « Les langues régionales entrent dans la Constitution » / Blog français de droit constitutionnel. 27 Août 2008 <http://www.bfdc.org/article-22289449.html>. P. 3.

Césaire 1939 – *Césaire, Aimé.* Cahier d'un retour au pays natal. Présence Africaine, 1939.

Confiant 1992 – *Confiant R.* “La bicyclette créole contre la voiture française”. Propos recueilli par Rene de Ceccatty // *Le Monde*, 06.11.1992

Délégation 2016– Délégation générale à la langue française et aux langues de France. Références 2016. 2ème édition

Etienne 2003 – *Etienne J.* La littérature en langue créole du 17è siècle à nos jours (novembre 20003) // Potomitan. Site de promotion des cultures et des langues créoles. URL: www.potomitan.info/bannzil/litterature.html

Giraud 2009 – *Giraud M.* Une élite nationaliste cherche à asseoir son pouvoir. Propos recueillis par Natalie Levisalles // Libération. 23.02. 2009.

Glissant 1981 – *Glissant, Édouard.* Le Discours antillais. Paris, Éd. du Seuil, 1981.

Glissant 2000 – La Créolisation culturelle du monde : Entretien avec Edouard Glissant // Label France. № 38. 2000.

Lemoine 2001 – *Lemoine H.* Les tracées imaginaires et politiques des “Lettres créoles” // PARUTIONS.COM ! L'actualité du livre et du DVD sur internet. URL: www.parutions.com

Maalouf 2016 – *Maalouf A.* Un fauteuil sur la Seine. Quatre siècles d'histoire de France. Paris : Grasset, 2016.

Pepin 2009 – Les enjeux de la creolité : conférence d'Ernest Pepin. Vendredi, 10 Juillet, 2009 // Montray Kréyol. URL: www.montraykreyol.org/article/les-enjeux-de-la-creolite-conference-dernest-pepin

Pédurang 2008 – *Pédurang H.* Une cohabitation apaisée // L'Express, 11.01.2008.

Sénat 2008 – Стенограмма заседания Сената от 18 июня 2008 г. <http://www.senat.fr/seances/s200806/s20080618/s20080618003.html#R1A>

Sour 2005 – *Sour P.* Proposition d'amendements à la loi de révision de la Constitution française. A l'attention des sénateurs Verts. Toulouse, le 28 janvier 2005.

Научная литература

Беликов В.И., Крысин Л.П. Социоллингвистика. М.: РГГУ, 2001.

Вахтин Н.Б., Головки Е.В. Социоллингвистика и социология языка. Спб.: Изд-во Европейской университета, 2004.

Alen-Garabato C., Cellier M. L'enseignement des langues régionales en France aujourd'hui : état des lieux et perspectives // Tréma [En ligne]. 31 | 2009, mis en ligne le 20 septembre 2010. (<http://trema.revues.org/903>)

Antiope N. Radio infranationale et discursivité identitaire en milieu insulaire : Des représentations sociales aux ethnodiscours médiatiques. Le cas des Départements français d'Amérique. History, Philosophy and Sociology of Sciences. Université de la Sorbonne nouvelle – Paris III, 2008.

Basso J., Candau O. L'enseignement du français en Guadeloupe : réflexion pour une pédagogie adaptée à la diglossie créole/français. Analyses de productions orales et écrites et incidences sur les plans pédagogique et

- didactique // Recherches et ressources en éducation et en formation. 2007. n°1. P.10 – 32
- Bébèl-Gisler* 1976 – Bébèl-Gisler D. La langue créole, force jugulée. Paris: l'Harmattan, 1976.
- Bourdieu P.* Pole literary. Novoe literaturnoe obozrenie. 2000. № 45. C. 22–87.
- Bourdieu P.* O proizvodstve i vosproizvodstve legitimnogo iazyka. Otechestvennye zapiski. 2005. № 2. C. 146–174.
- Berrouët-Oriol R., Fournier R.* Créolophonie et francophonie nord-sud: transcontinuum. Revue canadienne des études latino-américaines et caraïbes. 1992. Vol. 17. No. 34. P. 13–25.
- Bernabé J.* Un survol sociolinguistique. Langues et cité. 2005. №5. P. 6–7.
- Bernabé J., Confiant R.* Le CAPES de Créole: stratégies et enjeux. Hermès. 2002. №1–2 (32–33). P. 211–223.
- Bernabé J., Chamoiseau P., Confiant R.* Éloge de la créolité. Paris: Gallimard, 1989.
- Blommaert J., Rampton B.* Language and Superdiversity. Diversities. 2011. Vol. 13. №2. P. 1–22.
- Blommaert J., Backus A.* Repertoires revisited: 'knowing language' in superdiversity. Working Papers in Urban Language and Literacies, paper 67. 2011 (The Centre for Language, Discourse & Communication. URL: [http://www.kcl.ac.uk/sspp/departments/education/](http://www.kcl.ac.uk/sspp/departments/education/research/ldc/publications/workingpapers/abstracts/WP067-Repertoires-revisited-Knowing-language-in-superdiversity.aspx)

- [research/ldc/publications/workingpapers/abstracts/WP067-Repertoires-revisited-Knowing-language-in-superdiversity.aspx](http://www.kcl.ac.uk/sspp/departments/education/research/ldc/publications/workingpapers/abstracts/WP067-Repertoires-revisited-Knowing-language-in-superdiversity.aspx)).
- Buisson A.* Marquer la Parole dans les œuvres de Patrick Chamoiseau, Solibo Magnifique, Texaco, L'esclave vieil homme et le molosse: un parcours orphique à travers l'écriture. Mémoire de maîtrise. Université Stendhal, Grenoble 3, 2006.
- Dauzat, A.* Histoire de la langue française. Paris: Presses Universitaires de France, 1959.
- Fishman J.* Bilingualism and biculturalism as individual and societal phenomena. In J. Fishman, M. H. Gertner, E. G. Lowy & W. G. Milán (Eds.). The rise and fall of the ethnic revival: Perspectives on language and ethnicity. Berlin: Mouton Publishers, 1985. P. 39–56.
- Fournier R., Wittmann H.* (dirs). Le français des Amériques. Trois-Rivières: Presses universitaires de Trois-Rivières (Québec), 1995.
- Hazaël-Massieux M.-C.* Du français, du créole et de quelques situations plurilingues: données linguistiques et sociolinguistiques. In: *Jones B., Miquet A., Corcoran P.* (éds). Francophonie. Mythes, masques et réalités. Enjeux politiques et culturels. Paris : Editions Publisud. 1996. P. 127–157.
- Hazaël-Massieux M.-C.* Les créoles à base française : une introduction. Travaux Interdisciplinaires du Laboratoire Parole et Langage. 2002. Vol. 21. P. 63–86.

- Hazaël-Massieux M.-C.* Et si l'on parlait des créoles dans les territoires créolophones ? *Ela. Études de linguistique appliquée*. 2006. N°3 (143). P. 281-296.
- Héran F., Filhon A., Deprez C.*, 2002, «La dynamique des langues en France au fil du XXe siècle», *Population et Sociétés*, 376.
- Glissant E.* *Traité du Tout-Monde*. Paris : Gallimard, 1997.
- Giordan H.* «Les langues régionales dans la Constitution: un pas en avant très ambigu». *Diasporiques*, N°3, nouvelle série. Septembre 2008.
- Gordien A.* «Guadeloupe, l'après LKP : Anticolonialisme, identité et vie quotidienne». *Revue Asylon(s)*. 2013. N°11. (<http://www.reseau-terra.eu/article1275.htm>).
- Iskrova I.* «Français et créole: contact de langues aux Antilles». *Neveu F., Muni Toke V., Durand J., Klingler T., Mondada L., Prévost S.* (éds.) *Congrès Mondial de Linguistique Française*. Paris : Institut de Linguistique Française, 2010. P. 1329-1339
- Kim Minchai.* *L'anglicisme et l'intervention linguistique gouvernementale: étude de l'implantation terminologique en francophonie*. ELIS - Echanges de linguistique en Sorbonne, Université Paris Sorbonne, 2015, 3 (3), pp.79-102.
- Leiris M.* *Martinique, Guadeloupe, Haïti. Les Temps modernes*. 1950. N°52. P. 1345-1368.
- Le Pourhiet A.-M.*, «Langue(s) et Constitution(s)», *Raisons politiques* 2001/2 (no 2), p. 207-215.

- Lodge, R.A.* 1997. *Le Français. Histoire d'un dialecte devenu langue*. Paris, Fayard, 382 p.
- Lucas R.* *L'aventure ambiguë d'une certaine créolité*. *Dérades*. 2000. N°5. P. 93-112.
- Managan K.* *Diglossia Reconsidered: Language Choice and Code-Switching in Guadeloupean Voluntary Organizations*. *Texas Linguistic Forum*. 47. *Proceedings of the Eleventh Annual Symposium about Language and Society*. Austin, April, 11-13, 2003. 251-261.
- Mannette M.* *Enjeux d'un enseignement bilingue créole-français en maternelle en Guadeloupe*. *Education*. 2015. <dumas-01193735>.
- Ménil A.* *Les Voies de la créolisation. Essai sur Édouard Glissant*. Paris : De l'incidence éditeur, 2011.
- Ménil R.* *Problèmes d'une culture antillaise. Tracées*. Paris : Robert Laffont, 1981.
- Moudileno L.* *Éloge de la créolité ou la nécessité d'irruption*. *Études littéraires africaines*. 2010. N°29. P. 54-61.
- Prudent L.-F.* *Diglossie et interlecte (Diglossia and Interlect)*. *Langages*. 1981. N°61. P. 13-38.
- Prudent L.-F.(a).* *Réponse au texte de Didier de Robillard : Chaotique, éclectique, pragmatique... Cahiers de Sociolinguistique*. 2003. N°8. P. 233-243.
- Prudent L.-F. (b).* *Le nouveau défi de la standardisation. Comment écrire les langages littéraires, techniques et*

scientifiques en créole martiniquais ? Glottopol. Revue de sociolinguistique en ligne. 2003. N°2. P. 9-28.

Rey A. Le français : une langue qui défie les siècles. Paris: Gallimard, 2008.

Schnepel E.M. In Search of a National Identity: Creole and Politics in Guadeloupe. Hamburg: Helmut Buske Verlag, 2004.

Simon S. «Le rejet par le Conseil constitutionnel de la Charte des langues régionales ou minoritaires», *Diasporiques, Cultures en mouvement*, n°3 nouvelle série, septembre 2008, pages 31-36.

Tassius-Marceline Gh. Créole, société et enseignement: entre rejet et revendication ou reconnaissance. Colloque national "Enseigner l'Outre-mer, enseigner en Outre-mer". Paris, 17-18 mai 2011. (cache.media.eduscol.education.fr/file/Formation_continue_enseignants/24/2/Outre-mer-Tassius-2011_188242.pdf).

Véronique Georges Daniel, «Émergence des langues créoles et rapports de domination dans les situations créolophones», *In Situ* [En ligne], 20 | 2013, mis en ligne le 22 février 2013, consulté le 01 octobre 2016. (<http://insitu.revues.org/10209>; DOI: 10.4000/insitu.10209).

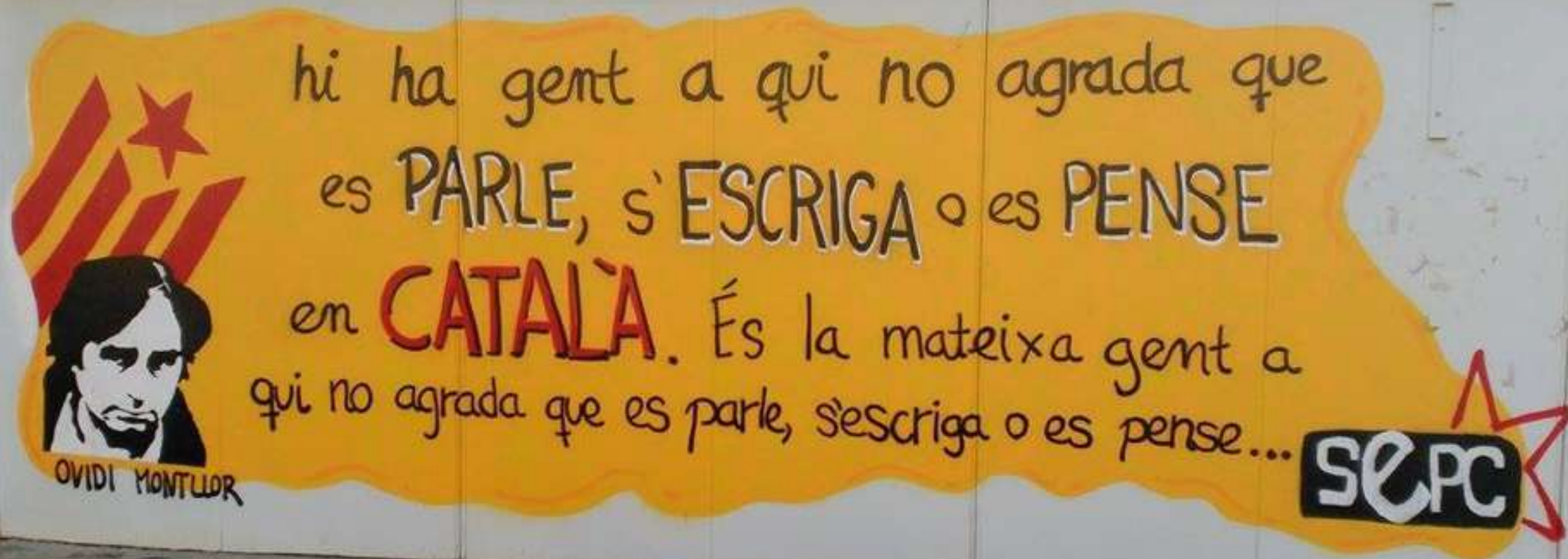
Vertovec S. Super-diversity and its implications. *Ethnic and Racial Studies*. 2007. Vol. 30. N°6. P. 1024-1054.

Vigner G. «Depuis quand enseigne-t-on le Français en France ? Du sermo vulgaris à l'enseignement du français langue maternelle», *Ela. Études de linguistique appliquée* 2001/3 (n° 123-124), p. 425-444.

Weber E. La Fin des terroirs. La modernisation de la France rurale (1870-1914). Paris, Fayard, 1983.

Zandronis D. Sous-médiatisation ou hypermédiatisation du créole : Éléments pour une créolisation des médias guadeloupéens. Actes du colloque "Kabar pou la Kréolité", Saint-Gilles, Réunion, 18-20 décembre 2002.

ГЛАВА 4

“Есть люди, которые не любят, что другие говорят, пишут или думают по-каталански. Это те же люди, которые не любят, что другие говорят, пишут или думают” (надпись на стене профсоюза студентов, афоризм певца и поэта Овиди Монтло).
фото: *Jove* (<https://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0>),

Эктор Алос и Фонт

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В КАТАЛОНИИ И НАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ КОНФЛИКТ В ИСПАНИИ

Испания – одна из наиболее многоязычных стран Европы. В ней насчитывается 13 коренных языков (*Ramallo 2016*)¹, а в результате миграционных процессов последних десятилетий только в Каталонии говорят более чем на 300 языках (*Monrós 2005*). Для 82% населения испанский (кастильский) является языком первичной социализации (*Eurobarometer 2012: 11*). Многоязычие распространено неравномерно. В центре и на юге Испании говорят, как правило, на разных диалектах испанского языка, многоязычие там практически ограничено городами и является следствием недавних миграционных процессов. На севере и востоке Испании, где сосредоточена почти половина жителей страны, концентрируется подавляющее большинство двуязычного населения. В шести автономных областях признаны один или два официальных языка наряду с испанским: в Каталонии – каталанский и окситанский, в Валенсии и на Балеарских островах

– каталанский, в Галисии – галисийский, в Стране Басков и на части территории Наварры – баскский.

Особенность Испании в том, что многоязычие и многонациональность страны стали причиной острых конфликтов с конца XIX в. и до сего дня. Центр не смог ассимилировать периферию, вопреки использованию жестоких методов при диктатуре Франко (1936/39–1975). В конце 1970-х – начале 1980-х гг. в результате межэлитной сделки под надзором армии создана своеобразная федеративная структура государства, но она не смогла решить основные вопросы о многонациональности страны и положении языков в ней. Языковая и национальная политика, проводимая властями разных уровней, стала предметом постоянных конфронтаций. Обострение националистического конфликта в 2000-х гг. между центром и периферией привело к «сепаратистскому кризису» (англ. *secession crisis*, *Bartkus 1999*) в Каталонии – самой населенной многоязычной области Испании, где, к тому же, коренные языки пользуются более существенной поддержкой региональной власти, чем в других областях. Неслучайно Фишман (*Fishman 1991*) считает каталанский язык, наряду с французским в Квебеке и ивритом, примерами «успешного» обратного языкового сдвига, вопреки очень заметной разнице с двумя другими случаями.

В настоящей работе описывается языковая политика, проводимая центральными и региональными властями в период 1977–2015 гг.², особое внимание уделяется правовым и идеологическим аспектам. Обсуждается роль этой политики в нынешнем конфликте³. С этой целью будет вначале представлена языковая ситуация в Каталонии к 1975 г., а также языковые идеологии, связанные с испанским и каталонским национализмами. Затем мы обратимся к языковой политике в Каталонии, ее эволюции и результатам. Последняя часть представляет усиление

испанского националистического дискурса Народной партии (исп. *Partido Popular*) в 1990–2000-х гг., его последствия в языковой политике и возгорание настоящего острого кризиса в Каталонии и Испании. В статье делается вывод, что недостаточно определенная конституцией форма государства не смогла до сих пор защитить последнее от националистической эскалации большой общеиспанской партии.

**Каталанский язык:
от истоков до конца диктатуры Франко**

Каталанский язык является одним из романских языков, так же как португальский, испанский, французский, итальянский и др. Долгое время существовала бесплодная дискуссия о том, к какому языку он ближе: к испанскому или французскому. Но самый близкий к каталанскому язык – окситанский. Есть существенные отличия от испанского в фонетике, базовых словах, системе местоимений и временах глаголов (Woolard 1989: 145–149). Тем не менее, испанский и каталанский – языки-родственники с длительными интенсивными контактами. Как правило, испаноговорящий неплохо понимает каталанский язык после нескольких месяцев проживания в Каталонии. Активное владение достигается сложнее.

На каталанском языке говорят в четырех регионах Испании: Каталонии, Валенсии, на Балеарских островах и в западной части Арагона. Вне Испании на нем говорят в Андорре (где он является единственным государственным языком), во французском департаменте Восточные Пиренеи (также называемом Северной или Французской Каталонией) и в г. Л'Альгер / С'Алигера / Альгеро в Сардинии, Италия. Тем не менее, в начале XXI в. 97% каталаноговорящих живут в Испании, 61% – в Каталонии. Всего каталанским языком владеют примерно 9 млн чел., половина из них – в качестве языка первичной

социализации. По данным на 2014 г., каталанский является таковым для 38,5% из 7,3 млн жителей Каталонии, еще 34,7% владеют им, при этом 95% населения заявляет, что понимает его (табл. 1). Согласно тем же данным⁴, каталанский является языком первичной социализации 9,3% населения Испании, и вторым (третьим, четвертым) языком для еще 9,3%.

Таблица 1. Распределение говорящих на каталанском по регионам (2014 г., оценка)

РЕГИОН	Всего	Понимают		Говорят		Язык первичной социализации	
		тыс.	%	тыс.	%	тыс.	%
Каталония							
Валенсия	7 306	6 949	95,1	5 345	73,2	2 813	38,5
Балеарские острова	4 834	4 098	84,8	2 474	51,2	1 047	21,6
Восточный Арагон	1 025	861	84	617	60,2	410	40
Северная Каталония	47	46	97,9	42	89,4	33	70,2
Андорра	411	257	62,5	142	34,5	35	8,4
Альгеро	77	74	96,1	61	79,2	26	33,2
Всего	40	36	90	24	60	8	19,8

Источник: Харха CRUSCAT (2015: 73)

Ситуация с каталанским языком сильно менялась на протяжении истории. В XIII–XV вв. появилась

заметная литература на каталанском языке. Он использовался в королевской канцелярии Арагонской короны вместе с латинским, арагонским, сицилийским, неаполитанским и др. Династический союз между Арагонской и более населенной Кастильской короной в начале XVI в., а также экспансия Кастилии в Америке вызвали уменьшение использования каталанского и арагонского как литературных и административных языков. В связи с соединением обеих корон в унитарном государстве в начале XVIII в. началась политика ограничения области использования языка: в государственных документах, образовании, театре и др. (*Ferrer i Gironès* 1985).

Логично предположить, что каталанский язык мог разделить судьбу арагонского, окситанского, валлийского, сицилийского, нижненемецкого и др. Но в XIX в. произошло событие, коренным образом изменившее эти тенденции. В Каталонии началась индустриализация. И самое важное: в Испании она происходила практически только в Каталонии и Стране Басков. Это создало противоположные экономические интересы у каталонской и кастильской элит. В то же время в Каталонии возник быстро растущий пролетариат и начались бурные социальные конфликты. ВВП Каталонии вырос с 15,4% от ВВП Испании в 1890 г. до 21,4% к 1930 г., а в результате миграции из других регионов Испании доля населения Каталонии за этот же период увеличилась с 10,5% до 11,8% (*Maluquer de Motes Bernet* 1998: 96–103).

Параллельно с экономическими и социальными изменениями к середине XIX в. началось литературное

возрождение каталанского языка, которое в Каталонии эволюционировало до политического движения в поддержку федерализма Испании и/или автономии региона. В данном контексте в 10–20-х гг. XX в. был создан современный каталанский литературный язык (*Алос и Фонт* 2012).

Одновременно с развитием каталонского национализма развивались баскский, галисийский и испанский. Безусловно, во всех случаях речь идет о довольно широком идеологическом спектре. Как говорит историк Ш.М. Нунес, «существуют испанские этнонационалисты, гражданские националисты, культурные националисты и т. д., как есть каталонские, баскские или галисийские этнические, гражданские и культурные националисты, все они – в сложных и запутанных сочетаниях» (*Núñez* 2001: 725). Центральное значение для националистов имели вопросы о языках и государственном устройстве. В испаноязычной части Испании развивалась теория, что Испания – единая древняя нация, в которой кастильский язык естественно распространялся не из-за гегемонии Кастилии, но исключительно в результате превосходства кастильской культуры, центрального положения Кастилии на Пиренейском полуострове и даже превосходства кастильского языка, его фонетики и грамматики (*Monteagudo* 2013, *Moreno Cabrera* 2008, *Valle* 1999). Данную идеологию в испаноязычной научной литературе называют, как правило, «испанским лингвистическим национализмом».

Бурные дискуссии о языках и (де)централизации государства привели к череде переворотов в истории

Испании XX в. В 1914 г. каталонские провинции получили разрешение объединить свою администрацию, использовать каталанский язык в сфере управления, а также в образовании. Диктатура генерала Примо-де-Ривера (1923–1930) прекратила этот опыт самоуправления, снова запретила каталанский язык в администрации, образовании и общественных мероприятиях, так же, как и региональные партии. Названия улиц Барселоны, которые были двуязычными, заменили на испаноязычные, тысячи библиотечных книг на каталанском языке сдали в макулатуру, каталонский национальный танец был запрещен и др. Тем не менее, издание на каталанском языке не было запрещено, и продолжало процветать (*Marcet i Salom* 1991: 160–163).

В данном контексте вызывает особый интерес опыт Второй республики (1931–1936/39), поскольку он является прямым прецедентом современного государственного устройства Испании⁵. Каталонские левые националисты стали политическим большинством в Каталонии. Они провозгласили каталонское государство в 1931 и 1934 гг., но смирились с автономией в составе Испании. Каталонский язык снова стал официальным в Каталонии (вместе с испанским по требованию общеиспанских партий), но его распространение в образовании было ограничено конституцией и законодательством. Ситуация каталанского языка во Второй республике позже часто вспоминалась как почти идеальная, но это было только результатом ее сравнения с тем, что происходило во время диктатуры Франко (1936/39–1975).

Согласно В.П. Нарумову (1991: 81), «после гражданской войны 1939 г. господствующей идеологией был языковой национализм империалистического толка, служивший основой политики языковой ассимиляции». Каталонский язык был запрещен в школе, прессе, администрации, в любых юридических или бухгалтерских документах, а также в общественной жизни. Топонимы и личные имена на каталанском языке были запрещены, люди были переименованы. Писателей, журналистов, чиновников, преподавателей школ и университетов массово репрессировали. Переселяли учителей из других регионов Испании (*Benet* 1973, *Ferrer i Gironès* 1985). Тем не менее, особенно с 1960-х гг. объемы изданий и популярной музыки на каталанском языке начали расти одновременно с развитием гражданского общества и постепенным разложением режима. В 1970 г. было разрешено преподавание каталанского языка в школах без государственной поддержки.

В годы диктатуры Франко Каталония продолжала быть основным индустриальным центром Испании, что вызвало новую миграционную волну из других регионов страны. В период 1955–1975 гг. численность жителей Каталонии выросла с 3,5 до 5,7 млн чел., а их доля в населении Испании увеличилась с 12% до 16%. Демография Каталонии изменилась коренным образом также из-за того, что основная масса мигрантов прибывала в фертильном возрасте и имела рождаемость выше, чем у коренного населения (*Maluquer de Motes Bernet* 1998: 172–175, *Woolard* 1989: 30–33). Согласно расчетам М. Струбея, в 1975 г. 49%

населения Каталонии составляли испаноязычные мигранты и их дети, они были большинством в пригородах Барселоны, где иногда достигали 80% населения (*Strubell i Trueta* 1981: 75–79). В дальнейшем, несмотря на прекращение иммиграции к середине 1970-х гг., доля жителей Каталонии с испанским языком первичной социализации продолжала расти в результате указанных выше естественных демографических процессов.

В отличие от последствий диктатуры в валенсийских городах, в Каталонии исконное население сохранило каталанский как язык домашнего и ежедневного общения. Тем не менее, люди часто не умели читать на родном языке или у них не было привычки делать это. В ситуации, когда каталанский язык был три с лишним десятилетия запрещен в школе и публичной жизни, а приехавшие часто проживали компактно в новых кварталах, языковая интеграция была слабой. Язык стал важнейшим маркером для различий между «каталонцами» и «кастильцами» (т.е., соответственно населением исконного и миграционного происхождения, по тогдашним обычным неформальным названиям). Поскольку основную массу мигрантов составляли неквалифицированные работники, языковые различия коррелировали с социальными. Это парадоксальным образом привело к тому, что в глазах испаноязычного населения гонимый каталанский язык имел высокий статус (*Woolard* 1989). Разные авторы также отмечают и чувство солидарности части мигрантов с коренными каталонцами и каталонской культурой из-за того, что и те, и другие были жертвами политики диктатуры

(соответственно, социально-экономической и культурно-национальной) (*Conversi* 1988, *Woolard* 1989: 30–34). Борьба за каталанский язык стала тесно связанной с борьбой против диктатуры. В то же время, в отличие от, например, баскской, каталонская идентичность была в основном связана с местом проживания и языком, а не с происхождением (*Conversi* 1990). Это позволило распространиться двойной идентичности, так как мигранты могли принять такую «основополагающую ценностную ориентацию» (англ. *core value*, *Smolicz* 1981) гостевого населения, как язык, без отказа от родного, поскольку испанский язык уже стал доминирующим в Каталонии.

Правовые и идеологические рамки языковой политики

После смерти генерала Франко в ноябре 1975 г. под руководством аппарата диктатуры начался постепенный переход к демократизации. В то же время население вышло на улицы, и армия опасалась малейших изменений. 15 июня 1977 г. был избран парламент, который занялся созданием демократической конституции. 11 сентября 1977 г., в национальный день Каталонии⁶, эпохальная манифестация в Барселоне (около 1 млн чел.) потребовала автономии, которую Каталония получила месяц спустя.

Как и во время Республики, основными аспектами дискуссий нового испанского парламента были определение государственного устройства (унитарное или федеральное, однонациональное или многонациональное)

и связанный с ним статус языков. Для правых общеиспанских партий мононациональность Испании не подлежала обсуждению. Фалангисты-реформаторы у власти допускали определенную автономию, тогда как она была нежелательной для правой партии «Народное объединение» (предшественника Народной партии). В результате трудных переговоров Испания была определена как «неделимая нация», в которой есть «народности и регионы». Испанский язык (под названием «кастильский») был провозглашен единственным общегосударственным языком. Все граждане обязаны знать его и имеют право его использовать. На региональном уровне допускаются дополнительные официальные языки. Выпало из конституционного текста республики все связанное с испанским языком в образовании.

Конституция Испании не предполагала регионализации государства, кроме отдельных областей, хотя такая возможность существовала для всех регионов. Эта неопределенность, возникшая при согласовании противоположных точек зрения, отложила решение спора на более позднее время. Тем не менее, несимметричное устройство государства (с автономией только для каталонцев, басков и галисийцев) беспокоило общеиспанские правые партии. Они вскоре после принятия конституции согласились разделить государство на 17 автономных областей. После неудачного армейского переворота (в феврале 1981 г.) основные общеиспанские партии договорились между собой о создании рамочного закона (исп. *ley orgánica*) для «гармонизации процесса автономизации», предполагающего одинаковое распределение государственных функций по регионам.

Каталонское и баскское правительства подали на этот закон иск в конституционный суд, который вынес решение в пользу истцов. Затем конституционный суд превратился в орган, где постоянно спорили испанское и региональные правительства (*Grau Creus* 2005). Испания стала, на практике, «не-институциональной федерацией» (*Colomer* 1998) или «почти федеральным государством» (*Agranoff* 1993), в котором конституции автономных областей принимаются в ходе сложного процесса и имеют статус рамочных законов. Тем не менее, различные представления о государственном устройстве не способствовали развитию действующих многосторонних органов координации и решения конфликтов с участием представителей центральной власти и регионов. Даже реформирование сената в полноценную территориальную палату по модели германского Бундесрата – идея, пользующаяся определенным общим одобрением – не смогло до сих пор осуществиться.

Конституция Каталонии (исп. *estatuto de autonomía*) определила каталанский не только как «официальный», но и как «коренной язык» (кат. *llengua pròpia*, исп. *lengua propia*, переводимый на английский как *own language* или *local language*). Особое значение имеет пункт 3.3: «Каталонские органы самоуправления будут гарантировать нормальное и официальное использование обоих языков, принимать необходимые меры для обеспечения владения ими и создавать условия, позволяющие достичь их полного равенства в правах и обязанностях граждан Каталонии». Цель трудна, поскольку конституция Испании определяет специальный статус испанского языка, а также определенные

обязанности по отношению к нему. Вопрос в том, насколько юридически возможно в автономной области полное равенство в языковых правах и обязательствах граждан. В Каталонии такое полное равенство считалось фундаментальной целью. Для достижения этой цели предлагалось «нормальное» использование обоих государственных языков. Проблема в том, что понятие «нормальность» спорно. Каталонские социолингвисты Э. Бош и Ф.Ш. Вила предлагают три возможных уровня «нормализации»:

- Минимальная социолингвистическая цель: занятие всех сфер коммуникации бывшим регрессивным языком внутри языкового сообщества.
- Средняя социолингвистическая цель: минимальная цель, а также билингвизация иноязычных. То есть те, для кого подчиненный язык не является родным, изучают и используют его.
- Максимальная социолингвистическая цель: средняя цель, а также языковая интеграция (или реинтеграция) иноязычных, то есть их превращение в активных членов принимающего языкового сообщества посредством создания условий, чтобы они позаимствовали язык принимающего сообщества как свой собственный и передавали его своим потомкам (*Boix i Fuster, Vila i Moreno* 1998: 321).

Каталонская языковая политика стремилась к «средней социолингвистической цели» в условиях, когда 1) каталонское «принимающее языковое сообщество» составляло примерно половину населения

области и, как правило, владело родным языком лишь на бытовом уровне; 2) «иноязычной группой» были не иностранные гастарбайтеры, а сограждане с бесспорными языковыми правами, носители языка, которым все жители области владеют. Кроме того, ключевым принципом было избегание деления граждан по языку или происхождению.

И. Мари, один из руководителей первых этапов каталонской языковой политики, отмечает, что из текстов конституций Испании и Каталонии могли бы следовать два крайних сценария. Либо равноправное многоязычие в Испании и постепенное развитие каталонского как общепринятого публичного языка при уважении индивидуальных прав носителей испанского языка в Каталонии; либо установление строгой иерархии языков, в которой гегемония испанского привела бы к его эксклюзивному использованию на общеиспанском уровне, а в Каталонии двуязычие постепенно превратило бы каталанский в лишний, маргинальный язык (*Marí* 1991: 91).

Следовательно, ключевым аспектом каталонской языковой политики стало не создание полностью паритетного государственного двуязычия, которое постепенно закрепило бы каталанский язык в статусе ниже испанского, а придание ему преимущества в существенных сферах (т.н. «позитивная дискриминация»). Для этого использовался именно официальный статус каталанского языка: данная официальность означает, что «написанные на нем тексты являются достаточными для имеющего силу выраже-

ния без параллельного текста на испанском языке» (Vernet 1994: 128). Но это должно быть сделано без ущемления прав испаноязычного населения, что сложно. Кроме того, поскольку центральные органы власти не занимались развитием многоязычия, а, как правило, лишь создавали нормативные правовые акты в пользу общегосударственного языка, органы власти Каталонии посчитали еще более необходимым укрепление каталанского языка (а также окситанского – см. далее).

Языковая политика в Каталонии

Языковую политику каталонских властей следует делить на три этапа. Основной задачей первого было количественное и качественное расширение владения населения каталанским языком. К середине 90-х гг. акцент был сделан на расширение его фактического использования. Но в первое десятилетие XXI в. в Испании и, в частности, в Каталонии прошла очередная миграционная волна. Численность иностранцев в Каталонии увеличилось в период с 2000 до 2010 г. на 1 млн чел., а их доля выросла с 2,9% до 16% населения региона. Следовательно, обучение каталанскому языку снова стало актуальным.

Первый этап связан с принятием парламентом Каталонии закона «О лингвистической нормализации» в 1983 г. после трехлетнего обсуждения, потребовавшегося для достижения единогласия среди депутатов (только один воздержался при итоговом голосовании). Закон определил каталанский как рабочий язык органов власти

автономной области и местного самоуправления, а также зависимых от них предприятий, государственных служб (в том числе образовательных, здравоохранения и др.) и средств массовой информации. Владение каталанским языком стало необходимым для поступления на работу в данные учреждения. Вся топонимия Каталонии стала официальной только на каталанском языке (кроме Валь-д'Арана). Владение каталанским и испанским языками стало обязательным для получения дипломов о среднем образовании. Каталанский считался обычным языком школьного обучения, но признавалось право на получение «первого образования» на языке первичной социализации (каталанском или испанском). Запрещено деление детей по языковому признаку. Университетам поручалось повысить уровень использования каталанского языка.

Следует отметить и специальный случай Валь-д'Арана, небольшого района в Пиренеях с примерно 7 тыс. жителей (1‰ населения Каталонии), где коренной язык – окситанский. С 1983 г. законодательство дало окситанскому такие же преимущества в районе, как каталанскому в остальной части Каталонии. Окситанский стал основным языком школьного образования и информирования граждан. Местная топонимия стала официальной только на окситанском языке. Закон Каталонии №16/1990 г. о специальном режиме Валь-д'Арана повысил статус окситанского до официального языка района (вместе с каталанским и испанским). Конституция Каталонии 2006 г. признала окситанский официальным языком на всей территории автономной области, статус его закреплен законом

Каталонии №35/2010 г. «Об окситанском языке». Подобным образом поддержка каталонского языка жестов включена в Конституцию Каталонии 2006 г. (ст. 50.6) и усилена законом Каталонии №17/2010 г.

Повышение уровня знания каталанского языка означало, во-первых, распространение преподавания на нем в условиях интенсивного повышения квалификации учителей и обучения новых. По желанию родителей, желающих обеспечить языковую интеграцию и расширить возможности для карьерного роста своих детей, множество школ в пригородах Барселоны перешло в 80-е годы на программы языкового погружения (до 60 тыс. учащихся в 600 школах, *Mari* 1991: 94). В 1999/2000 учебном году 92% учащихся начальных школ учились на каталанском языке. В средних школах 49% учащихся получали образование исключительно и еще 36% преимущественно на каталанском. В то же время были созданы языковые курсы разных уровней для взрослых, на которых ежегодно обучались 30–40 тыс. человек (*Ibid.* 1991: 95).

Во-вторых, для общественной нормализации каталанского языка были необходимы качественные и привлекательные медиа. В 1983 г. был создан первый канал каталонского телевидения исключительно на каталанском языке. Среди прочего, только на каталанском языке транслировались даже матчи испанской футбольной лиги, а также самый популярный на тот момент американский сериал. Каталонское телевидение сразу стало очень популярным не только среди каталаноговорящих.

Параллельно с этими действиями было необходимо работать над изменением привычек граждан. В частности, каталаноговорящие, как правило, свободно общались на нем между собой, даже в присутствии не владеющих им. Но, обращаясь к испаноговорящему, они автоматически переходили на испанский язык. Это затрудняло изучение каталанского испаноговорящими. Разные государственные кампании были посвящены этой и другим целям, связанным с языками (*Boix-Fuster, Melià, Montoya* 2011). Это привело к частичному распространению т.н. «двуязычных разговоров», в которых каждый собеседник говорит на «своем» языке. Тем не менее, чаще всего функционирует т.н. «языковая адаптация», то есть один из собеседников принимает язык другого, хотя это уже не всегда испанский (*Woolard* 1989: 76–80). Как определяет И. Мари (*Mari* 1991: 97), изменение функционирования языков в обществе пробудило «языковое сознание» граждан, причем выросло как число тех, кто считает, что дело зашло слишком далеко, так и тех, кого волнует медленность процесса и кто боится исчезновения каталанского языка.

Данная языковая политика сразу принесла некоторые положительные результаты: за пять лет с 1981 по 1986 гг. доля понимающих каталанский язык выросла с 79,8% до 90,3%, а за следующие 10 лет (1986–1996 гг.) она достигла 95,0%. За эти же годы доля говорящих на языке выросла с 64,0% до 75,3%, умеющих на нем читать – с 60,5% до 72,4%, писать – с 31,5% до 45,8%. В дальнейшем, несмотря на новую миграционную волну, показатели устного владения сохранились, а письменного улучшились. По данным

переписи населения 2011 г., понимают каталанский язык 95,1% населения, умеют говорить на нем 73,1%, читать – 78,7% и писать – 55,7%⁷.

Постепенное повышение уровня владения каталанским языком позволило повысить требования к частным предприятиям. На них использование каталанского языка выросло, но его позиция осталась намного ниже испанского. Закон Каталонии №5/1993 г. о правах потребителей впервые включил право на получение информации на каталанском языке. Закон «О языковой политике» 1998 г. и конституция Каталонии 2006 г. укрепили и расширили эти права, внедряя необходимость информирования граждан (по крайней мере) на каталанском языке. Тем не менее, законодательства Испании и Европейского Союза ограничивают такие требования, например, в том, что касается маркировки товаров (*Branchadell, Melià* 2011). Закон 1998 г. и конституция 2006 г. также расширили использование каталанского языка в других областях, в том числе как языка обучения в средней школе.

Обращает на себя внимание изменение названия основного закона Каталонии о языках: «языковую нормализацию» сменила «языковая политика». Доминирующий в Каталонии дискурс терял часть своего эссенциализма, укрепляя конструктивистский анализ, существующий с самого начала каталаноязычной социолингвистики в 1960-х гг. Больше внимания стало обращаться на вопросы легитимности языковой политики и невмешательства в личную жизнь граждан (*Bastardas-Boada* 1995, *Branchadell* 2005).

В результате правительственных действий каталанский язык стал доминировать в администрации, образовании и культуре, а испанский сохранил заметное преимущество на улице, на работе и в занятиях на досуге. Правда, небольшая часть общества с испанским первым языком социализации перешла на каталанский как основной язык коммуникации, язык идентификации и язык общения с детьми. Тем не менее, с количественной точки зрения языковой сдвиг в пользу каталанского не преодолевает демографические процессы: по данным массового опроса 2013 г., говорили на каталанском (или преимущественно на нем) с матерью 31,1%, со старшим сыном или дочерью – 37,7% опрошенных (EULP13 2015: 97). С этой точки зрения, как и предупреждает часть каталонской интеллигенции, ситуация каталанского языка хуже, чем в 1975 г., когда он был родным языком половины населения.

В свою очередь, политика испанских властей резко отличалась от проводимой в Каталонии. Они, как правило, не только не внедряли действия для расширения многоязычия и изменения отношения к нему на общегосударственном уровне, но и своими действиями в Каталонии часто показывали небольшой интерес к вопросу. Билингвизация администрации стала медленным процессом. Закон Испании №30/1984 г. предписывает, что должностные лица в регионах, где заявлены два официальных языка, должны владеть обоими языками. Вопреки этому, часто языковые знания кандидатов не проверялись при проведении конкурсов (*Vernet* 1994: 129–130). В

области юстиции, администрация которой зависит от центральной власти, спустя 40 лет после принятия испанской конституции граждане Каталонии исключительно редко могут использовать официальный каталанский язык, что было отмечено во всех рекомендациях Комитета министров о применении Испанией Европейской хартии региональных языков или языков меньшинств (Council of Europe 2004, 2008, 2013, 2016). Общественная организация документировала 109 серьезных нарушений прав каталаноязычных граждан в период 1997–2016 гг. (56 в Каталонии). Из них 86 случаев относятся к подчиняющимся Мадриду органам власти, в том числе 50 связаны с правоохранными органами и 28 – с судами и загсами (PrL 2017).

Организация телевизионного пространства ярко иллюстрирует политику центральной власти в отношении языков меньшинств. Как указано выше, первый канал каталонского телевидения создан в 1983 г. Тогда он конкурировал с двумя государственными каналами. В 1988 г. созданы три частных канала, но закон испанского парламента не прописал никаких обязательств этих каналов по сохранению и развитию многоязычия. Так же действовали при создании двух новых частных каналов в 2006 г. и при переводе телевидения на цифровое вещание. При создании телевизионных каналов на каталанском языке в Валенсии и на Балеарских островах была возможность расширить каталаноязычное телевизионное пространство, но испанское правительство законодательно запрещало передачу

сигнала регионального телевидения другому региону и старалось закрыть сеть ретрансляторов, созданную общественными организациями с этой целью (борьба в Валенсии по этому поводу продолжалась почти 30 лет) (Gifreu 2011: 187–188). В результате, каталонские каналы телевидения существуют только за счет бюджета каталонской автономии без всякой помощи центральной власти, а скорее наоборот.

Каталонский сепаратистский кризис

В 1982–1996 гг. Испанией управляла социалистическая партия. В начале 1990-х гг. под новым руководством Х.М. Аснара Народная партия (НП), тогда основная оппозиционная сила в испанском парламенте, начала иначе формулировать свою идеологию. С одной стороны, открытые испанские патриотизм и национализм еще несли на себе клеймо их присвоения диктатурой (Núñez 2001). С другой стороны, их можно было использовать для усиления оппозиции к правительству (Muro 2009, Guibernau 2013: 379).

В 1993 г. НП начинала кампанию за выбор каталонскими родителями языка обучения детей. 12 сентября 1993 г. мадридская консервативная газета «АВС» вышла с огромной фотографией президента Каталонии на обложке в сопровождении одной фразы: «Как и Франко, но наоборот: преследование испанского языка в Каталонии». В последующем скандале сам Х.М. Аснар высказал сомнения в том, что каталанский язык угнетали при диктатуре Франко, а

президент НП в Каталонии прямо отрицал его преследование после 40-х гг. (*DiGiacomo* 1999: 123–124). В 1995 г. аналитический центр НП издал книгу «Базовые концепции языковой политики Испании» (*Marcos Martín* 1995), в которой повторялись традиционные идеи испанского языкового национализма о добровольном принятии кастильского языка всеми регионами Испании, ставились под сомнение гонения на языки меньшинств при диктатуре Франко, защищалось преимущество испанского языка, «общего» для всех граждан государства, критиковалась языковая политика Каталонии и других областей. Такие инициативы сопровождались продвижением Народной партией доктрины «конституционного патриотизма», подменявшей идею Хабермаса эссенциалистским испанским национализмом (*Bastida* 1998, *Muro* 2009). НП бурно выступала в защиту испанской конституции, несмотря на то, что она меньше всех общеиспанских партий поддержала конституцию при ее создании. Она называла себя «не националистической», а ярлык «националистов» получили только ее каталонские, баскские, галисийские и т.д. противники. В то же время НП начала пытаться монополизировать испанский патриотизм. Любая манифестация НП, вне зависимости от повода, представляла собой море испанских флагов.

Эксплуатация националистических чувств помогла НП прийти к власти в Испании (1996–2004). После получения абсолютного большинства в парламенте на выборах 2000 г. усилился патриотический дискурс НП. Испанский язык и история Кастилии должны

были стать основой для укрепления «национального единства» посредством «второго перехода» (после предполагаемого «первого» перехода к демократии во второй половине 1970-х гг.). НП также призывала к сокращению автономии регионов (*Colomer* 2017: 11, *Grau Creus* 2005: 269).

Реакция каталонских политических партий (как и баскских со своей стороны) была направлена на укрепление автономии. В то же время новое левое националистическое большинство в парламенте Каталонии, заменившее в 2003 г. правоцентристских националистов, бывших у власти с 1980 г., демонстративно отказалось от всяких переговоров с НП (*Colomer* 2017: 12). Однако каталонский парламент начал процесс согласования новой конституции Каталонии с определенным участием НП. В ноябре 2005 г. проект был принят 120 голосами – за, 15 – против. Но при рассмотрении его в испанском парламенте 120 статей были изменены (*Keating, Wilson* 2009: 544). В июне 2006 г. этот вариант был принят на референдуме каталонцами, но с заметным недовольством (больше половины избирателей воздержались от голосования). НП запустила агрессивную кампанию против конституции Каталонии, собрала 4 млн подписей против нее и «в защиту испанской нации» и оспорила более половины статей в конституционном суде, включая и статьи, практически одинаковые со статьями конституции Андалузии, которые не вызвали у нее возражения (*Keating, Wilson* 2009: 545). В 2005 г. близкие к НП медиа призывали к бойкоту товаров из Каталонии. На уровне всей Испании мобилизация НП повысила процент

людей, одобряющих сокращение региональной автономии с 10% в 2007 до почти 40% в 2011 г. (*Miñor 2017*), и помогла НП снова вернуться к власти. Но в Каталонии у подавляющего большинства населения вызвали недоумение не только резкость атак, но и то, что региональная конституция, одобренная двумя парламентами и референдумом, могла бы считаться неконституционной.

Решение конституционного суда задержалось на четыре года из-за огромного политического давления. Оно частично удовлетворило иски, в частности, о том, что Каталония не является нацией, что каталанский язык не может «пользоваться предпочтением» в государственной администрации и государственных массмедиа Каталонии и что владение каталанским языком не может быть обязательным для граждан наравне с испанским. Решение вызывало острую реакцию в Каталонии. Меньше, чем через две недели после вердикта 1 млн чел. вышли на марш протеста в Барселоне под лозунгом «Мы нация. Мы решаем». Число сторонников самостоятельности Каталонии, которых в 2006 г. было 15%, а в июне 2010 г. – 24%, повысилось до 44% в 2012 г. (*Burg 2015: 299*). Организованы огромные манифестации по 1,5 млн чел. в 2012, 2013, 2014 и 2015 гг. Крупнейшая по количеству избирателей каталонская националистическая партия, которая до тех пор поддерживала автономию, перешла в ряды сторонников независимости. Этот шаг помог партии снова выиграть выборы в Каталонии (в ноябре 2010 г.), в результате чего она начала процесс

подготовки к проведению референдума по вопросу о самоопределении.

Безусловно, в реакции части каталонского населения вопросы об идентичности и чувстве национального унижения играли основную роль. Но исключительно сильный экономический кризис, начавшийся в 2008 г., вывел на первый план обсуждение вопроса о масштабах помощи Каталонии более экономически слабым регионам Испании (*Guibernau 2013, Burg 2015*). Хочется отметить, что в отличие от традиционного миноритарного каталонского сепаратизма, в настоящее время нет статистически значимых различий среди поддерживающих независимость Каталонии по происхождению и языку, если включить и идентичность в многовариантную модель (*Serrano 2013*). Действительно, появились ассоциации испаноязычных каталонцев, активно проводящих кампанию за независимость на испанском языке. Тем не менее, вопрос о языках постоянно звучал в дебатах, среди прочего в связи с полемикой о государственном или государственных языках предполагаемой будущей Каталонской Республики, если вообще необходимо заявить такой или такие языки: М. Сендра и Ф.Ш. Вила (*Sendra, Vila 2016*) собрали 616 статей по этому вопросу, вышедших в период 2012–2015 гг. (см. тж. *Branchadell 2011*).

Вопреки острой реакции большей части населения Каталонии на решение конституционного суда и последовательному резкому росту числа сторонников независимости Каталонии, НП ничего не сделала, чтобы уменьшить напряженность. Проиграв на

всеобщих выборах 2004 г., НП начала новую националистическую эскалацию, включавшую в себя указанную выше кампанию против конституции Каталонии. Д. Муро и А. Кирога (*Muro, Quiroga* 2005) замечают рост элементов этнического национализма в «конституционном патриотическом дискурсе» НП. В этом контексте аналитический центр НП издал сборник статей о «языковой политике и [периферийных] национализмах» (*Pericay* 2007), в котором утверждалось, что программы языкового погружения в миноритарные языки Испании основаны на антииспанских националистических проектах. Следовательно, «уравновешенное» двуязычие требует уменьшения преподавания на региональных языках. В то же время, аналитики НП считали, то испанское правительство не проводило активную языковую политику и предлагали изменить эту ситуацию.

В 2011 г. НП получила абсолютное большинство на выборах в испанский парламент и парламенты разных областей, в том числе в Валенсии, на Балеарских островах и в Арагоне. За этим последовал ряд мер по инволюции языковой политики, особенно заметных на Балеарских островах и в Галисии, где НП аннулировала часть языкового законодательства, принятого ею в 80-е и 90-е годы. Был запрещен прием передач телевидения и радио из Каталонии в Валенсии (2011) и частично на Балеарских островах (2015). Региональное телевидение Балеарских островов превратилось в двуязычное, без фильмов на каталанском языке и с диалектным нелитературным каталанским языком в новостях (2012). Полностью

закрыты региональное телевидение и радио на каталанском языке в Валенсии (2013). Название каталанского языка в Арагоне изменено на «арагонский язык, характерный для восточной части», в результате чего часть школьников, изучающих родной каталанский язык, получили оценки по нему как за изучение второго иностранного языка. На Балеарских островах аннулированы необходимость владения каталанским языком для поступления на работу в региональную и муниципальную администрацию (2012), статус каталанского как ее основного языка (2012), а также обязанность частных компаний иметь возможность обслужить клиентов на каталанском языке (2014). Массово распространилось в Валенсии (2012) и на Балеарских островах (2013) трехязычное образование на каталанском, испанском и английском за счет сокращения образования на каталанском языке. На островах это случилось после того, как предложенный Народной Партией выбор языка обучения (каталанского или испанского) явно не дал ожидаемых ею результатов, поскольку 87% родителей выбрали каталанский (2012). Внедрение, не взирая на эти результаты, трехязычного обучения без переговоров с коллективом педагогов и без гарантий качества преподавания вызвало массовые протесты и забастовки учащихся и преподавателей (*Tasa Fuster, Bodoque Arribas* 2017; *Meliá Garí* 2014; *Bibiloni* 2014; *Xarxa CRUSCAT* 2015, 2016; *Duane* 2017).

НП также приняла в испанском парламенте ряд законов, направленных на рецентрализацию государства под предлогом экономического кризиса

(Muñoz 2017; Muro 2015; см. тж. Kremnitz 2016). Особую полемику в Каталонии вызвал новый испанский закон об образовании (2013), согласно которому у родителей должен быть выбор языка обучения детей или, по меньшей мере, 25% предметов школьной программы должны быть на испанском языке. Сам министр образования заявил в парламенте, что правительство ставит своей целью «испанизировать школьников-каталонцев» (Aunión 2012). В Каталонии получена 341 заявка на обучение на испанском языке в 2014/15 учебном году и 66 – в 2015/16 (Corretja Torrens 2016: 89) при том, что количество учащихся начальных и средних классов – примерно 980 тыс. чел.

Выводы

За 40 лет после смерти Франко возникли две основные и весьма противоречивые модели языковой политики для Каталонии. С одной стороны, во избежание дискриминации представителей языкового меньшинства предлагается полная билингвизация всего каталонского общества на основе активной позитивной дискриминации в пользу миноритарного каталанского языка. Данный подход в течение уже 35 лет поддерживает не менее 80% каталонского населения. Альтернатива предлагает избегание любой потенциальной дискриминации представителей языкового большинства независимо от того, что это ведет к дискриминации миноритарной группы, и что не меньше 2/3 представителей языковой мажоритарной

группы в Каталонии не ощущают реальную или потенциальную дискриминацию.

Сторонникам первой модели изменение языковой ситуации представлялось как длинный поэтапный процесс, в котором расширение языковых знаний было только первым этапом преодоления подчиненного статуса каталанского языка и зависимых от него языковых навыков граждан. Дискурс, связанный с этой позицией, потерял большую часть своего исходного эссенциализма, когда говорилось о восстановлении «нормального» положения вещей. Сторонники второй точки зрения не видели ничего плохого в том, что испанский язык преобладал во всех сферах жизни, поскольку для них это лишь результат детерминистского процесса. По их мнению, отрицание естественного положения дел – это националистическое заблуждение, а сохранение такого «естественного» положения противоположно какому-либо национализму. Конечно, эта точка зрения может лишь порождать все большее и большее беспокойство на фоне постепенного распада языковой иерархии в Каталонии.

На самом деле интерес Народной партии, поддерживающей второй вариант, мало связан с жителями Каталонии, а больше с недальновидным стремлением извлечь сиюминутную выгоду на выборах. В Испанской социалистической рабочей партии, безусловно, есть немало сторонников такого же отношения к языкам, но каталонские избиратели важны для социалистов, поскольку партия традиционно получает хорошие результаты в Каталонии (34–45% голосов на

всеобщих выборах в период с 1993 по 2008 годы). Напротив, НП получала в те же годы в Каталонии 15–22% голосов, тогда как ее результаты на уровне Испании были 35–45%. Ей, кажется, значительно менее, чем социалистической партии, выгодно умерить свой дискурс, с учетом того, что она может получить вне Каталонии, если ужесточит его. В результате НП поддерживает эссенциалистскую концепцию, согласно которой преимущество испанского языка естественно и неизбежно, но в то же время его защита всеми силами и средствами необходима для сохранения территориальной целостности государства.

На самом деле острые споры о языках являются только частью основной проблемы о согласованных формах управления конфликтами в гораздо более разнообразной стране, чем та Испания, какой ее представляет себе НП. Недостаточно четко определенная конституцией форма государства не создала достаточно сильный баланс между центром и периферией, когда центром управляет или собирается управлять партия, развивающая агрессивную разъединяющую политику против меньшинств, прежде всего против самого многочисленного и мобилизованного меньшинства. В результате получается националистическая эскалация, результаты которой могут быть только бедственными для всех. Вопрос сейчас в том, как выходить из тупика, в который привела граждан безответственная радикализация политиков.

Примечания

1. К ним отнесены испанский, каталанский, галисийский, баскский, окситанский, астур-леонский, арагонский, кало (испано-цыганский), португальский, арабский, амазигский, испанский язык жестов, каталонский язык жестов.
2. Есть две коллективные работы, посвященные языковой политике региональных администраций «каталано-язычных стран» (*Boix-Fuster, Milian-Massana 2002; Strubell, Boix-Fuster 2011*). В отличие от настоящей статьи, они включают языковую политику не только в Каталонии, но лишь немного касаются политики центральных властей.
3. Статья написана в июне 2017 г.
4. Данные не включают каталаноязычных мигрантов в другие регионы Испании, ни учивших каталанский как второй язык. По всей вероятности, их не меньше 200 тыс. чел.
5. О языковых дискуссиях и языковой политике во время Второй Испанской Республики см., например: *Monteagudo 2013, Núñez Seixas 2013*.
6. Национальный день Каталонии отмечается в память о падении Барселоны 11 сентября 1714 г. после 14-месячной осады франко-кастильской армии и потере каталонской государственности.
7. Idescat (<http://www.idescat.cat/pub/?id=censph&n=6446> – дата обращения: 19.06.2017).

Библиография

Научная литература

- Алос и Фонт Э. История создания каталанского литературного языка. Чувашская письменность: история и современность, ред. Э. Е. Лебедев. Чебоксары: ЧГИГН, 2012, с. 110–136.
- Нарумов В.П. Социалингвистика в Испании. Зарубежная социалингвистика: Германия, Испания. М.: Наука, 1991, с. 73–151.
- Agranoff R. Inter-Governmental Politics and Policy: Building Federal Arrangements in Spain. *Regional Politics & Policy*, 1993, no. 27 (4), pp. 1–28.
- Aunión J.A. Wert quiere “españolizar” Cataluña. *El País*, October 10, 2012.
- Bartkus V.O. *The Dynamic of Secession*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999.
- Bastardas-Boada A. Language Management and Language Behavior Change: Policies and Social Persistence. *Catalan Review*, 1995, no. 9 (2), pp. 15–38.
- Bastida X. *La nación española y el nacionalismo constitucional*. Barcelona: Ariel, 1998.
- Benet J. Catalunya sota el regim franquista: informe sobre la persecució de la llengua i la cultura de Catalunya pel regim del General Franco. París: Edicions Catalanes de París, 1973.
- Bibiloni G. La política lingüística del Govern de José Ramón Bauzá. *Revista de Catalunya*, 2014, no. 288, pp. 85–96.
- Boix i Fuster E., Vila i Moreno F.X. *Sociolingüística de la llengua catalana*. Barcelona: Ariel, 1998.
- Boix-Fuster E., Melià J., Montoya B. Policies Promoting the Use of Catalan in Oral Communications and to Improve Attitudes towards the Language. *Democratic Policies for Language Revitalisation: The Case of Catalan*, ed. M. Strubell, E. Boix-Fuster. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011, pp. 150–181.
- Boix-Fuster E., Milian-Massana A. (red). *Aménagement linguistique dans les pays de langue catalane*. *Terminogramme* 2002, no. 103–104.
- Branchadell A. La moralitat de la política lingüística: un estudi comparat de la legitimitat liberaldemocràtica de les polítiques lingüístiques del Quebec i Catalunya. Barcelona: Institut d'Estudis Catalans, 2005.
- Branchadell A. Language Policy in the Independent State of Catalonia. *Letras*, 2011, no. 21 (42), pp. 73–86.
- Branchadell A., Melià J. Language Policy in the World of Business and Consumer Affairs: From Non-Existence to Ineffectiveness. *Democratic Policies for Language Revitalisation: The Case of Catalan*, ed. M. Strubell, E. Boix-Fuster. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011, pp. 201–223.
- Burg S. L. Identity, Grievances, and Popular Mobilization for Independence in Catalonia. *Nationalism and Ethnic Politics*, 2015, no. 21 (3), pp. 289–312. doi:10.1080/13537113.2015.1063912.

- Colomer J. M.* The Spanish 'State of autonomies': Non-institutional Federalism. *West European Politics*, 1998, no. 21 (4), pp. 40–52. doi:10.1080/01402389808425270.
- Colomer J.M.* The Venturous Bid for the Independence of Catalonia. *Nationalities Papers*, 24 May 2017, pp. 1–18. doi:10.1080/00905992.2017.1293628.
- Conversi D.* L'integrazione degli immigrati a Barcellona. *Studi Emigrazione/Etudes Migrations*, 1988, no. 25 (89), pp. 67–82.
- Conversi D.* Language or Race?: The Choice of Core Values in the Development of Catalan and Basque Nationalisms. *Ethnic and Racial Studies*, 1990, no. 13 (1), pp. 50–70. doi:10.1080/01419870.1990.9993661.
- Corretja Torrens M.* L'impacte de la revisió judicial i de la LOMCE en el model lingüístic de l'escola catalana: estat de la qüestió. *Revista de Llengua i Dret*, 2016, no. 65, pp. 76–89. doi:10.2436/20.8030.02.134.
- Council of Europe. Resolution ResCMN(2004)11 on the implementation of the Framework Convention for the Protection of National Minorities by Spain (adopted by the Committee of Ministers on 30 September 2004 at the 898th meeting of the Ministers' Deputies).
- Council of Europe. Resolution CM/ResCMN(2008)1 on the implementation of the Framework Convention for the Protection of National Minorities by Spain (adopted by the Committee of Ministers on

- 2 April 2008 at the 1023rd meeting of the Ministers' Deputies).
- Council of Europe. Resolution CM/ResCMN(2013)4 on the implementation of the Framework Convention for the Protection of National Minorities by Spain (adopted by the Committee of Ministers on 10 July 2013 at the 1176th meeting of the Ministers' Deputies).
- Council of Europe. Resolution CM/ResCMN(2016)10 on the implementation of the Framework Convention for the Protection of National Minorities by Spain (adopted by the Committee of Ministers on 6 July 2016 at the 1262nd meeting of the Ministers' Deputies).
- DiGiacomo S.M.* Language Ideological Debates in an Olympic City: Barcelona 1992–1996. *Language Ideological Debates*, ed. J. Blommaert. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 1999, pp. 105–142.
- Duane L.* Castilian Takes Backstage in the Balearic Islands: The Activation of Catalan Standardization Recursions in Facebook. *Journal of Linguistic Anthropology*, 2017, no. 27 (1), pp. 71–91. doi:10.1111/jola.12141.
- EULP13. Enquesta d'usos lingüístics de la població 2013. Barcelona: Generalitat de Catalunya, 2015.
- Eurobarometer 386. Europeans and Their Languages. European Commission, 2012.
- Ferrer i Gironès F.* La persecució política de la llengua catalana: història de les mesures preses contra el

- seu ús des de la Nova Planta fins avui. Barcelona: Edicions 62, 1985.
- Fishman J.A.* Reversing Language Shift: Theoretical and Empirical Foundations of Assistance to Threatened Languages. Clevedon; Philadelphia: Multilingual Matters, 1991.
- Gifreu J.* Language Policies in the Public Media and the Promotion of Catalan in the Private Media, Arts and Information Technologies. Democratic Policies for Language Revitalisation: The Case of Catalan, ed. M. Strubell, E. Boix-Fuster. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011, pp. 182–200.
- Grau Creus M.* A Step Backwards or a Step Forwards? The Politics and Policies of Decentralization under the Governments of the Partido Popular. South European Society and Politics, 2005, no. 10 (2): 263–279. doi:10.1080/13608740500134960.
- Guibernau M.* Secessionism in Catalonia: After Democracy. Ethnopolitics, 2013, no. 12 (4), pp. 368–393. doi:10.1080/17449057.2013.843245.
- Keating M., Wilson A.* Renegotiating the State of Autonomies: Statute Reform and Multi-Level Politics in Spain. West European Politics, 2009, no. 32 (3), pp. 536–558. doi:10.1080/01402380902779089.
- Kremnitz G.* Les tensions actuelles entre la Catalogne et l'Espagne. Lengas, 2016, no. 79. doi:10.4000/lengas.1040.
- Maluquer de Motes Bernet J.* Història econòmica de Catalunya: segles XIX i XX. Barcelona: Universitat Oberta de Catalunya, Proa, 1998.

- Marcet i Salom P.* Història de la llengua Catalana. 2: Els segles XIX i XX. 2. ed. Barcelona: Teide, 1991.
- Marcos Martín F.A.* Conceptos básicos de política lingüística para España. Madrid: FAES, 1995.
- Marí I.* La política lingüística de la Generalitat de Catalunya. Processos de normalització lingüística: l'extensió d'ús social i la normativització, ed. J. Martí. Barcelona: Columna, 1991, pp. 85–101.
- Melià Garí J.* La movilización social por la lengua y la educación en las Baleares. Revista de la Asociación de Sociología de la Educación, 2014, no. 7 (3), pp. 644–657. doi:10.7203/RASE.7.3.8747.
- Monrós E.* Les llengües a Catalunya. Les llengües a Catalunya, ed. C. Lleal. Barcelona: Octaedro, 2005, pp. 15–31.
- Monteagudo H.* Spanish and Other Languages of Spain in the Second Republic. A Political History of Spanish: The Making of a Language, ed. J. del Valle. Cambridge: Cambridge University Press, 2013, pp. 106–122.
- Moreno Cabrera J.C.* El nacionalismo lingüístico: una ideología destructiva. Barcelona: Península, 2008.
- Muñoz J.* Entre la reacció i la depressió: el nacionalisme espanyol en temps de la gran recessió. L'Espill, 2017, no. 46, pp. 91–99.
- Muro D.* Territorial Accommodation, Party Politics, and Statute Reform in Spain. South European Society and Politics, 2009, no. 14 (4), pp. 453–468. doi:10.1080/13608740903503845.
- Muro D.* When Do Countries Recentralize? Ideology and Party Politics in the Age of Austerity. Nation-

- alism and Ethnic Politics, 2015, no. 21 (1), pp. 24–43. doi:10.1080/13537113.2015.1003485.
- Muro D., Quiroga A.* Spanish Nationalism: Ethnic or Civic? *Ethnicities*, 2005, no. 5 (1), pp. 9–29. doi:10.1177/1468796805049922.
- Núñez X.-M.* What Is Spanish Nationalism Today? From Legitimacy Crisis to Unfulfilled Renovation (1975–2000). *Ethnic and Racial Studies*, 2001, no. 24 (5), pp. 719–752.
- Núñez Seixas X.M.* Sul nazionalismo spagnolo e la questione linguistica (1900-1975). *Nazioni e Regioni. Studi e ricerche sulla comunità immaginata*, 2013, no. 1, pp. 35–57.
- Pericay X.* (red). ¿Libertad o coacción? Políticas lingüísticas y nacionalismos en España. Madrid: FAES, 2007.
- PpL.* No tenemos el examen en valenciano; o lo haces en castellano, o te vas. 22 nous casos de discriminació lingüística greu patits per ciutadans catalanoparlants durant l'any 2016 a mans de les administracions públiques de l'Estat espanyol. Barcelona: Plataforma per la llengua, 2017.
- Ramallo F.* As linguas minorizadas no Estado español (paper presented at the 82nd PEN International Congress, Ourense, September, 2016). doi:10.13140/RG.2.2.17106.56000.
- Sendra M., Vila F.X.* L'estatus de les llengües a la República Catalana: una breu anàlisi del desenvolupament del debat. *Els Marges: revista de llengua i literatura*, 2016, no. 108, pp. 33–50.

- Serrano I.* Just a Matter of Identity? Support for Independence in Catalonia. *Regional & Federal Studies*, 2013, no. 23 (5), pp. 523–45. doi:10.1080/13597566.2013.775945.
- Smolicz J.* Core Values and Cultural Identity. *Ethnic and Racial Studies*, 1981, no. 4 (1), pp. 75–90. doi:10.1080/01419870.1981.9993325.
- Strubell i Trueta M.* *Llengua i població a Catalunya*. Barcelona: La Magrana, 1981.
- Strubell M., Boix-Fuster E.* (ed). *Democratic Policies for Language Revitalisation: The Case of Catalan*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011.
- Tasa Fuster V., Bodoque Arribas A.* Anglès contra valencià. La introducció del multilingüisme en el sistema lingüístic educatiu valencià. *Revista de Llengua i Dret*, 2017, no. 67, pp. 129–144. doi:10.2436/rld.i67.2017.2841.
- Valle J. del.* *Lenguas imaginadas: Menéndez Pidal, la lingüística hispánica y la configuración del estándar*. *Bulletin of Hispanic Studies*, 1999, no. 76 (2), pp. 215–233.
- Vernet J.* La regulación del plurilingüismo en la administración española. ¿Un estado, una lengua? *La organización política de la diversidad lingüística*, ed. A. Bastardas, E. Boix Fuster. Barcelona: Octaedro, 1994, pp. 115–139.
- Woolard K.A.* *Double Talk: Bilingualism and the Politics of Ethnicity in Catalonia*. Stanford: Stanford University Press, 1989.

Xarxa CRUSCAT. VIII Informe sobre la situació de la llengua catalana (2014). Barcelona: Òmnium Cultural, Plataforma per la Llengua, 2015.

Xarxa CRUSCAT. IX Informe sobre la situació de la llengua catalana (2015). Barcelona: Òmnium Cultural, Plataforma per la Llengua, 2016.

KORMÁKS & SKJALDAR

SPJÁTRUNGUR = DANDY
VELKOMIN = WELCOME
GALLABUXUR = JEANS
ARMBAND = BRACELET
FYLGIHLUTIR = ACCESSORIES
HÁLSBINDI = NECKTIE
REGNHLÍF = UMBRELLA
SJÓMAÐUR = FISHERMAN
LANGFERÐABIFREIÐ = BUS
FALLEGT = BEAUTIFUL
ERMAHNAPPAR = CUFFLINKS
HÖNNUN = DESIGN
@KORMAKUROGSKJOLDUR

Ирина Кучерова

«ШКОЛА ПАМЯТИ ДЛЯ ЛЮДЕЙ»:

*государственная политика сохранения
исландского языка**

История

Заселение Исландии произошло в IX в. После объединения Норвегии под властью короля Харальда I семьи, вступившие с ним в конфликт, были вынуждены бежать в поисках нового места жительства. Выходцы из Норвегии (а также из соседних стран), заселившие остров, в основном говорили на т.н. датском (*dönska*), который и стал языком Исландии. Исландский язык принадлежит к скандинавской группе германской ветви индоевропейской семьи. Позднее, когда произошло постепенное расхождение скандинавских языков, характерной особенностью исландского стало незначительное изменение лексики и грамматики, а также (в отличие от стран континентальной

Скандинавии) сравнительная гомогенность: минимальная диалектальная вариативность, несмотря на низкую плотность и «разбросанность» населения. Кендра Уилсон в своей рецензии на книгу Стивена Леонарда *Icelandic: Language, Identity and Change* (Wilson 2013) подытоживает причины формирования единого исландского языка. В их числе Леонард, а вслед за ним и Уилсон выделяют: хуторское расселение; низкий возраст совершеннолетия (12 лет), что препятствовало созданию «молодежных» сообществ, характеризующихся активным словотворчеством; важность фиксированных законов, выступающих в качестве квинтэссенции исландской идентичности; роль поэзии и прозаических произведений и, наконец, (как добавляет Уилсон) высокая грамотность населения и активная циркуляция в обществе письменных текстов.

Несмотря на то что с 1397 г. остров находился под властью Дании (а до этого, с 1264 г. – под властью Норвегии), на исландский язык не оказывалось значительного влияния вплоть до XVII–XVIII вв., когда усиление административного давления привело к введению датского языка в официальную сферу и в сферу коммерции. Новые идеи и технологии, попадая в Исландию через Данию, также способствовали заимствованию соответствующей лексики (*Hannesdóttir* 2004; цит. по: *Friðriksson* 2008). Последствия не замедлили сказаться: исландский язык стал восприниматься как «непрестижный» в сравнении с датским; произошла «данизация» Рейкьявика, где располагался административный центр, и торговых пунктов на побережье.

Новое время и возникновение романтизма возродили интерес к подвигам предков, культуре эпохи викингов и средневековой литературе. В 1607 г. ученый Арнгримур Йоунссон публикует на латыни свою работу *Crimogæa*, в которой описывает Исландию и ее жителей. В ней впервые говорится о преемственности языка эпохи викингов и исландского; Арнгримур оценивает последний как «наиболее чистый». Ярким представителем новой эпохи становится Эггерт Оулафссон (1726–1768), исландский поэт, писатель и натуралист. После своих поездок по Исландии в 1752 и 1757 гг. (в своем дневнике Эггерт отмечает, что на побережье язык сильно загрязнен датскими и немецкими словами, более-менее чистый вариант можно услышать лишь во внутренних областях страны) он публикует поэму «Недуг и кончина исландского языка» (*Sótt og dauði íslenskunnar*), в которой язык изображен в виде женщины, охваченной смертельным недугом – зараженной иностранными заимствованиями. Женщина посылает своих детей на поиски чистого языка, который мог бы ее спасти. Но все усилия тщетны: несчастная умирает. В конце поэмы Эггерт призывает своих соотечественников беречь язык, который не только был сохранен их предками, но и пользуется уважением за рубежом. Именно Эггерт предпринимает попытку создать первую грамматику исландского языка, он также организовывает «Тайное общество исландского языка».

К началу XIX в. ситуация только ухудшается: в 1813 г. датский лингвист Расмус Раск (1787–1832) пишет своему другу:

Иначе я думаю, что исландский скоро исчезнет. Полагаю, что лишь единицы будут понимать его в Рейкьявике через сто лет, а в других областях страны – через двести лет, если всё будет идти так же, и [языку] не будет оказана мощная поддержка; ведь у лучших людей [здесь] каждое второе слово – на датском, в то время как у крестьян он [исландский язык], вероятно, останется дольше всего (*Hjelmslev* 1941: 164, цит. по: *Hastrup* 1998: 85).

Именно Раск сыграл значительную роль в формировании литературного исландского языка: им была создана первая грамматика (еще до приезда в Исландию), под его руководством проведена орфографическая реформа. При этом Раск считал древний и современный исландский одним языком. Вероятно, ученый впоследствии обнаружил существующие расхождения, но принял решение не модернизировать грамматику – как потому, что считал «исходный» вариант более правильным и неиспорченным, так и для того, чтобы сохранить интерес зарубежных интеллектуалов к Исландии при тогдашней моде на «древность». Орфографическая реформа приводила написание слов в соответствие с орфографией манускриптов, что способствовало определенной архаизации исландского и его приближению к языку эпохи саг. Все это обусловило

укрепление представления о непрерывности и неизменчивости исландской языковой нормы.

Характерная особенность исландской культуры XIX в. – один из наиболее высоких в Европе уровень грамотности при сравнительно неразвитой системе образования. Следует отметить несколько факторов, способствовавших такой ситуации. В первую очередь это влияние церкви: в 1790 г. был издан Королевский указ, согласно которому все confirмуемые должны были уметь читать. Т.к. с 1793 г. конфирмация стала обязательной, приходские священники обучали детей грамоте. В 1879 г. Альтингом был принят закон об обязательном обучении детей письму и счету, что несомненно способствовало повышению грамотности населения. Однако поддержание языка и создание огромного количества письменного материала произошло за счет формирования «низовой» культуры «босоногих историков», по выражению Сигурда Гильви Магнуссона и Давида Оулаффсона (*Magússon* 2010: 169). Это были обычные люди: фермеры, наемные работники или мастера, взявшие на себя функции своего рода ученых, историков, журналистов и не только. Они выкраивали свободное время для того, чтобы переписывать саги и поэзию, записывать собственные тексты, отмечать происходящие события, вести дневники и издавать рукописные газеты. Зачастую люди организовывали своего рода неформальные сообщества, обмениваясь письмами, пересылая друг другу книги и манускрипты (*Ibid.*: 170). Сигурд Гильви полагает, что это было в том

числе и способом облегчить монотонную и тяжелую жизнь крестьянина:

Чтение и образование давали возможность справиться с эмоциональным стрессом, бывшим частью повседневной жизни, и являлись важным инструментом умственного и духовного выживания для многих людей. Деятельность этих бедных фермеров, работников и ученых-дилетантов, вероятно, сыграла значительную роль в том, что исландское крестьянство гордилось своими способностями к чтению и письму; многие из них оказались способны к созданию текстов, которые могли бы выдержать самый пристрастный экзамен... [текстов] как личного характера, так и публичных. Все это было частью крестьянского механизма выживания (*Ibid.*).

XIX в. становится началом борьбы Исландии за независимость. Четыре студента-романтика в Копенгагене начинают издавать журнал *Fjölnir* (1835–1839, 1843–1847), в котором публикуют статьи с целью «пробуждения нации». В их текстах утверждается связь нации и языка, ценность средневековой истории и литературы Исландии; именно им принадлежит идея создавать новые исландские слова, что позволило бы осовременить язык и расширить сферу его использования. В качестве ресурса для сохранения и развития языка рассматривается исландский эпохи саг – идеальный прообраз, к которому необходимо вернуться. Одного из «фьёлнирцев» – Йоунаса Хадльгримссона, поэта и ученого, соотечественники впоследствии назовут «народным поэтом» (*þjóðskáld*). С 1995 г. 16 ноября, в

день рождения Йоунаса Хадльгримссона, в стране празднуется День исландского языка.

Во второй половине XIX в. усиливается интерес исландцев к литературному и фольклорному наследию. Йоун Ауртнасон в 1852 (*Íslensk ævintýri*) и 1862–1864 гг. (*Íslenskar þjóðsögur og ævintýri*) публикует собранный им благодаря многочисленным добровольным помощникам фольклор, записанный непосредственно со слов информантов, в том числе и самозаписи. Исследователи отмечают, что для публикации Йоун исправлял язык, приводя грамматику к литературной норме и заменяя заимствования исландскими синонимами (*Thórarinsdóttir* 1999: 181). В 1891–1892 гг. выходит новое недорогое издание саг, которое становится достаточно популярным.

В 1840-е годы Йоун Сигурдссон (1811–1879) впервые связывает романтический национализм с политикой, стремясь обосновать движение за независимость, неотъемлемой частью которого постепенно становится борьба за расширение влияния исландского языка, возврат его в официальную сферу. Характерно, что эта тема объединила все политические течения – от консерваторов до либералов: сохранение и развитие языка считалось необходимым условием свободы, пусть и понимаемой по-разному (*Thórarinsdóttir* 1999). Так, в 1918 г. исландская делегация, встречавшая датских чиновников, настаивала на предоставлении стране суверенитета, основываясь на

«самостоятельной культуре» и «самостоятельном языке», который исландцы, единственные из всех германских народов, сохранили (*Friðriksson* 2008: 66). Первый результат был достигнут в 1918 г., когда Исландия стала суверенным королевством в Унии с Данией, а исландский язык стал вторым официальным языком. И только 17 июня 1944 г. – в день рождения Йоуна Сигурдссона – была провозглашена полная независимость Исландии.

В 1964 г. из представителей различных организаций был создан Комитет по исландскому языку (*Íslensk málnefnd*), который должен был определять политику развития языка и наблюдать за его состоянием. И только в 2011 г. Альтинг специальным актом наконец закрепил за исландским языком статус «национального языка исландцев и официального языка Исландии» (Акт №61/2011: 1). Акт содержит пункт, согласно которому «центральное и местное правительство несут ответственность за сохранение и развитие исландского языка, а также его использование». В 2011 г. Рейкьявик стал Городом литературы ЮНЕСКО. Литература тесно вплетена в городское пространство: от улиц, названных в честь героев исландских саг, до многочисленных памятников писателям и поэтам и разбросанных по всему Рейкьявику памятных табличек на английском и исландском языках.

Рис.1. Плакат с официальными исландскими именами на окне Центра социального страхования Исландии (*Tryggingastofnun*)

Пуризм

Основой конструируемой исландской нации стали история и литература (см., напр., *Byock* 1994). Саги и средневековая поэзия воспринимались как опора идентичности, язык саг – как образец «чистейшего» литературного исландского (который в то же время парадоксальным образом мог быть воспринят и как разговорный, в зависимости от того, какой теории – «книжной» или «свободной» прозы – придерживался говорящий, а также учитывая представления об историчности саг). Эпоха народовластия превратилась в националистическом дискурсе в золотой век Исландии – время, когда исландцы были свободны, равны и независимы, пользовались уважением при дворах правителей соседних стран, создавали уникальную литературу и говорили на отточенном и элегантном языке. Саги стали и важным властным ресурсом, за который разгорелась борьба: как с Данией за возврат манускриптов (*Hálfdanarson* 2011), так и внутри Исландии – за право издавать средневековые тексты и за принципы их издания (*Helgason* 1999).

Правительство страны проводит политику языкового пуризма, и не последнюю роль в ней играют ценность исландского как языка истории и саг:

Исландский – наш родной язык, отличительная черта нашей нации, и нет смысла объяснять, какую значимость он имеет для наших людей. Но нужно помнить, что особая ценность исландского по сравнению с другими языками в значительной степени

закljučается в том, что он почти не изменился за более чем тысячу лет ... это довольно важно, что язык столь прозрачен, что является своего рода школой памяти для людей, в то время как многие слова в современных языках больше похожи на затертые монеты – люди знают их ценность, но и не думают сравнивать их с другими словами <...> И нет сомнений в том, что по этой причине (в других отношениях они равны) исландский предоставляет больше возможностей для мастерства писателя, чем другие языки (Nordal 1931: 435).

Похожую точку зрения высказывает и Йормундур Инги, бывший верховный годи (жрец) неоязыческого движения асатру: «Природа языка такова, что она передает время, то есть в языке, на котором мы говорим сегодня, скрыты старинные связи и значения» (Jörmundur 1999). Такой «лингвистический» дискурс, характерный для большинства неоязыческих движений, в Исландии так же приобретает националистический оттенок (см., например, о роли языка в восприятии «своего» и «чужого»: Skaptadóttir, Loftsdóttir 2009: 208).

Нужно отметить, что идеология пуризма относится не только к языковой политике: важной частью репрезентации Исландии, в том числе и на международной арене, становится идея чистоты. Магнус Эйнарссон в своей статье, посвященной туризму, пишет: «Исландцам нравится представлять романтический образ [своей страны], подчеркивая идею чистоты во всех сферах: экологической, исторической, лингвистической, культурной и

кулинарной (незагрязненная вода и продукты)» (Einarsson 1996: 228). Многие исследователи (см., напр., Pálsson 1995; Þórarinsdóttir 1999) отмечают, что пуризм в Исландии тесно слился с националистической идеологией, временами переходя в шовинизм и даже расизм: чистота языка, чистота природы оборачиваются боязнью «загрязнений», в т.ч. лингвистических, культурных и расовых (отказ принять бежавших из Германии евреев, отказ принимать чернокожих американцев на базе США и т.п.); вдобавок начиная с 1996 г. идею чистоты укрепляли вызвавшие изрядную критику генетические исследования компании DeCode. Связь языка и природы подчеркивается и в представлении об «экологичности» исландского: как гласит брошюра *Icelandic: At Once Ancient and Modern*, «заимствуя образ охраны окружающей среды, можно говорить о переработке словаря и его вторичном использовании!» (Icelandic 2001: 9).

Политика языкового пуризма поддерживается исландцами и в качестве основного направления языкового планирования (*málrækt* – «культивация языка»¹). Большая часть иностранных слов, укрепившихся в языке к XIX в. (например, лексика, связанная с церковью и образованием), осталась. Однако появления новых заимствований было решено избегать. С этой целью стали вводиться неологизмы (в т.ч. фонетико-семантические аналоги): основанные на переосмысленных устаревших словах (*sími* – телефон, букв. «нить»); являющиеся переводом соответствующих «интернациональных» терминов (*rafmagn* –

электричество, букв. «сила янтаря»); творчески созданные в виде сложных слов (*ljósaþera* – лампочка, букв. «световая груша»). Хотя сложные слова в принципе характерны для целого ряда германских языков, в случае с исландским возможно предположить и влияние стилистики средневековой скальдической поэзии с ее сложными метафорами-кенningами, используемыми для обозначения ключевых понятий. В создании неологизмов активно участвуют жители страны, предлагая Комитету по исландскому языку различные варианты. Именно вовлеченность значительного процента населения в процесс создания и поддержания письменной культуры – и, соответственно, языка – позволила проводить государственную языковую политику не только «сверху», но и при активном «низовом» участии.

В период расцвета пуризма язык становится зеркалом страны и зеркалом человека. Хадльфридюр Тоураринсдоухтир пишет: «... можно заключить, что политика пуризма проникла на все уровни публичного дискурса в стране. Любая публичная репрезентация социальной реальности должна быть представлена в терминах пуризма или она вообще не будет услышана» (*Thórarinn Þóttir* 1999: 322). В то же время язык воспринимался как нечто отдельное от носителей: происходящие в нем изменения рассматривались «как результат внутренней динамики языка, а не как следствие воздействия социальных или “экстралингвистических” факторов» (*Pálsson* 1995: 124). В продолжение темы Эггерта Оулафссона о недуге языка нестандартные варианты исландского

(произношение, лексика, грамматика) воспринимаются как болезнь, загрязнение или порок. Язык связывается с мышлением: неграмотная речь становится символом умственной или нравственной неполноценности.

О том, что нелитературный язык воспринимается как недуг, свидетельствует и лексика, связанная с «отклонениями от нормы», будь то: а) *flámæli* (фламайли, другое название *bljóðvilla* – звуковая ошибка), диалектальные различия в произношении – «речь с расслабленной челюстью», замена гласных; б) *línmæli* (линмайли – «ленивая речь», противопоставляемая *harðmæli* – «твердой речи»), при которой глухие согласные произносятся без аспирации; в) *rágufallssýki* – «болезнь дательного падежа» (наиболее распространенная проблема), когда в безличных конструкциях он заменяет аккузатив или номинатив; г) *er-að-æði* – «er-að сумасшествие» (излишнее употребление конструкции «er að» в первом лице, обозначающей намерение); д) заимствования из других языков (для обозначения которых употребляется слово *slettur* – букв. «пятна»; существует также глагол *sletta*, который (помимо значений «брызгать», «шлепать, ударять чем-то мокрым», «чинить, латать») означает «употреблять иностранные слова» – Берков, Бёдварссон 1962). С фламайли долго и целенаправленно боролись на государственном уровне – от СМИ до системы образования. Несмотря на отрицание существования в языке значительных социальных различий² (долгое время лингвистами признавалась только географическая вариативность;

см.: *Pálsson* 1995: 125–126), фламайли все же подспудно ассоциировался с необразованностью и глупостью; именно этот тип произношения использовался в переводах с английского для обозначения речи социальных низов и субнормативных вариантов, например, «черного английского». Таким образом, миф о едином языке нужен для поддержки мифа о едином обществе, а социальные различия маскируются грамматическими (*Pálsson* 1995).

В итоге нормативный вариант одержал победу – сейчас фламайли встречается только у некоторых представителей старшего поколения. Однако «болезнь дательного падежа» оказалась гораздо более стойкой. По словам Гистли, политика пуризма отрывает языковую норму от жизни, как происходит в случае с «болезнью дательного падежа», которая становится все более распространенной, явно представляет собой языковую тенденцию и ведет к увеличению разрыва между разговорной и письменной речью (*Ibid.*).

Метафору исландского как больной женщины использовал в своей речи на совещании по компьютерной лингвистике в 2014 г. и Йоун Гнарр, бывший в то время мэром Рейкьявика, переиначив ее, однако, на свой лад. В отличие от героини стихотворения Эггерта, больная внешне здорова и не желает осознавать, что умирает; спасти же ее может лишь более изощренная языковая политика: отказ от изучения датского в школах в пользу уроков философии на исландском, нацеленные на молодежь программы на радио и телевидении и более терпимое отношение к заимствованиям (*Gnarr* 2014). «Вполне

возможно, что через сто лет исландский станет для исландцев тем же, что гэльский для шотландцев. Я часто размышляю о том, какой язык я сам буду использовать в ближайшие годы. Я боюсь, что мы могли уже упустить шанс спасти исландский язык. И иногда мне кажется, что не стоит биться за то, что уже потеряно», – сказал Йоун Гнарр (*Ibid.*).

Язык нуждается «в постоянном уходе и заботе»

Сегодня вопросами языковой политики занимаются: 1) Комитет по исландскому языку (*Íslensk málnefnd*), в функции которого входит обязательное консультирование по всем проектам законов о языке, а также консультирование различных институтов и отдельных лиц по вопросам использования исландского языка. Комитет принимает решения об именах и топонимах, поддерживает связи со СМИ и образовательными учреждениями (*Thórarinsdóttir* 1999); 2) Институт исландистики им. Ауруни Магнуссона (*Stofnun Árna Magnússonar í íslenskum fræðum*), занимающийся изучением исландского языка и литературы; 3) Специальные комитеты по терминам, задача которых – создавать новые слова (а иногда и целые пласты лексики) в различных сферах деятельности. Старейший – Терминологический комитет Инженерного общества – был создан в 1919 г. и существует до сих пор.

Первая кампания по «культивации языка» (*Mál-rækt* '89) началась в 1989 г. (*Thórarinsdóttir* 1999: 313). Программа кампании подчеркивала необходимость

сохранения языка для развития демократического общества в стране, содержала обоснование его важности не только для поддержания целостности нации, но и для развития каждого индивида. В ней отмечалось:

... язык – культурное наследие, за передачу которого следующим поколениям он [носитель] несет ответственность. Для него важно, чтобы это наследие, пока он о нем заботится, процветало, чтобы оно не уменьшилось по сравнению с тем, каким он получил его. Он знает, что культурное наследие – самое важное из всего того, что делает его исландцем, выросшим в исландской культуре и с исландским мышлением. Во-вторых, он знает, что язык является посредником и средством коммуникации <...> Таким образом, он будет способен влиять на свое окружение и стать активным участником демократического общества. В-третьих, он знает, что язык позволяет ему структурировать свои мысли... чем лучше он развивает свой язык, тем лучше он сможет пользоваться им для выражения собственных мыслей и тем лучше он способен реализовать свой интеллектуальный потенциал. Таким образом, язык связывает человека с ним самим, его окружением и его народом. Язык играет столь важную роль в жизни нации и индивидов, что было бы актом величайшего вандализма отторгнуть его, например, забыв о его роли или о том, что он похож на растение, нуждающееся в постоянном уходе и заботе (Málrækt'89 1989:11. Цит. по: *Thórarinsdóttir* 1999: 314)³.

После начала реализации программы Málrækt'89 две компании, занимающиеся производством пластиковых контейнеров и упаковочных материалов,

обратились в Комитет по исландскому языку за разрешением о размещении на своей продукции фраз в поддержку исландского языка, объяснив это многочисленными обращениями покупателей (*Thórarinsdóttir* 1999: 314).

В 1994 г. компания *Mjólkursamsalan* (единственный официальный поставщик молочной продукции в Рейкьявике) в рамках сотрудничества с Комитетом по исландскому языку начала выпуск упаковок-тетрапаков, на которых размещались правильные спряжения и склонения некоторых слов, объяснения распространенных грамматических и стилистических ошибок. Нужно отметить, что эта кампания не раз подвергалась критике как неэффективная и отвлекающая от более важных языковых проблем. Тем не менее начиная с 1996 г. *Mjólkursamsalan* запускает постоянный проект *Íslenska er okkar mál* («Исландский – наш язык»); на сайте фирмы языку посвящен специальный раздел – в том числе с голосованием по поводу неологизмов (как исландских, так и заимствований), которые могли бы появиться на упаковках (*Nýyrðasamkeppnin*). Там же под характерным заголовком *Land, þjóð og tunga* («Земля, народ и язык») желающим предлагается получить три плаката с портретами Йоуна Сигурдссона (плакат 1992 г., на котором изображение писателя составлено из фотографий исландцев), Халлдора Лакснесса (плакат 2002 г., изображение, созданное из цитат, взятых из исландских литературных произведений) и Йоунаса Хадльгримссона (интерактивный плакат из фотографий исландской

природы, каждая из которых привязана к определенной местности Исландии и сопровождается стихотворением [Jónas Hallgrímsson]) – вместе они призваны олицетворять «истинную троицу исландской культуры: землю, народ и язык» (*Land, þjóð og tunga*). Эссенциалистская «троица» в духе Гердера, таким образом, получает непосредственное визуальное (и почти религиозное) воплощение в борце за независимость (народ), писателе-лауреате Нобелевской премии (язык) и романтическом поэте и натуралисте (земля/страна).

Триединый образ исландской культуры отсылает нас к знаменитому стихотворению Снорри Хьяртасна, опубликованному в 1949 г., первая строфа которого звучит следующим образом:

*Land, þjóð og tunga, þrenning sönn og ein,
þér var ég gefinn barn á móðurkné;
ég lék hjá þér við læk og blóm og stein,
þú leiðdir mig í orðs þíns háu vé.*

(«Земля [или страна], народ и язык, единственная и истинная троица, / данная мне, [когда я был] ребенком на материнских коленях; / я играл у твоего ручья и цветка, и камня, / ты ввела меня в высокое святилище твоих слов»). Стихотворение цитировалось многими политиками Исландии; не избежал этого и писатель Андри Снайр Магнасон, баллотировавшийся в президенты в 2016 г., – однако он приравнивает троицу к «природе, демократии и культуре» (Magnason 2016), что наглядно показывает сдвиг в самовосприятии исландцев.

В отличие от большинства скандинавских стран, где диалектальные различия в публичной сфере являются вполне допустимыми, Исландия поставила своей задачей унифицировать языковую норму. Помимо школьного образования, которое является основным способом воздействия на язык, еще одним каналом «возделывания» стали СМИ: до середины 1990-х годов на государственных теле- и радиоканалах⁴ регулярно шли передачи, посвященные искоренению языковых ошибок, в газетах вели «языковые» колонки лингвисты (передачи и колонки сохранились и сейчас, но их стало меньше). Постоянная фиксация на ошибках, вероятно, приводит к комплексу неполноценности. Так, Кирстен Хаструп, описывая свой полевой опыт, рассказывает о подобных ситуациях: парадоксальным образом носители начинают считать исландский сложным языком, а свою речь «неправильной», и стесняются говорить с исследовательницей-иностранкой. Городские интеллектуалы считают, что «настоящий исландский» сохранился только в деревне, жители же рыбацкого поселка – что на нем говорят лишь образованные горожане (Hastrup 1998).

Хадльфридюр Тоураринсдоухтир пишет о страхе, характерном «не только для писателей, им заражены умы всех, кто говорит по-исландски. Этот страх проявляется в постоянной самоцензуре и гиперкоррекции в лучшем случае и в немоте – в худшем» (Þórarinsdóttir 1999: 168). В публичной речи это может приводить и к своеобразным двойным стандартам. Так, Хадльфридюр, рассказывая о своей

работе на исландском радио в 1995–1996 гг., приводит примеры цензуры и самоцензуры: если в неофициальной обстановке ведущие всегда использовали иностранные заимствования для обозначения, например, микрофона, то в эфире звучали исключительно исландские синонимы; большинство дикторов корректировали себя добровольно, но проскользнувшее заимствование могло привести и к выговору со стороны консультанта по исландскому языку (*Thórarinsdóttir* 1999: 295).

Тем не менее, несмотря на довольно жесткую политику, каких-либо выраженных противоречий между официальным дискурсом и мнением широкой публики не было. Финнур Фридриксон объясняет их отсутствие следующим образом:

Что касается причин того, что исландская языковая политика так хорошо принимается широкой публикой, то для лучшего понимания стоит заглянуть в прошлое. <...> Язык широкой публики по большей части был моделью, на основе которой формировался языковой стандарт, ставший одним из аспектов, на котором основывалась борьба за независимость. Таким образом, среднему исландцу не пришлось существенно изменять свое языковое поведение, чтобы считаться говорящим на «правильном» исландском, который был в основе определения исландцев как независимой нации. ...население вряд ли воспринимало [языковой] стандарт как спущенный сверху, поскольку он в значительной степени совпадал с их разговорным языком. Шаг от так называемого золотого века, языковые стандарты которого считались более высокими, был, иначе говоря, небольшим, поскольку этот золотой век языка в общем

и целом сохранялся среди широкой публики. <...> Это означало, что существовало лишь несколько вариаций [языка], которые конкурировали со стандартом; скорее конкуренция воспринималась как идущая из-за рубежа, вначале от датского языка, позднее – от английского (*Friðriksson* 2008: 341).

К этому можно добавить, что до недавнего времени исландское сообщество, по выражению Хаструп, не только воображалось, но и чувствовалось (*Hastrup* 1998: 195): при небольшом и сравнительно однородном населении страны, тесных родственных связях и плотных социальных сетях дистанция между «официальным» и «неофициальным», «экспертами», «политиками» и «широкой публикой» значительно короче.

Однако к середине 2000-х годов политика языкового пуризма начинает идти на спад. Поддержанию чистоты языка уделяется уже не такое большое внимание; общественное мнение становится более терпимым к заимствованиям и англицизмам. Возникает и начинает активно озвучиваться другая точка зрения: язык представляет собой нечто живое, самостоятельно развивающееся; жесткие правила сковывают и ослабляют его. В настоящее время отношение СМИ к англоязычным терминам значительно смягчилось, что связано как с увеличением доли «неформальной» речи, так и с тем, что значительная часть эфира исландского телевидения и радио занята передачами на иностранном языке – прежде всего, английском.

Одним из следствий глобализации стало повышение роли английского языка. Это особенно заметно в небольшой стране, которой является Исландия и которая неспособна создавать сопоставимый с англоязычным поток информации на родном языке.

Впервые английский язык зазвучал в Исландии в 1944 г. В Кеплавике создается военная база США, вслед за этим на радио и телевидении появляются передачи для военнослужащих. Конечно, на повседневной жизни основной массы жителей страны такое «внедрение» отражалось слабо. Однако с середины 1990-х годов, с появлением интернета, спутникового телевидения и началом массового туризма английский язык становится незаменимым практически во всех сферах жизни. В середине 2000-х годов, в период экономического бума, некоторые финансовые компании Исландии пытались полностью перейти на английский язык (ПМА 2015: В.). Появились статьи с подсчетами, какую сумму ежегодно теряет страна, говоря на малораспространенном исландском вместо английского. Так, в одном из текстов (см.: *Hvað kostar* 2005) в подробный список были включены затраты на обучение иностранному языку, переводы книг, фильмов, научной и технической литературы и т.п. – на общую сумму более 17 млрд крон. Отмечая ценность культурного наследия, не поддающегося оценке в денежном эквиваленте, автор, предлагая свои расчеты, тем не менее подчеркивает, что помимо

наглядной демонстрации финансовых убытков, «в то же время это дает представление о том, насколько высоко нация ценит свой язык и культуру»).

После кризиса 2008–2009 гг. эта тенденция пошла на спад, однако резко увеличился объем английского языка в сфере науки и образования. Учебные заведения стараются привлечь как можно больше студентов, а исследователи стремятся ознакомить со своими работами мировое сообщество, поэтому на английском языке предлагается все больше курсов в Университете Исландии, защищаются дипломы и диссертации, публикуются научные работы (см., напр., статистику по курсам и диссертациям: *Hilmarsson-Dunn, Kristinsson* 2010: 262–267). У такого подхода, впрочем, есть и свои минусы: «родная» лексика в соответствующих дисциплинах начинает отмирать, а иностранные студенты и специалисты уже не считают нужным осваивать исландский язык, даже когда приезжают на длительный срок.

Начинается эта скучная глобализация университета. Я вам говорю, что я вижу в этом мало симпатичного. Вот исландские студенты учились кто в Дании, кто во Франции, кто в Англии, некоторые даже в России... Мы, конечно, проходили там все предметы на языке страны. Теперь они сидят в этих городах – кто в Петербурге, кто в Стокгольме, кто в Берлине – и все происходит на каком-то довольно плоском английском языке. *Academenglish* это называется. И люди, может быть, знают немецкий или французский, или русский только достаточно для того, чтобы пойти в ресторан или в магазин. И они уже не знают те народы или тот мир, в котором они живут. Они просто издалека, как

гости. Они не становятся частью этого мира (ПМА 2015: В.).

Сегодня английским владеет практически все население страны, если не считать дошкольников и части пожилых людей. Изначально этому способствовало и то, что фильмы на английском языке (за исключением детских) на исландском телевидении не дублировались, использовались субтитры. Складывается парадоксальная ситуация: исландский воспринимается самими носителями как очень сложный язык, на котором трудно говорить правильно, в то же время считается, что английский выучить очень легко («как эсперанто»); «двуязычность» исландцев становится своего рода национальным мифом (см. напр., иронию по этому поводу: *Jakobsson* 2006; автор пишет о том, что умение объясниться на иностранном языке еще не означает двуязычия и что этим представлением исландцы обязаны вежливости американцев и англичан).

Уровень владения английским самими жителями страны часто переоценивается. Одна из моих иностранных собеседниц, много лет живущая в Исландии, выразилась по этому поводу так: «Исландцы почему-то считают, что все они хорошо говорят по-английски. Но это далеко не так» (ПМА 2015: Е.). Тем не менее полученных знаний обычно хватает для базового общения, что особенно актуально в связи с туристическим бумом. Ориентация на приезжих приводит к тому, что во многих центральных кафе, гостиницах, компаниях

по аренде машин обслуживающий персонал в принципе не говорит по-исландски, на эти должности берут владеющих английским языком иностранцев.

Когда я захожу в кофейню или в магазин, люди, которые там работают, всегда обращаются ко мне по-английски. Несмотря на то, что они исландцы. И это либо потому, что я очень похож на иностранца – но это не так, – либо потому, что большинство их клиентов говорит по-английски, поэтому они всегда говорят по-английски... Не знаю (ПМА 2015: Р.).

На туристов ориентирован и рынок аренды жилья – в связи с огромным спросом многие исландцы сдают комнаты или дома через *Airbnb* – разумеется, общение в «домашних» условиях также происходит на английском. В центре Рейкьявика временами трудно услышать исландскую речь. Английский завоевывает и визуальное пространство: от рассчитанных на туристов вывесок и рекламы до более специфических моментов. Так, в конце 2013 г., несмотря на возражения Комитета по исландскому языку, власти вынуждены были отказаться от дорожных знаков на исландском в пользу английского из-за многочисленных случаев с иностранными туристами, когда потерявшихся людей приходилось разыскивать спасателям и полиции (двуязычные знаки оказались неприемлемы по техническим соображениям; позднее планировалось закупить новое оборудование, которое позволило бы дублировать текст на обоих языках) (*Stefnir* 2013).

Другой серьезной проблемой остается недостаточный уровень владения исландским иммигрантами, составляющими 8,9% населения страны на 2017 г. (Background 2017). Нежелание оставаться в Исландии на долгое время, возможность общаться на английском или на собственном языке, как, например, в случае строительных бригад поляков, ограниченность возможностей – финансовых или временных – для изучения языка, недостаточно квалифицированные преподаватели, наконец – нежелание вкладываться в изучение языка, на котором говорит количество людей, эквивалентное населению небольшого европейского города, приводят к тому, что выходцы из других стран могут жить в Исландии годами, но так и не начать говорить на исландском. Зайн Бриковска, проект-менеджер по мультикультурности города Акурейри, в своем интервью газете *Vísir* настаивает, что нет смысла увеличивать расходы на переводчиков (они возросли с 168 000 крон в 2010 г. до 463 000 в 2012 г.) – скорее необходимо улучшить качество курсов исландского языка. «Если человек прожил в Исландии семь лет, но все равно требует переводчика для того, чтобы пойти к своему врачу, понятно, что такая ситуация вызывает у государства и местных жителей раздражение и нежелание поддерживать эти расходы» (*Gunnarsdóttir* 2014). В то же время ситуация с мигрантами – в отличие от туристов – в меньшей степени способствует гегемонии английского, поскольку большинство приезжих являются выходцами из Польши и Литвы.

Все большая распространенность английского как языка бизнеса и науки – вкупе с исландской языковой политикой создания новых лексических единиц вместо заимствования интернациональных терминов – привела к своеобразной ситуации, когда перевода на более понятный большинству английский требуют уже исландские слова. Особенно это возмущает людей старшего поколения:

Так что теперь мы под влиянием Европы и под влиянием Америки. Особенно наш язык. Если послушать людей на радио... Иногда сомневаюсь, что они действительно исландцы. Потому что сегодня они уже не знают, как говорить по-исландски. Особенно ученые. И также по радио можно услышать: бла-бла-бла-бла-бла, а по-английски это будет так-то. С моей точки зрения, это лишнее. Вы говорите на исландском радио, зачем вам сообщать мне, как это произносится по-английски? Зачем? Я этого не понимаю. У нас в Исландии был такой поэт, Эйнар Бенедиктссон, и он сказал в одном стихотворении: всё, что говорится на Земле, может быть сказано по-исландски. И я с ним совершенно согласен (ПМА 2015: V.).

Наконец, опасность для языка, в связи со все более возрастающим потоком цифровой техники, представляет и малочисленность его носителей. Так, в конце 2013 г. профессор исландской филологии Эйрик Рёгнвальдссон выступил с заявлением о возможной скорой гибели исландского (*Hætta á að íslenska* 2013). Он считает, что из-за все возрастающей роли компьютеров и смартфонов в жизни современного исландца в течение ближайших 100 лет язык может исчезнуть: ему грозит «цифровая

смерть». В 2012 г. Эйрик участвовал в исследовании, согласно которому из 30 рассмотренных европейских языков исландский находится на предпоследнем месте по вероятности «выживания», уступая лишь мальтийскому. Немногочисленность носителей и их хорошее владение английским сыграли в данном случае дурную шутку: переводить программы на исландский невыгодно, хотя это и поощряется правительством; в ПО для распознавания речи вкладывается недостаточно средств.

Исландский / Íslenska

Сами исландцы по-разному воспринимают свой язык. В случае моих информантов (жителей Рейкьявика, большая часть которых имела высшее образование), в наибольшей степени бросался в глаза разрыв между поколениями. Нарастающее несовпадение литературной и разговорной речи, резкое увеличение количества заимствований из английского воспринимаются ими болезненно:

А молодые люди – когда они разговаривают, кажется, что они говорят на каком-то другом языке, мы не понимаем, что они говорят. Потому что они смешивают вместе все слова. Ну, я бы не расстроилась, если бы они перестали говорить по-исландски, совсем не расстроилась. Я думаю, что старый исландский язык был особенным, но, думаю, мы его потеряли. Сейчас не то чтобы много людей, которые говорят на старом исландском. <...>

Ну, когда мы читаем старые книги, видно, что люди там говорят друг с другом иначе. И старых кинофильмах тоже, там тоже люди как будто по-другому разговаривают. Так что я думаю, что раньше был более элегантный язык, если так подумать. <...> Я думаю, что исландский сегодня собирает в себя все со всего света, и сегодня мы используем язык по-другому. Как английский. <...>

Я думаю, что как на севере [Норвегии]... они дольше держались за исландский, они используют немного другие слова. Но я думаю, что однажды мы не вспомним эти слова или не будем их использовать. Думаю, в конце концов мы будем просто говорить по-английски. <...>

Я думаю, так и будет, наш язык просто постепенно исчезнет (ПМА 2016: G.).

Повсеместные англицизмы и недостаточный словарный запас порой приводят молодое поколение к отчуждению от собственного языка. Один из моих собеседников рассказывал об этом не без юмора:

Я преподавал датский в школе. Здесь, в Исландии. <...> И дети... они были в возрасте до 15 лет, подростки. И они пошли к директору и сказали ему: “Не могли бы вы поговорить с Вильямом? Он использует слишком много исландских слов! Мы его плохо понимаем”. По-исландски мы говорим *sletta* – “*Hann slettir á mikið af íslenskum orðum*”. Что, собственно, означает: “Для нас он использует слишком много исландских слов!” (ПМА 2015: V.).

Рис. 2. Язык как бренд: подставки под кружки с подписями «*ég tala ekki íslensku*» («я не говорю по-исландски») и разъяснением того, как произносится название вулкана Эйяфьядлайёкюдль.

Ирония рассказа заключается не только в том, что школьники плохо понимают родной язык, но и в выборе слова *sletta*, которым они обозначают избыточность словаря учителя, – как уже говорилось выше, оно означает «употреблять иностранные слова». Таким образом, богатый исландский язык воспринимается подростками как иностранный, слишком трудный для понимания и даже не вполне корректный в данной ситуации – достаточно, чтобы пожаловаться директору.

Характерно, что большинство людей, с которыми я разговаривала, упоминали о важности именно устной речи: правильной («Ну, это то, что люди часто произносят: “О, он говорит на таком хорошем исландском!” И у нас есть такая фраза: “*Hann er vel máli farinn*”; ПМА 2016: А.) или (гораздо чаще) неправильной. Напротив, речи письменной уделялось значительно меньшее внимание; возможно, это связано с ее меньшим отклонением от нормы или с тем, что основную часть текстов, находящихся в «официальном» поле зрения (книги, статьи в газетах и на новостных порталах и т.п.) пишут профессионалы; во всяком случае она как бы исключается из публичного дискурса. «Вне поля зрения» оставались и создаваемые специально для интернета тексты, сближающие устную и письменную речь, а местами и окончательно размывающие границу между ними, – они также выносились за рамки обсуждаемых языковых проблем. Собственно, только один из моих

собеседников упомянул проблему плохого письменного исландского, и то лишь после моего вопроса:

Это становится проблемой, что люди не могут писать на исландском как следует. Они делают грамматические ошибки, они не знают, как использовать пунктуацию. <...> У меня есть другая работа, не в науке, где я работаю с обычными людьми, и теперь мы используем “Фейсбук” для внутренней переписки, так что я могу прочесть, что пишут мои коллеги. И многие из этих людей окончили университет, защитили диплом по социальной работе. Это вроде дома для людей с аутизмом, поэтому там много соцработников, и многие из них имеют университетский диплом. И знаете, это любопытно, но факт остается фактом – многие из этих людей не могут писать как следует. Ну, я понимаю, что они имеют в виду, но эти тексты невозможно опубликовать, даже если речь идет о письменных документах, предназначенных для всеобщего ознакомления (ПМА 2016: А.).

Гиперкоррекция, уже упоминавшаяся выше, соседствует с коррекцией со стороны общества – и, как и всякое символическое насилие, вызывает двойственное отношение: «Неформальная языковая полиция очень активна в Исландии. Когда я был моложе и читал газеты, люди постоянно туда писали и жаловались, что кто-то неправильно говорит по-исландски на телевидении, а сегодня создаются группы на “Фейсбуке”, существуют группы на “Фейсбуке”, которые разоблачают неправильности, которые другие люди допускают в СМИ» (ПМА 2015: S.). Постоянное поправление «неправиль-

ностей» – прерогатива в первую очередь школы и старшего поколения; исландцы исправляют даже незнакомцев (Thórarinsdóttir 1999: 237). Жесткие нормы вызывают некоторое раздражение, несмотря на смягчение политики языкового пуризма; необходимость овладеть ими воспринимается, с одной стороны, как ограничение, с другой – как незаменимый властный ресурс: «Я говорю на своего рода “чистом исландском”, когда хочу, чтобы меня воспринимали всерьез» (ПМА 2015: S.). Яркий пример подобной двойственности привела одна из моих молодых собеседниц:

...когда ты в школе и пишешь сочинение, ты не можешь использовать английские слова, ты должен использовать правильный термин. Когда я росла, мои родители не поправляли мои грамматические ошибки, потому что они были хиппи и считали, что я должна быть максимально свободной. Поэтому я долго говорила на очень плохом исландском, может быть, до 18 лет, пока не поступила в колледж. И там постоянно поправляли мою грамматику. Но в то же время были изумлены, насколько свободно я говорила. Это было моей сильной стороной. Я говорила очень свободно, но неправильно. Когда мне было 20, я познакомилась с моим молодым человеком. <...> Он мой ровесник, но его отцу 76 лет, так что... В их семье так принято, что все должно быть правильно. И им нравятся головоломки, шарады и кроссворды. Так что у него действительно первоклассный исландский. Все, что он говорил, было правильным, так что он начал меня постоянно поправлять. И это было так странно, потому что, когда я говорила, я излагала что-то, что имело смысл, но внезапно просто замирала.

Одновременно, знаете. Но опять же, я благодарна за то, что теперь говорю на лучшем исландском, так как это дает мне больше силы. Если я раньше что-то говорила на уроке неправильно, то люди обращали внимание на мои ошибки вместо того, чтобы понять, о чем я пытаюсь сказать (ПМА 2015: Á.).

Если для большинства людей старшего поколения исландский язык представляет собой безусловную ценность сам по себе – это язык нации, язык суверенитета, – то отношение молодежи к нему двойственно. С одной стороны, исландский воспринимается как «свой» язык, обладающий уникальной чертой – творчески созданными словами, язык «поэтический», «дающий больше возможности для творчества» (ПМА 2015: P., S.; ПМА 2016: K.). С другой стороны, это язык национальный, что часто воспринимается как синоним слова «националистический»⁶:

Мне он [исландский язык] действительно нравится, он мне нравится, потому что это мой родной язык, я чувствую психологическую связь с ним. Мне не нравится, как его используют по отношению к иностранцам, мне не нравится, что иностранцы должны блестяще говорить по-исландски, чтобы их могли оценить по достоинству в этом обществе. Мне не нравится, что люди считают других глупыми, если те что-то неправильно произносят или неправильно грамматически выстраивают речь. Мне не нравится, что он используется в таком националистическом ключе. Но в то же время, он рассказывает истории о прошлом, эти истории <...> Это своего рода отношения

любви и ненависти. Думаю, у меня и с этой страной отношения любви и ненависти. <...> Мне нравятся длинные слова, его [языка] ритм. Мне нравится, что я могу говорить на нем. И мне нравится, что он такой поэтический и что поэзия и саги всегда были с нами, потому что теперь это помогает нам лучше анализировать ситуацию. И мне нравится, что каждый исландец, ну, не каждый, но многие, публикует свою автобиографию. Это так забавно! Но это позволяет нам увидеть жизнь простых людей, за много лет до нас. И поэзия... так красива. С такими словами... Мне кажется, что эти слова – очень честные, ведь их можно буквально переводить. Как, например, *fristikista* [«холодильник», буквально переводится как «морозный ящик»] – понимаете, что я имею в виду? <...> Это наивный способ соединять слова вместе, а мне нравится наивность и нравится, как это звучит. Так просто (ПМА 2015: Á.).

Сегодня, когда национализм дискредитировал себя в глазах многих исландцев, необходимость сохранять исландский язык объясняется не столько его ценностью *per se* (или его важностью для страны), сколько универсальными демократическими ценностями: возможностью свободно выражать свои мысли и конституционным правом говорить на родном языке, отстаивать свои права. «Я считаю, что, пожалуй, важно учить правильно детей выражать свои мысли на чистом исландском, потому что это единственный способ быть серьезно воспринятым в СМИ и, вероятно, ключ к карьерному успеху. Знаете, если говоришь на плохом исландском, никто не будет воспринимать тебя

серьезно, будет трудно попасть в политику и так далее... Вероятно, это важнее всего для низовой демократии. Чтобы они могли иметь способ коммуникации» (ПМА 2015: S.). Как отмечалось выше, связь языка с демократией декларировалась еще во время *Málrækt*'89; однако в тот период подчеркивалось, что залог демократии – участие граждан в развитии независимого языка (*Thórarinsdóttir* 1999: 313).

Наконец, с отношением к национализму связана еще одна характерная черта – восприятие языка (в первую очередь, исландского) как инструмента, служащего для проведения границ: как внутренних, так и внешних. С одной стороны, грамотная речь – это маркер, который исключает из общества чужаков (в первую очередь, мигрантов); с помощью него выстраивается иерархия, в которой те, кто владеет «правильным» языком, располагаются выше и имеют доступ к власти, которую дают публичные выступления: в демократических процедурах, в политике, в СМИ. С другой стороны, язык – это доступ к историческому прошлому, литературе и культуре страны, ключ к определенным знаниям и самобытности; уникальные сложные слова и «поэтичность» придают ему индивидуальность, которая так ценится в эпоху глобализации, и позволяют гордиться им. Именно эта связь с идентичностью делает язык живым – и позволяет надеяться, что он останется таковым в ближайшее время:

Я вот недавно думала... Эта мысль возникла после встречи с тобой... Почему мы живем здесь в Исландии? Какая цель, какой смысл нашего проживания здесь? Здесь нет лета, зиму можно с трудом назвать зимой, постоянно какая-то мерзкая погода... И я поняла, что, возможно, это для того, чтобы говорить по-исландски. Это единственная причина, по которой нам стоит здесь жить. А так... Нам приходится использовать нашу крону, которая совершенно *handónýtur* [бесполезна], которая ужасна; было бы гораздо проще перейти на евро, было бы гораздо проще перейти на английский, гораздо проще. Тогда в школах не приходилось бы учить два языка, и всё было бы открыто для приезжих из других стран. [...] Я размышляла и пришла к выводу, что единственная причина, чтобы жить в Исландии, – это говорить на языке. Нас так мало, и... Но молодежь, это она будет решать, будут ли они говорить по-исландски или нет. Им выбирать (ПМА 2015: М.).

Тем, кто был воспитан в разгар политики пуризма, путь развития языка казался четко определенным – в отличие от современной молодежи: «Мы, старшее поколение, выросли с представлением о том, что исландский – это король, и надо придумывать новые слова и так далее. Мы были воспитаны так думать. Но дети, они уже не живут под этим давлением. Они знают об этом, но беспокоятся ли они об этом или нет?..» (ПМА 2015: М.).

Рис.3. *Graffiti_Laxdaela* – Граффити в центре Рейкьявика, обыгрывающее знаменитую фразу Гудрун, героини «Саги о людях из Лососьей долины»: «*Þeim var ég verst er unni mest*» (в русском переводе «Тому принесла я величайшее горе, кого я любила больше всех»)

* * *

Язык в сознании исландцев старшего поколения тесно связан с суверенитетом и независимостью, и эта идея идет еще от времен борьбы с Данией, когда уникальность исландского выступала одним из оснований для требований свободы (*Thórarinsdóttir* 1996). Потеря языка равноценна для них потере идентичности, превращению в колонию англоязычных стран. «Важно помнить о том, что национальная идентичность исландцев появилась в противопоставлении датской, то есть была сконструирована одновременно на контрасте и в сравнении с датчанами» (*Ibid.*: 171). В данный момент такой точкой для самоотнесения становится Америка – именно с ней сравнивается и ей противопоставляется Исландия: как в отношении языка, так и в других областях культуры. В отличие от Дании эпохи борьбы за независимость, Америка, однако, воспринимается значительно более позитивно.

Для многих более молодых людей эта связь уже не столь очевидна: они четко осознают, что английский, в отличие от исландского, является «глобальным» языком, позволяющим вырваться за рамки тесного сообщества. Здесь уместно будет процитировать писателя Свена Нордланда, который уехал в Лондон на курсы по творческому письму и, разумеется, был вынужден создавать тексты на английском: «сначала это казалось фальшивым, но затем – освобождением <...> Это вроде бы ужасно, но в то же время ты в некотором смысле чувствуешь себя свободным. Ты можешь быть кем угодно, кем хочешь» (*Сох* 2015).

Для них язык уже не является столь неотъемлемой частью «троицы» (один из моих собеседников даже высказал мысль, что его место в идентичности исландцев заняла природа; ПМА 2015: S.); он ценен не столько сам по себе, сколько в качестве инструмента, дающего определенные преимущества в существующей системе властных отношений – как символический капитал, в терминологии Бурдьё. Правильная речь необходима для того, чтобы говорящего воспринимали всерьез, чтобы повысить свой социальный статус и получить «позицию силы», как голос «маргинальной демократии». Однако символический капитал английского значительно больше; не только потому, что он дает прямой доступ к огромному рынку, но и потому, что он глобален, в отличие от узколокального и национального исландского. Последнее имеет особое значение, поскольку кризис 2008–2009 гг. привел к осуждению национализма многими исландцами; при этом «национальный» и «националистический» практически стали синонимами. В этом контексте исландский, воспринимаемый как крайне «сложный» язык, выступает средством лишения доступа к определенным ресурсам тех, кто им не владеет – в первую очередь иммигрантов, – в отличие от «демократичного» и интернационального английского, выучить который способен каждый.

Наконец, для детей и подростков, выросших в «цифровом» мире, вопрос выбора между английским и исландским попросту не актуален. Английский выступает неотъемлемой частью их повседневного

лексикона: это язык «Ютьюба», компьютерных игр, фильмов, соцсетей и огромного количества интернет-ресурсов. Эта часть словаря практически целиком заимствуется – далеко не все знают о существовании исландских аналогов, ибо в этой среде они почти не используются. Но кроме того, это еще и языковая игра, позволяющая продемонстрировать «свойскость» или «крутость», а также способ создания своего собственного языка, свободного от скучного контроля взрослых.

Ежегодный поток туристов и иностранных работников, почти в сто тысяч раз превышающий население Исландии, обеспечивает постоянное присутствие английского в публичном пространстве. Рейкьявик представляет себя как мультикультурный город, занимающий особое место между Европой и Америкой. Возможность выхода на глобальный рынок с необходимостью подразумевает ориентацию на английский язык в бизнесе, науке, литературе и искусстве. Один из моих собеседников оценил долю исландскоязычной музыки, создаваемой в Исландии, как «очень высокую – не меньше половины». На мое замечание, что 50% не кажутся очень высоким показателем, он ответил, что с учетом ориентации на глобальный рынок эта доля представляется ему весьма значительной (ПМА 2016: A.).

В то же время, практически все мои собеседники не воспринимали возможное исчезновение исландского языка как проблему: хотя несколько человек и предположили, что его может заменить более конкурентоспособный английский, большая

часть считала, что вряд ли что-то серьезно угрожает ему в ближайшие годы – скорее делались прогнозы о том, что молодежь все в большей степени будет становиться двуязычной, осваивая английский на примерно одинаковом с исландским уровне (ПМА 2015, 2016). И в этом их прогнозы совпадают с прогнозами Аманды Хильмарссон-Данн и Аури Паудля Кристинссона, которые предполагают, что при продолжении мер по языковому планированию исландский сохранится, хотя во многих сферах ему придется существовать параллельно с английским (*Hilmarsson-Dunn, Kristinsson* 2010: 269).

Примечания

* Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ № 15-18-00099.

1. Помимо «культивации языка» (ставшей самым распространенным понятием), для обозначения языковой политики употреблялись также термины «очищение языка» (*málbreinsun*), «защита языка» (*málvernd*), «языковая аккуратность» (*málvöndun*) (*Thórarinsdóttir* 1999: 228).

2. Так, Гистли Паулссон отмечал, что согласно исследованию 1986 г. большая часть исландцев (61,3%) отрицала различия в речи социальных классов. Тем не менее, значительная часть респондентов согласилась с тем, что в языке есть существенные (29,9%) или очень большие (8,6%) расхождения (*Pálsson* 1995: 126).

3. Многие из этих утверждений (и даже в сходных выражениях) можно увидеть и в более современном документе – Государственной программе полного школьного образования, принятой в 2013 г. и актуальной на настоящий момент. Ср.:

Язык и литература – культурное наследие нации, которое нужно культивировать, уважать, наслаждаться им и развивать его. Это наследие, без сомнения, играет важную роль в грамотности нации и в том, насколько естественным воспринимается овладение чтением, письмом и способностью говорить на понятном языке. Обучение также важно для развития творчества и способности к самовыражению в устной и письменной речи, использования языка и способности оценить его богатство. Хороший и богатый разговорный язык – основное необходимое условие для общения и компромисса; то же и с письменной речью, которая является средством творчества и порождает новые знания. Таким образом, обучение исландскому языку и исландскому языку жестов также важно для [языка как] посредника мысли и внутреннего диалога писателя с самим собой, когда это необходимо. <...> К окончанию школы учащийся должен осознавать свое положение и свою ответственность как носителя языка. Он должен понимать, что после окончания школы его долг – развивать язык и наслаждаться им как инструментом для получения новых знаний, общения и участия в демократических процессах (*Aðalnámskrá grunnskóla* 2013: 97).

4. На радио в течение долгого времени выходили передачи, посвященные «правильной речи», например, *Daglegt mál* («Ежедневная речь») на RÚV или *Íslenskt mál*. «Ежедневную речь» сменила передача с еще более

суровым названием *Leufilegt mál og óleyfilegt* («Допустимая и недопустимая речь»).

5. *Ísl-enska* – часто используемая в Исландии языковая игра, т.к. *íslenska* по-исландски – это исландский язык, а *enska* – английский.

6. Как националистическая воспринимается и сама идеология пуризма. Как выразился Йоун Гнарр: «Но лингвистический пуризм – это по сути националистический пуризм. А национализм – это просто не круто. Мы больше не должны это использовать» (Gnarr 2014).

Библиография

Источники и материалы

Берков В.П., Бёдварссон А. Исландско-русский словарь. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1962.

ПМА 2015, 2016 – Полевые материалы автора. Рейкьявик, октябрь 2015 г. Респонденты: Á., ж., 24 года, студентка; В., м., 80 лет, писатель и переводчик с русского; Е., ж., 39 лет, научный работник; М., ж., 57 лет, репетитор; Р., м., ок. 40 лет, программист и журналист; S., м., 33 года, работает в туристической отрасли; V., м., 76 лет, пенсионер. Рейкьявик, декабрь 2016 г. Респонденты: А., м., 35 лет, лингвист; G., ж., 45 лет, домохозяйка. Все интервью взяты на английском, кроме интервью с В. и Е., которые были взяты на русском.

Act №61/2011. Act on the Status of the Icelandic Language and Icelandic Sign Language // 61/2011. 7 June 2011 (<http://eng.menntamalaraduneyti.is/media/MRN-pdf/Icelandic-Language-Act-tr-260711.pdf>).

Aðalnámskrá grunnskóla. Almennur hluti 2011. Greinasvið 2013 // Stjórnarráð Íslands (<https://www.stjornarradid.is/media/mentamalaraduneyti-media/media/frettatengt2016/Adalsnamskra-grunnskola-3.-utg.-2016.pdf>).

Background 2017 // Statistics Iceland (<http://old.statice.is/statistics/population/inhabitants/background/>).

Cox P. Will Icelanders One Day Ditch Their Language for English? // Public Radio International (PRI). 03.06.2015. (<https://www.pri.org/stories/2015-06-02/will-icelanders-one-day-ditch-icelandic-english>).

Gnarr Ávarp Jóns borgarstjóra. Níunda LREC-ráðstefnan // Stofnun Árna Magnússonar. 11.06.2014 (<http://www.arnastofnun.is/solofile/1016921>).

Gunnarsdóttir Björg. Bætt íslenskukennsla eflir aðlögun fólks // Vísir. 03.02.2014. <http://www.visir.is/baett-islenskukennsla-eflir-adlogun-folks/article/2014799999905>

Hvað kostar að tala íslensku? // Heimur. 10.06.2005 (<http://heimur.is/2005/06/10/hvad-kostar-ad-tala-islensku>).

Hætta á að íslenska hverfi innan 100 ára // RÚV. 02.12.2013 (<http://www.ruv.is/frett/haetta-a-ad-islenska-hverfi-innan-100-ara>).

Icelandic – At Once Ancient and Modern / Ministry of Education, Science and Culture. Pamphlet 13. Reykjavík, 2001.

Jakobsson Ármann. Hvaða enska? // mbl.is. 04.02.2006. (<http://www.mbl.is/greinasafn/grein/1064687/>).

Hallgrímsson Jónas // [Jonas.ms.is](http://jonas.ms.is) (<http://jonas.ms.is/jonaspl.html>).

Jörmundur Ingi. Paganism or the Rediscovery of Identity. [Доклад, представленный на Международной языческой конференции в Антверпене, 07.03.1999] (<http://www.wcer.org/members/europe/Belgium/jormundur.htm> – дата обращения: 12.11.2014).

Land, þjóð og tunga // [ms.is](http://www.ms.is). (<http://www.ms.is/okkar-mal/islenska-er-okkar-mal>).

Magnason Andri Snær. Forsetaframboð Andra Snæs 2016 // *Andri Snær Magnason*. 12.04.2016 (<http://www.andrisnaer.is/wp-is/ymislegt/2016/04/forsetaframboð-andra-snaes-2016/>).

Málrækt'89 Skýrsla Verkefnisstjórnar. Reykjavík, 1989.

Nýyrðasamkeppnin // ms.is (<http://ms.is/okkar-mal/nyyrdasamkeppnin> (дата обращения: 10.10.2017)).

Stefnir á að hafa bæði «LOKAÐ» og «CLOSED» // RÚV. 23.09.2013 (<http://www.ruv.is/frett/stefnir-a-ad-hafa-baedi-loka-d-og-closed>).

Научная литература

Byock J. Modern Nationalism and the Medieval Saga // Northern Antiquity: The Post-Medieval Reception of Edda and Saga / Ed. A. Wawn. London: Hisarlik Press, 1994. P. 163–187.

Einarsson M. The Wandering Semioticians: Tourism and the Image of Modern Iceland // Images of Contemporary Iceland: Everyday Lives and Global Contexts / Eds. Gísli Pálsson, E. Paul Durrenberger. Iowa City: University of Iowa Press, 1996. P. 215–235.

Friðriksson F. Language Change vs. Stability in Conservative Language Communities: A Case Study of Icelandic. PhD diss., University of Gothenburg, 2008.

Hálfdanarson G. Interpreting the Nordic Past: Icelandic Medieval Manuscripts and the Construction of a Modern Nation // The Uses of the Middle Ages in Modern European States. History, Nationhood and the Search for Origins / Eds. R.J.W. Evans and G. Marchal. London: Palgrave, 2011. P. 52–71.

Hannesdóttir A.H. Islänningars attityder till språkliga normer // Scripta Islandica. Vol. 2003. No. 53. P. 11–35.

Hastrup K. A Place Apart: An Anthropological Study of the Icelandic World. Oxford: Clarendon Press, 1998.

- Helgason J.K.* The Rewriting of Njáls Saga. Translation, Ideology and Icelandic Sagas. Clevedon: Multilingual Matters, 1999.
- Hilmarsson-Dunn A., Ari Páll Kristinsson.* The Language Situation in Iceland // Current Issues in Language Planning. 2010. Vol. 11. No. 3. P. 207–276. <https://doi.org/10.1080/14664208.2010.538008>
- Magnússon S.G.* Wasteland with Words: A Social History of Iceland. London: Reaktion Books, 2010.
- Nordal S.* Íslenskt lestrarbók. Reykjavík: Bókaverzlun Sigfúsar Eymundssonar, 1931.
- Pálsson G.* Language and Society: The Ethnolinguistics of Icelanders // The Anthropology of Iceland / Eds. Gísli Pálsson, E. Paul Durrenberger. Iowa City: University of Iowa Press, 1995. P. 121–139.
- Thórarinsdóttir H.* Purity and Power: The Policy of Purism in Icelandic Nationalism and National Identity. PhD diss., New School for Social Research, 1999.
- Skaptadóttir Unnur Dís, Kristín Loftsdóttir.* Cultivating Culture? Images of Iceland, Globalization and Multicultural Society // Images of the North: Histories, Identities, Ideas / Ed. Sverrir Jakobsson. Amsterdam; New York: Rodopi B.V., 2009. P. 205–216.
- Wilson K.* Review of Leonard S.P. Icelandic: Language, Identity in Early Iceland. Change, 2012 // Sociolinguistic Sociolinguistic Studies. 2013. P. 315–326.

Марина Мартынова

ЯЗЫКОВЫЕ ПРОЦЕССЫ НА БАЛКАНАХ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМ ИДЕНТИЧНОСТИ*

Балканский регион двадцать пять лет назад стал ареной жесткой радикализации этно-национальных проектов, заставивших весь мир по-новому взглянуть на проблемы национализма, сепаратизма, экстремизма, терроризма, обеспечения прав меньшинств. Следствием кризиса стала перегруппировка населения на территории экс-Югославии по этническому принципу, в зонах конфликта практически не осталось районов со смешанным населением. Резко сократилось число межэтнических браков. Возросла численность южно-славянской диаспоры за пределами Балкан. Изменилась государственная этнонациональная политика, появились новые нюансы в осмыслении понимания идентичности и

локальной культуры. Как на это отреагировали языковые процессы? Какова роль не только объективных, но и субъективных факторов развития языка?

Насколько язык является исторически заданным явлением и в какой степени – конструктом, результатом “социальной инженерии”, идеологической работы с целью укрепления нации? Показателен в этом отношении пример Балкан. Здесь этнонационализм усиливается языковым компонентом. Все государства, образовавшиеся на развалинах Югославии, избрали путь выработки собственных языковых стандартов и искусственного размежевания на основе исторического, диалектного принципов, с учетом региональных фольклорных и литературных традиций.

На Балканах сербский язык, подобно тому, как это происходит с русским языком на постсоветском пространстве, оказался виноватым за все старые обиды и идеологические клише. Сходство заключается и в том, что образование на территориях СССР и СФРЮ самостоятельных независимых государств породило множество труднейших проблем не только в области экономического и государственного строительства, но и в области культуры и, в частности, языковой политики. Особенно сложная ситуация возникла в такой важной сфере, как положение и роль русского и сербского языков и их взаимоотношение с языками преобладающих этнических групп во всех новых государствах.

В отличие от Балкан, в постсоветских странах, где язык в значительной степени тоже трактуется как государствообразующий фактор, где государственные

языки также укрепляют свой статус, причем за счет сужения использования русского языка, этим языкам не требовалось отстаивать сам факт своего существования. Они имели и сохраняют свои названия и словарный запас. Они, по сути дела, не нуждаются в дополнительном конструировании, т.к. имеют реальные отличия от русского языка. На Балканах в этом отношении все обстоит гораздо сложнее.

Балканские языковые процессы как элемент национального вопроса

Для того чтобы лучше понять суть проблемы, обратимся к предшествующему опыту. Социолингвистические показатели демонстрируют важную роль лингвистической политики как компонента направления межэтнических отношений на Балканах. Здесь языковой вопрос был одним из ключевых при выработке концепции гармоничного сосуществования, и в различные периоды решался он по-разному. Напомню, что еще задолго до возникновения первой Югославии, 28 мая 1850 г. в Вене крупнейшие сербские, хорватские и словенские ученые подписали так называемое Литературное соглашение. Его авторы выступали против смешения различных наречий и признавали наиболее целесообразным пользоваться только одним из них. В Хорватии борьба за создание единого языка в то время была связана с движением хорватского иллиризма, во главе которого стояли Людевит Гай, Иван Мажуранич и Станко Враз. Интересно, что Л. Гай был кайкавцем, И. Мажуранич

– чакавцем¹, С. Враз – словенцем. Во второй половине XIX в. произошла дополнительная кодификация сербохорватского языка на базе стандарта Вука Караджича. Параллельно существовали, хотя в более ограниченном масштабе, и другие литературные нормы на базе диалектов этой зоны. Лингвистическая ситуация в первые годы существования Югославии отражала централистскую концепцию устройства государства.

После Второй мировой войны в стране интенсивно шли процессы политической, экономической и культурной интеграции. Все это нашло отражение и в языковой политике. Югославии, население которой говорило на нескольких языках, требовался общегосударственный язык – язык управления, армии, внешних связей и т.д. Логично, что им мог стать язык, понятный значительной части населения. Этот язык, который тогда называли сербскохорватским или хорваткосербским, имея равные юридические права со словенским и македонским, превосходил их по распространенности. Подобно тому, как это происходит в других странах, представители иноязычных этнических групп были двуязычны.

В то же время, как отмечают специалисты, этот язык не был един и унифицирован на всей территории функционирования. Он сложился на основе (ново) штокавского диалекта, имеющего локальные варианты. Наиболее распространенные – восточный (сербский) и западный (хорватский). Два других диалекта – чакавский и кайкавский – ныне считаются частью хорватского языка, т.к. распространены только в Хорватии. Использование чакавского диалекта

сокращается, он частично сохранился только вдоль Адриатического побережья, на полуострове Истрия и на островах. Это так называемый старохорватский язык, насыщенный архаической лексикой. Кайкавский диалект близок к словенскому языку и сохранился на северо-западе Хорватии (*Мартынова* 1988). Собственно, кайкавский (загорский) и чакавский диалекты, которые ранее охватывали более широкий ареал, и есть исконно хорватские. Проникновение штокавского диалекта на территорию нынешней Хорватии связано с многочисленными миграциями населения в период Османской империи. Но хотя они и были оттеснены во второй половине XIX – начале XX вв. на “периферию культуры” (*Толстой* 1981: 134), после 1945 г. они вновь воскресли и обогатили хорватскую литературу, особенно поэзию, замечательными произведениями.

В 1954 г. в городе Нови Сад состоялось совещание, принявшее Резолюцию, которую подписали 25 литераторов и лингвистов (из Хорватии – 7, из Сербии – 15, из Боснии и Герцеговины – 3), а также 64 деятеля культуры и искусства (*Багдасаров* 2004; *Dogovor o jeziku* 1989). Она провозглашала, что сербы, хорваты и черногорцы говорят на одном языке (хотя и имеющем две нормы произношения – экавскую и иекавскую – и два алфавита – кириллицу и латиницу)². Название языка сохраняло двучастность (*srpskohrvatski/hrvatskosrpski*), но ставилась задача выработки единых правил правописания, которые после продолжительной работы были опубликованы в 1960 г. одновременно в Загребе и Нови Саде. Конституция 1963 г. закрепила название нового

лингвонима – сербскохорватский/хорваткосербский язык (Конституция СФРЮ 1966: 94–95).

Для лучшего понимания современной ситуации показательна эволюция вариантов названий языка, на котором говорят четыре южнославянских народа: хорваты, сербы, черногорцы и бошняки. В Конституциях республик 1946 г. в пределах этого лингвистического региона официальными были следующие языки: “сербский” и “хорватский” в Боснии и Герцеговине, “сербский”, “хорватский” и языки народностей в Сербии, “хорватский” или “сербский” в Хорватии, “сербский” в Черногории. С принятием Конституций 1963 г. язык стал называться “сербохорватским” в Конституциях Боснии и Герцеговины, Сербии, Черногории и “хорваткосербским” в Конституции Хорватии. Согласно Конституциям 1974 г. в Сербии говорили на “сербохорватском”, в Боснии и Герцеговине на “сербохорватском” или “хорватско-сербском”. В Хорватии официально использовался “хорватский литературный язык – стандартная форма национального языка хорватов и сербов, живущих в Хорватии, который называется хорватским или сербским”. Конституция Черногории вообще не упоминала официальный язык.

Следует отметить, что использование в политических целях, в том числе и для выяснения межэтнических отношений, различных лингвистических проблем постепенно стало традицией в СФРЮ. В частности, одной из такого рода акций еще в конце 1960-х гг. явилась так называемая Декларация о названии и статусе хорватского литературного языка, подписанная 16 марта 1967 г. от имени 140 хорватских интеллигентов

и 18 хорватских научных и культурных центров. Недовольство хорватской интеллигенции вызывали попытки унифицировать литературный язык с преобладанием сербской лексики и норм произношения. Опасение, что их язык подвергнется ассимиляции со стороны сербского, привело к тому, что интеллектуалы выступили с протестом. Они требовали равноправия не трех, а четырех языков: словенского, хорватского, сербского и македонского, а также права использовать хорватский язык во всех органах власти в Хорватии. В этой Декларации подчеркивалось отличие хорватского литературного языка от сербского, поэтому культурное учреждение Хорватии “Матица хорватская” (*Matica hrvatska*) не стало завершать “Большой сербскохорватский словарь”, выпуск которого готовился совместно с “Матицей сербской” (*Матица српска*). Подоплека этого документа имела политический характер: Декларация не была направлена на сближение хорватов и сербов, цель ее была совершенно противоположной. Этот документ, встретивший активное сопротивление в Белграде, прекратил политику языкового объединения. Вышеописанные события вошли в историю под названием Хорватская весна.

Сразу после появления Декларации сорок два сербских писателя на своем Годовом собрании подписали так называемые Предложения для размышления (опубликованы в газете “Борба” 3 апреля 1967 г. (Предлози за razmišljanje 1967), в которых предлагали считать Венское и Нови-Садское соглашения о языке, направленные на его единство, утратившими силу, а сербский и хорват-ский языки

должны были развиваться впредь независимо друг от друга. Кстати, еще в 1965 г. на съезде славистов в Сараево хорватские лингвисты выступили с критикой преобладания в языке населения БиГ сербской лексики за счет вытеснения хорватской. В то время стремление разделить языки было оценено как националистическое действие и подавлено политическими мерами. Однако в конце 1980-х гг. споры по этому вопросу вспыхнули с новой силой.

Весной 1986 г. в Загребе состоялось совещание Президиумов центральных партийных комитетов республик СФРЮ с участием языковедов. Была принята так называемая Резолюция Загребского соглашения, в которой характеризовалась языковая ситуация в стране и намечались пути преодоления напряженности в этом вопросе. Однако переговоры на высшем уровне не помогли урегулировать ситуацию. Бурное обсуждение вызвал вопрос о внесении поправки в статью Конституции Хорватии, касавшейся названия официального языка. Дело дошло до того, что Конституционный суд СФРЮ в 1988 г. вынес заключение о неконституционности Ст. 1 Конституции Хорватии. Статья гласила, что в Хорватии используется “хорватский литературный язык – стандартная форма народного языка хорватов и сербов в Хорватии, который называется хорватский или сербский”. Была предложена поправка, согласно которой в “СР Хорватии официально употребляется хорватский или сербский язык, стандартная форма народного языка хорватов и сербов в Хорватии, который называется и хорватским литературным языком, а также литературным языком сербов в Хорватии” (Арсенић 1989а). После

двухгодичного публичного обсуждения вопроса о названии языка его двучленное название все-таки не было принято³. Произошедшее в Хорватии разделение сербскохорватского (хорватско-сербского) языка на сербский и хорватский и официальное признание лишь хорватского языка вызвало в то время негативную реакцию, особенно резкой она была в среде сербов, проживающих в Хорватии. В июле 1990 г. Сербская демократическая партия обратилась в Конституционный суд Югославии, а также в Скупщину СФРЮ, Союзное исполнительное Вече, Сабор СР Хорватии и его конституционную комиссию, выступая за единство сербского и хорватского языков и требуя изменить статью Конституции Хорватии, в которой зафиксировано, что “хорватский литературный язык является языком и сербов в Хорватии” (*Четник* 1990).

Политизировались лингвистические вопросы и в других регионах Югославии. В частности, в Черногории в 1990-е годы вспыхнула борьба за чистоту “национального”, как его тогда называли, языка, сопровождавшаяся известной долей агрессивности по отношению к другим. Иногда в подходе к языкам побеждала так называемая “объединительная” тенденция: был, например, поднят вопрос об “объединении южного албанского и северного албанского языков”.

Недовольство словенцев и македонцев вызывало то обстоятельство, что, несмотря на официальное равенство языков всех народов Югославии, сербскохорватский, или хорватско-сербский язык, на котором говорило большинство населения, стал

доминировать в официальном общении, в средствах массовой информации и т. д. Функции словенского и македонского языков сокращались не только на федеральном уровне, но и на территориях своих республик. У ряда словенцев, а вслед за ними и македонцев вызывало недовольство то, что названия государственных учреждений писались на двух языках, инструкции к товарам, титры фильмов и т.д. были на сербскохорватском. Сербскохорватский язык был обязательным предметом в школах на всей территории страны, тогда как словенский и македонский не изучались даже факультативно в сербскохорватском лингвистическом ареале. В начале 1970-х гг. словенцы добились включения в школьные программы приграничных городов своего языка.

Все эти действия вызывали весьма неоднозначную реакцию в стране. Кое-кто считал их просто излишними, а распространение сербскохорватского языка – объективной необходимостью, другие же расценивали как демонстрацию сепаратистских настроений.

Тем не менее, и Македония еще в составе Югославии присоединилась к словенским попыткам повысить статус своего языка. Дискуссии привели к тому, что Поправки к Конституции страны 1960-х годов, а также Конституция 1974 г. еще раз урегулировали отношения между языками народов Югославии – сербскохорватским, словенским и македонским, и провозгласили их равенство. Албанский и венгерский языки также сохраняли свои функции. В СФРЮ провозглашалось гарантированное

Конституцией равноправие народов и народностей страны в самых различных его проявлениях, в том числе и в области языка и письменности (статьи 245, 246). Словенская Конституция 1974 г. обозначила словенский язык как служебный на своей территории (в том числе в этнически смешанных регионах, населенных итальянцами и венграми) и лишила сербскохорватский язык положения языка общения в республике.

К сожалению, непонимание и конфликты между различными сторонами не только продолжались после 1974 г., но и обострялись. В средство выяснения отношений между народами превратились многие, казалось бы, чисто лингвистические проблемы. Такое явление наблюдалось, например, с письменностью на кириллице, которой пользуются сербы, черногорцы, македонцы, частично – бошняки. Следует отметить, что в последние десятилетия СФРЮ в сфере служебной переписки и документации в Сербии, так же, как и в других республиках, написание латинским шрифтом было распространено довольно широко. В этой связи и в периодической печати, и в научной литературе появился целый ряд публикаций о письменности на латинице и кириллице. Здесь не место оценивать взгляды различных авторов, выступавших “за” и “против” использования той или иной письменности у народов, для которых кириллица была традиционной, в частности, вопрос о том, какая из них больше соответствует фонетическим особенностям языка. Однако очевидно, что недопустимы те крайности, к которым нередко прибегают сторонники

латиницы или кириллицы, когда первые, например, объявляют употребление кириллицы одним из проявлений великосербского национализма, а вторые призывают к полному отказу от латинской письменности и письму только на кириллице, считая ее определенным символом сербской культуры и не учитывая, что она, с некоторыми изменениями, распространена и среди других народов. При этом вопрос о целесообразности применения той или иной письменности, ее распространенности и т. п. вышел за рамки научной дискуссии и использовался как один из аргументов в политической борьбе. В частности, сербские нацио-налисты достаточно широко пропагандировали тезис об ущемлении права пользоваться письменностью на кириллице и подавлении ее латиницей как одним из показателей неравноправного положения в СФРЮ сербской культуры в целом (Лукић 1989; Павловић 1989; Пејин 1989).

В последние годы существования СФРЮ в периодической печати нередко появлялись сообщения, свидетельствовавшие о несоблюдении местными чиновниками положений Конституции о равноправии языков. В частности, на пограничных пунктах Словении с Австрией были случаи, когда служащие таможни и отделений банка отказывались принимать или принимали после долгих и унижительных препирательств чеки для уплаты таможенного сбора только потому, что они были заполнены кириллицей, а не латиницей (в Словении пользуются письменностью на латинице). Такие поступки имели место по

отношению к жителям Сербии, Македонии и др. (см.: *Vujić* 1989; *Цебаловић* 1989; М.К. 1989 и др.).

В Хорватии и Словении в то время нередко в типографиях отказывались печатать продукцию на кириллице, хотя в республиках существовала полиграфическая база, позволявшая выпускать такую продукцию, причем достаточно высокого качества. В частности, была сорвана попытка напечатать плакаты на кириллице, приуроченные к созданию Сербского культурного общества “Саво Мркаль” в Кордуне и Бании (Хорватия) (*Дмитровић* 1990). К концу 1980-х гг. выпуск печатных изданий на кириллице в этих республиках почти полностью прекратился. В ряде школ Хорватии учителя не хотели обучать детей письменности на кириллице, ссылаясь при этом на их нежелание. Учебники на кириллице не являлись обязательными даже в тех местностях, где в школах учились в основном сербские дети (*Арсенић* 1989б).

В хорватском городе Сплите и его окрестностях, где проживало около 40 тысяч сербов, практически невозможно было заказать на кириллице надпись на надгробном памятнике – ее или писали латиницей, или заказывали в г. Книн – в 100 км от Сплита (*Кашуба, Мартынова* 1995). Так проявлялось недружелюбное отношение к лицам другой национальности. Что касается этнических меньшинств («народностей» по югославской терминологии), то их языки имели статус официальных или, в крайнем случае, равных на территориях распространения. С другой стороны, языковая политика общественного и индивидуального билингвизма поощрялась как необходимое условие

общения, поскольку языки малочисленных этнических сообществ не могли быть включены во все сферы общения по демографическим и экономическим причинам. Эта практика подвергалась сомнению в регионах концентрации крупных этнических общин. В частности, наиболее активно этому сопротивлялись албанцы.

Язык как часть национального вопроса

Несмотря на определенные противоречивые тенденции, все же можно сказать, что на протяжении почти всего XX века в бывшей Югославии государственный язык постепенно унифицировался под названием хорватско-сербский / сербскохорватский язык. С начала 1990-х гг. под влиянием политических и как следствие культурных перемен на постюгославском пространстве в этом языке стало появляться все больше языковых различий. Сегодня он является надъязыковым койне⁴. В постюгославских государствах названия официальных языков соответствуют названиям государств. Из одного языка создано четыре: боснийский (бошняцкий), сербский, хорватский и черногорский. Между литературными нормами боснийского, сербского, хорватского и черногорского языков разница намного меньше (все они основаны на штокавском диалекте), чем, например, между диалектами хорватского языка – кайкавским и чакавским.

Как отметил один из ведущих лингвистов Западных Балкан профессор Белградского университета, член Академии наук и художеств Европы Ранко Бугарски, “когда люди со средним образованием из Белграда,

Загреб, Сараево и Подгорицы общаются между собой, они без проблем и сегодня понимают друг друга – так же, как в те времена, когда официально существовал общий сербскохорватский язык. То есть в обиходе, в нормальном общении сербскохорватский язык пережил и войну, и искусственное размежевание и “лингвистический инжиниринг” (см., напр.: *Bugarški* 2001; *Bugarški, Hawkesworth* 2004 и др.). Если же рассматривать политически-символический уровень, то сербскохорватского языка больше нет. Но даже те, кто не возражает против этого, причем не только носители языка, но и профессионалы, осознают языковую общность ареала. Не случайно они стали употреблять для его обозначения термин ВСХС/БСХЧ – по первым буквам названий языков. (Об этом я услышала на I боснийско-герцеговинском славистическом конгрессе в 2013 г.).

Как считают лингвисты, основываясь на концепции аусбау-парадигмы, в начале XXI века сербский, хорватский, боснийский и черногорский языки превращаются в отдельные аусбау-языки, оставаясь одним абштанд-языком. Ранее, в XX веке единый сербохорватский язык был одним аусбау-языком. Имеется в виду, что аусбау – функционально полноценный язык, имеющий собственный письменный стандарт и часто определенный официальный статус. Абштанд – имеет настолько сильные структурные отличия, что может считаться отдельным языком⁵.

В каждой из стран Западных Балкан немало сделано для размежевания языков. Появление языковых различий не происходило спонтанно. Процесс шел при опреде-

ленных усилиях национальных элит, которые поставили цель увеличить языковую дистанцию. Процесс инжиниринга языка начала Хорватия, и именно она наиболее последовательно из всех государств боснийско-сербско-хорватско-черногорского (БСХЧ) языкового пространства реализовала политику разграничения языков. В хорватский язык стали внедряться ранее забытые слова – архаизмы, мало употребляемые слова из диалектов, в т.ч. из кайкавского и чакавского диалектов. Проводилась политика т.н. пуризма, применялась практика “консервативных неологизмов”, т.е. создавались слова на основе хорватских (славянских) корней вместо заимствованных. Из библиотек были изъяты книги на кириллице. В стране принят ряд законов, касающихся языка, созданы всевозможные комиссии, следящие за чистотой речи и способствующие исключению “нехорватизмов” и заимствований из административного дискурса, Министерство образования и спорта утвердило учебный стандарт, по которому из текстов учебников убраны “иностраные” слова и т.д. Кампания за чистоту языка шла повсеместно: на радио, телевидении, в госучреждениях и классных комнатах. Во многом эта тенденция продолжила языковую практику 1940-х гг. (см., напр.: *Kordić* 2010: 16), когда реализовывалась антисербская политика под лозунгом “мы не имеем ничего общего с сербами”⁶. Что парадоксально, порой по недосмотру хорватские неологизмы, образованные из сербских корней, вытеснили исконно хорватские слова, происходящие из кайкавского и чакавского диалектов. Специалист по хорватскому языку Степан Бабич признает, что, если посмотреть хорватские тексты XIX в., в них

можно увидеть слова, которые сейчас считаются сербизмами. И в первой половине XX в. многие слова не имели оттенка поляризации двух языков, они не воспринимались как маркеры языков, а просто как диалектные отличия (Babić 2004: 94, 208). В 1990-е гг. были изданы словари новохорватского языка, в которых собраны новые слова, введенные вместо тех, которые совпадали с сербскими. В то время возник анекдот: Разговаривают два хорватских профессора лингвистики. Один другому говорит: “Ну надо же, сербы тоже говорят хорват. Придется придумать новое слово”. Хорватский лингвист Снежана Кордич пишет, что думать о правильности языка в то время нужно было везде: в трамвае, у мясника и парикмахера. В продовольственной лавке просьба взвесить вместо десяти deka (дециграмм по-хорватски) сто грама (по-сербски) колбасы могла привести к неприятным, а то и опасным последствиям (Kordić 2010: 40).

Филолог и переводчик из Загреба Синан Гуджевич в интервью с автором заметил, что в Хорватии за годы независимости неожиданную популярность получила профессия корректора – только они, вместо того чтобы править ошибки правописания, были призваны заниматься цензурой текстов, удаляя из них все слова и выражения, которые не соответствуют “чистоте” нового языка. “Катастрофа в культуре зашла так далеко, – сказал Синан Гуджевич, – что у нас теперь переводятся фильмы, снятые на сербском языке”. Например, недавно был переведен фильм сербского режиссера Срджана Драгоевича “Раны”. Картина шла с субтитрами, и на протяжении четырех месяцев

демонстрировавший ее кинотеатр в Загребе был переполнен зрителями, которые приходили, чтобы посмеяться над переводом. Появилась информация о том, что белградский продюсер фильма просил хорватскую копию картины с субтитрами, чтобы показать ее в Белграде. Ведь там у кинотеатра тоже стояли бы очереди желающих посмотреть это лингвистическое чудо.

В Хорватии официальный язык – хорватский, алфавит – латиница. В отдельных регионах разрешено использовать (по настоянию Брюсселя) другие языки и другое написание, в т.ч. кириллицу. В то же время, алфавит на Балканах играет не только утилитарную, но и символическую роль, связанную с идентичностью (латиница используется хорватами, кириллица традиционно характерна для сербов). Во время боевых действий 1991–1995 г., начавшихся после провозглашения независимости Хорватии, одним из лозунгов хорватов был “*Vukovar nikad neće biti Vukovar*” (Vukovar никогда не будет Вуковаром). За этот город в восточной части Хорватии со значительной долей сербского населения шли тогда ожесточенные сражения. Вуковар оставался под контролем сербских ополченцев до 1998 г. Сейчас сербское население в нем превышает 34%. В связи с требованием соблюдения прав меньшинств в соответствии с Европейской хартией региональных языков и языков меньшинств (выдвигалось как одно из главных условий вступления Хорватии в ЕС) в 2011 г. правительство Хорватии впервые решило к табличкам на латинице в Вуковаре добавить указатели на кириллице. Это вызвало бурю протестов со стороны

хорватских националистов и ветеранов войны. Надписи были убраны. Их решили вернуть лишь в 2013 г., когда Хорватия была принята в ЕС. В Вуковаре вновь эмоции стали доходить до крайностей: демонстранты разбивали адресные таблички на кириллице, на сербских православных церквях появлялись оскорбительные надписи. Тысячи недовольных решением правительства хорватов собирались на акции протеста, скандируя “Нет кириллице в Вуковаре”, “Мы погибли за Вуковар, а правительство нас предало” и, как в 1990-е гг., “Vukovar никогда не станет Вуковаром”. Протесты перекинулись в столицу Хорватии — город Загреб, где тоже на митинги вышли тысячи хорватов, разгневанных введением кириллицы в Вуковаре. Спустя несколько месяцев националисты потребовали от парламента проведения референдума. Подписи под соответствующей петицией поставили 680 тысяч граждан. Однако до плебисцита дело не дошло: 17 августа 2015 г. конституционный суд страны постановил отказаться от кириллицы в Вуковаре. Формально использование этого алфавита запрещено как якобы оскорбляющего чувства хорватских участников войны. Реальной причиной стали предстоящие муниципальные выборы: городские власти (в прошлом сами вводившие надписи на двух языках) таким образом решили заручиться поддержкой местных националистов. Сербь, возмущенные случившимся, потребовали от Брюсселя осудить действия вуковарских градоначальников. Однако Совет Европы 21 августа 2015 г. лишь выразил сожаление по поводу принятого в Хорватии решения (в российских СМИ см. об этом: Мельникова 2015). Кстати, в начале

августа 2015 г. исполнилось 20 лет со дня окончания операции “Буря” за Вуковар, в результате которой хорваты разгромили сербские войска.

* * *

Черногория отделилась от общего сербскохорватского языка позже остальных. Черногорский язык стал служебным в 2007 г. согласно Конституции Черногории, его существование официально провозглашено в 2008 г. Тогда же был учрежден Совет по стандартизации черногорского языка. Нельзя сказать, что идея черногорского языка не имеет под собой благоприятной почвы. По мнению лингвистов, Черногория расположена на пересечении сразу нескольких языковых ареалов. Здесь распространен штокавский диалект с иекавским типом написания и произношения, как в хорватском языке, но без характерной для него лексики старославянского происхождения. С сербским языком, тоже основанным на штокавском диалекте, но в экавском варианте. местный говор роднит словарный ряд (с заимствованиями из иностранных языков) и (преобладавшая до недавнего времени) кириллическая письменность. В Черногории сохраняется несколько поддиалектов, выходящих за пределы ее территории (восточно-герцеговинский — на севере и зетский — на юге) (Стојановић 2008).

Термин “черногорская лингвистика” — лингва монте-негринa — был озвучен еще в годы Второй мировой войны, затем о нем забыли в период социалистической Югославии, хотя идея “черногорской нации” тогда всячески поддерживалась. В середине 1990-х годов была

опубликована Декларация об угрозах черногорской культуре, в которой говорилось о необходимости поиска основы для конструирования культурного национализма с целью последующего обоснования независимости Черногории (Ђурковић 2006:54; Шугурова 2011). В дальнейшем целый ряд интеллектуалов поддержал и стал развивать идею национальной самобытности черногорцев. С особой силой движение за признание самостоятельности черногорского языка активизировалось в начале 21 в. после свержения режима Милошевича и усилением политической борьбы за выход Черногории из СРЮ. В русле концепции новочерногорства еще в 1997 г. была опубликована книга «Правописание черногорского языка» (Правопис црногорског језика. Цетиње, 1997), а в 2001 г. – «Грамматика черногорского языка» (Грамматика црногорског језика. Цетиње, 2001). Их автор – главный идеолог монтегристики, лингвист Воислав Никчевич стал первым директором созданного по его инициативе Института черногорского языка и литературы. В 2004 г., поддержку черногорскому языку выразил премьер-министр Мило Джуканович, назвав в интервью сербской газете “Политика” свой язык черногорским. В том же году правительство заменило в школьных программах предмет “Сербский язык и литература” на “Родной” язык и литература – (сербский, черногорский, хорватский, боснийский)” (Slobodan Baskovic 2004). В 2007 г. появился первый доктор наук, защитивший диссертацию по специальности черногорский язык – Аднан Чиргич 1980 г. рождения (он же стал новым директором Института черногорского языка и литературы после

смерти Воислава Никчевича). В недалеком историческом прошлом все известные черногорские писатели и поэты утверждали, что пишут на сербском языке. В законе о школьном образовании начала прошлого века речь шла о преподавании на сербском языке (Закон о народнијем школама 1911). Спустя полстолетия Конституции Черногории 1963 и 1974 г. официальным языком называли сербскохорватский. В Конституции 1992 г., когда Черногория входила в состав СРЮ, упомянут сербский язык иекавского наречия. Но постепенно ситуация стала более противоречивой.

Последние переписи населения в Черногории демонстрируют динамику лингвистической ситуации в стране. Впервые возможность назвать свой язык черногорским появилась в 2003 г. Тогда 63% населения Черногории своим родным языком называли сербский, 22% – черногорский (Раковић 2004). В 2011 г. число граждан, считающих своим языком сербский, составило 43%, зато число назвавших родным языком черногорский возросло до 37% (Popić 2011). По Конституции Черногории, в отличие от других постюгославских государств, отдающих приоритет титульному народу, “носителями суверенитета являются все, кто имеет черногорское гражданство”, официальный язык – черногорский. Кириллица и латиница равноправны, однако в большинстве публикаций латиница преобладает (при том, что до 1990 г. использовалась исключительно кириллица). Три ежедневные газеты – *Pobjeda*, *Dnevne novine* и *Vijesti* – печатаются на латинице, а Дан – на кириллице. На телевидении все текстовые сегменты вещания даются

на латинице. В Интернете используются оба алфавита. Сайт правительства Черногории также доступен в двух системах письма.

Черногорский язык теперь отличается от сербского двумя дополнительными буквами – мягкой *ǝ* и мягкой *ž* (в кириллице – *С* и *З´*), которых нет в других языках. В результате черногорская азбука состоит из 32 букв. В служебном употреблении также сербский, боснийский (босанский), албанский и хорватский языки. В стремлении придать черногорскому языку самостоятельное значение был выбран интересный путь, ищущий опору в фольклоре, традициях, в употреблении локализмов.

По мнению уже цитировавшегося профессора Р. Бугарски, это необычный путь развития нормированного языка – уходить в прошлое, уходить из городской среды и ее языкового стандарта и искать свою самобытность в речи деревни или в речи давних поколений. Однако это был единственный способ размежевания языков. И, как полагает профессор, это до сих пор так и не удалось сделать. (*Bugarški* 2001: 25) Более того, как говорит черногорский журналист Веселько Копривица, сам народ тоже до сих пор не приспособился к новому языку. По его наблюдениям, почти ничего не изменилось: в повседневном общении остался тот же язык, на котором говорили и раньше, а новый, литературный, почти нигде не употребляется. В. Копривица проанализировал язык черногорских СМИ и заметил, что “новый” черногорский практикуют лишь двое журналистов! Один телевизионный журналист, который живет в Черногории лишь пару лет, и один профессор из Сербии, который на

этом языке ведет блог в черногорской государственной газете “Победа”. Его тексты состоят из архаизмов. Веселько Копривице все это кажется ложным патриотизмом. При этом он был одним из тех, кто в начале девяностых годов во время переписи населения заявлял, что говорит на черногорском языке. Ведь Югославия развалилась, и ему казалось логичным, что в ситуации, когда Сербия вместо сербскохорватского называла свой язык сербским, Хорватия – хорватским, Босния – боснийским, и Черногория имеет право назвать язык своим именем. “Однако мне в те времена и в голову не приходило, что в черногорский язык будут введены новые буквы, изменена фонетика и в стандартный язык включены разные архаизмы, которые крайне редко употреблялись, разве что где-то в дальних деревнях”, – говорит журналист (*Koprivnica* 2012).

* * *

В Боснии и Герцеговине официальные языки – боснийский (босанский), хорватский и сербский (хотя в конституции вопрос языка не прописан, но текст ее опубликован в трех вариантах). При этом ситуация в двух субъектах страны – в Федерации Босния и Герцеговина и Республике Сербской несколько отличается. В конституции Республики Сербской (ст. 7) официальными тоже провозглашены три языка, но при этом в тексте на первом месте стоит “язык сербского народа” (так в Конституции – *ММ.*), а вторым назван бошняцкий (а не босанский – *М.М.*). Письменность на основе кириллицы и латиницы. На территории, где живут другие языковые группы, в служебном

использовании и их языки и письменности (Ustav Republike Srpske). В другом субъекте страны – в Федерации Боснии и Герцеговины в настоящее время в официальном употреблении три языка и два алфавита. Коррективы были внесены в 2002 г. на основании поправок к Конституции. Первоначально же, согласно ч.1 ст.6 Конституции Федерации БиГ, принятой в 1994 г. официальные языки в Федерации – босанский и хорватский, письменность – латиница (о сербском речи не было – *М.М.*). Дополнительные языки определялись как служебные каждой палатой Парламента Федерации, включая большинство голосов бошняцких делегатов и большинство голосов хорватских делегатов в Палате народов (Ustav Federacije Bosne i Hercegovine). Эти языки могли использоваться также для коммуникации и в образовании (*Ibid.*).

Права национальных меньшинств на использование своих языков закрепил Закон БиГ о защите прав представителей национальных меньшинств от 2003 г. Позднее аналогичные законы были приняты в Федерации БиГ и в Республике Сербской. Они гарантировали право национальных меньшинств на использование своих языков при общении в органах власти, в топографических и иных надписях при условии, что национальное меньшинство представляет в данной местности абсолютное или относительное большинство (Zakon o zastiti prava 2003).

Вариативность названий языка подтверждает подробный анализ законодательных актов административных субъектов БиГ более низкого уровня, который был предпринят томским филологом

Д.А. Катуниным. Он обратил внимание на то, что на территории Федерации БиГ на местах есть различия в обозначении официальных языков в зависимости от преобладающего населения в той или иной административной единице – общине или населенном пункте. В преимущественно хорватских жупаниях (хорватское название кантонов) один из официальных языков законодательно именуется бошняцким, а в кантонах, где преобладают бошняки – босанским. В статуте дистрикта Брчко также используется термин босанский. В Республике Сербской в большинстве документов язык номинируется как “язык сербского народа”, “язык хорватского народа”, “язык бошняцкого народа” (*Катунин 2009*).

Можно констатировать, что в законодательстве БиГ отношение к троичности языка постепенно становится все более толерантным. Последующие редакции Конституций и статутов, которые первоначально не содержали положение о языке и алфавите, дополняются им. Вместе с тем, по поводу названия языка/языков в боснийском обществе не первое десятилетие не утихает полемика. Название языка в БиГ – чисто политическая, а не лингвистическая проблема. На самом деле все население БиГ говорит на штокавском диалекте одного (?) языка, подобно жителям Сербии, Хорватии и Черногории. Как считают специалисты, грамматические различия в говорах региона незначительны, а лексические – редки. Государственные границы не формируют одновременно и языковые границы. По мнению хорватского лингвиста Мате Каповича, говор хорватов

и сербов в БиГ имеет больше сходства между собой, чем с говором, распространенным в Хорватии и Сербии, да и там не везде говорят одинаково (Karović 2008).

Однако в постюгославских государствах названия официальных языков соответствуют названиям государств. Поэтому логично, что и БиГ могла бы назвать свой язык по названию страны. Но сербы и хорваты, несмотря на то, что живут за пределами Сербии и Хорватии соответственно, не видят причин для переименования родных языков. Название языка босанский не нравится боснийским хорватам и боснийским сербам, т.к. это бы имплицировало, что на нем говорят все жители БиГ, а не только бошняки. Президент Республики Сербской Милорад Додик утверждает, что термин босанский применительно к языку искусствен, но не возражает, чтобы бошняки называли свой язык бошняцким (*bošnjački*). Сараевские интеллектуалы в свое время сигнализировали общественности о том, что хорватский язык через СМИ внедряется в БиГ и даже назвали этот факт другим видом агрессии. Среди части хорватов эти заявления были восприняты как давление на них, с тем, чтобы БиГ отказалась от хорватского языка.

Различия в языке имеют тенденцию к увеличению в процессе того, как сообщества устанавливают барьеры между собой, не заключают смешанные браки и учатся раздельно, придумывают новые слова, преследуя одну цель – сделать так, чтобы их язык как можно больше отличался от языка жителей соседнего села. Одни смотрят телевидение Сербии, другие

Хорватии. А третьи – подобно тому, как это происходит в других постюгославских государствах, внедряют в язык архаизмы или локализмы из сельских диалектов (*blopta* вместо общепринятого *lopta* – мяч, *budovica* вместо *udovica* – вдова и др.). Вследствие того, что язык воспринимается как маркер идентичности, бошняки в последние годы форсируют распространение тюркизмов, которые после ухода Османской империи постепенно исчезали из употребления. Этому способствует и активный просмотр турецких сериалов, демонстрируемых местным телевидением. Бошняки, формирующиеся как этническая группа значительно позднее сербов и хорватов, стремятся сделать опорой для своего языка исламскую культуру и заимствования из турецкого, арабского и персидского языков.

В некоторых случаях была изменена фонетическая структура языка. Например, в слово “кофе” – на сербском *кафа*, на хорватском *кава* – в боснийском был добавлен звук “х” – *кахва*. Этот звук “х” был добавлен во множестве слов, где он по прежним нормам отсутствовал.

Недавно опубликован словарь боснийского языка, который содержит 8 300 тюркизмов (Ibrahimović 2012). Его автор и переводчик Фарук Ибрахимович утверждает, что, по крайней мере, половину из них можно услышать в повседневной жизни. Хорватские и сербские интеллектуалы высказывают мнение, что вряд ли стремление лидеров бошняков насытить свой язык заимствованиями из турецкого языка будет способствовать тому, чтобы боснийский язык стал языком всех жителей БиГ. Пока же жители БиГ на вопрос о

том, на каком языке они говорят, отвечают – на нашем (“*naški*”). Да и смогут ли простые обыватели разобраться в паутине языковых сходств и различий на своей земле? На Филологическом факультете Сараевского университета на кафедре боснийского, хорватского и сербского изучается отдельно бошняцкая, боснийско-хорватская, хорватская и сербская литература. Одна небольшая страна, но четыре отечественных литературоведения.

* * *

Согласно ныне действующей Конституции Сербии, в стране на государственном уровне используются сербский язык и кириллическое написание (вуковица) и отмечается, что служебное использование языков национальных меньшинств определяется законом на основании конституции. Но на бытовом уровне латиница (гаевица), появившаяся здесь лишь в 19 в., тоже распространена. В период существования Югославии латиница стала вытеснять кириллицу на территории всей страны. В 1990-е гг. в среде патриотически настроенной интеллигенции активизировалось движение за сохранение кириллицы. Лозунги “Кириллица – это наше письмо”, “Кириллица – это Сербия” распространялись не только в СМИ и Интернете, но и на стенах домов и заборах.

Современный сербский языковой стандарт ближе всего к языку, использовавшемуся в СФРЮ. Сербский язык, в отличие от остальных трех, пришедших на смену общему, не был подвергнут лингвистическому инжинирингу, не пошел путем искусственного отмежевания от остальных

родственных языков. По мнению профессора Бугарски, ситуация с сербским языком отличается из-за сочетания геополитических, исторических, культурологических и психологических причин. Во-первых, сербский язык определенным образом представлял и представляет собой основу того, что называлось сербскохорватским языком. Во-вторых, он был центральным в географическом и геополитическом смыслах. Были еще разные другие причины, но и этого достаточно, чтобы утверждать, что с самого начала сербский язык себя чувствовал независимым, воспринимался его носителями как основа и защита сербскохорватского наследия. Образно говоря, сербский язык, как и русский, чувствовал себя старшим братом. Поэтому в Сербии не было официально предпринято ничего, чтобы отделить сербский язык от хорватского. Но это не означает, что в Сербии вопрос языка воспринимался с равнодушием. Просто сербский национализм искал различия не в самом языке, не в речи, а в системе написания, сделав упор на поддержке “сербской” кириллицы и разгромив или, по крайней мере, резко ограничив использование “хорватской” латиницы.

Если проанализировать конституции Сербии со времен Югославской федерации и по сей день, то видно, что вначале было записано, что две эти системы письменности – кириллица и латиница – имеют равные права. В следующую Конституцию было внесено, что кириллица имеет приоритет и обязательна в служебном употреблении. Латиница также имела служебное применение, но с определенными ограничениями. А в последней Конституции, принятой в 2006 г., латиница

даже не упоминается как алфавит, используемый для сербского языка.

В том, что сербская национальная идентичность частично опирается именно на кириллицу, по мнению Р. Бугарски, заложен источник многих проблем. “Многие конфликты в обществе, – говорит ученый, – вплоть до войн, в своей основе имеют такую позицию – все свести к одному: если ты по национальности, по этническому происхождению серб, тогда ты должен быть православным. Ведь считается, что не может серб быть католиком. Серб – православный – пишущий кириллицей – это обязательная триада”. Согласно этой европейской культурной схеме конца XVIII в., которая оставалась в силе весь XIX век, а кое-где сохранилась и по сей день, язык, нация и государство являются святой троицей. Порой туда добавляется и религия. И именно такой подход и благоприятствует постоянным конфликтам и войнам, в том числе войнам из-за языка и религии (*Bugarški* 2001:15).

В бывшей Югославии в школе дети с первого класса обучались и кириллице, и латинице. В Сербии по сей день многие книги печатаются на латинице, на латинице выходят многие газеты и журналы и более-менее образованные люди даже не замечают, какими буквами они пишут. На официальном уровне предпочтение по-прежнему отдается кириллице. На ней пишутся официальные документы в государственных учреждениях и армии. Использование в стране двух алфавитов не создает жителям никаких неудобств, т.к. все они знают оба алфавита.

Однако государственные и близкие к властям средства информации издаются обязательно на кириллице, среди них – “Политика” и “Вечерние новости”. Политическая ориентация партий и СМИ влияет на используемый ими алфавит. В частности, Сербская прогрессивная партия и консервативная партия “Новая Сербия”, Сербское движение обновления и Социалистическая партия на своих сайтах обращаются к избирателям на кириллице, а Социал-демократическая партия, входящая вместе с ними в правящую коалицию, пишет исключительно на латинице. Ряд политических партий выступает за более активное использование кириллицы. Например, в феврале 2015 г. Демократическая партия Сербии предложила освободить от НДС книги, газеты и журналы на кириллице, а фирмам, активно использующим кириллицу, предоставлять налоговые льготы в размере пяти процентов. Несколько лет назад по инициативе демократов во втором по величине городе Сербии – Нови-Сад – на автобусах стали размещать рекламу только на кириллице.

В наши дни, по мере смягчения политического и межэтнического накала на Балканах, латиница вновь завоевывает свои позиции в Сербии. Тому есть несколько причин. Среди значимых – более широкая аудитория пользователей латиницы в мировом масштабе, чем кириллицы. Современная система международных отношений, стремление интегрироваться в ЕС, желание сделать свои книги и журналы доступными большему числу людей играют в пользу латиницы. Способствуют ее широкому использованию и набирающие оборот

Интернет-коммуникации. Вместе с тем, несмотря на объективные факторы, провоцирующие сокращение сферы использования кириллицы, представляется, что этот алфавит в Сербии не уступит место латинице. В пользу этого говорят такие обстоятельства, как символическая роль кириллицы в сербской культуре, ее многовековые традиции, представление о взаимосвязи своей индивидуальности с особенностями письма, и, конечно, многолетний опыт удачного использования двух алфавитов в повседневной практике.

* Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 15-18-00099 (краткая версия статьи опубликована также в журнале «Этнографическое обозрение», №3, 2016).

Примечания

1. Диалекты хорватского языка.
2. Кириллица появилась на Балканах свыше тысячи лет назад. Ее современную форму – вуковицу (по имени лингвиста Вука Караджича) – стали использовать с 1818 г. Через семнадцать лет после этого ввели латиницу, известную как гаевица (по имени создателя грамматики хорватского языка и алфавита, базирующегося на латинице с дополнительными надстрочными знаками, хорвата Людевита Гая).
3. Хронологию событий см., напр.: *Kojić* 1989 (ежедневные публикации в разделе *Publicistika*).

4. Функциональный тип языка, используемый в качестве основного средства повседневного общения с широким диапазоном коммуникативных сфер в условиях регулярных социальных контактов между носителями разных диалектов (этнолектов) или языков. Койне развивается, как правило, по линии сохранения и обогащения языка или диалекта, становящегося койне. Койне чаще всего (хоть и не всегда) складывается на базе диалектов одного языка или на базе близкородственных языков.

5. В основу концепции Аусбау-парадигмы, разработанной немецкими социолингвистами, заложена мысль о том, что существует два набора критериев, которые возможно использовать для различения языка и диалекта: один основан на этносоциальных функциях, другой – на объективных структурных особенностях языка. См.: *Kloss* 1967; *Trudgill* 2004.

6. Так, пронацистское правительство Павелича в рамках языковой политики активно насаждало неологизмы (напр., *krilnik* – генерал, *slikopis* – киноплёнка, *tunjovoz* – трамвай и др.), однако после войны они исчезли и в современном хорватском языке не возродились. Современное хорватское правительство продолжило эту “традицию”: университет – *универзитет* (серб.) и *sveučilište* (хор.), футбол – *фудбал* (серб.) и *pogomet* (хорв.). Отличие сербского от хорватского состоит и в названиях месяцев. В сербском языке названия восходят к латыни (февруар, март, апрел, как и в современном русском языке), в хорватском используются славянские названия (*veljača*, *ožujak*, *travanj*, как в современном украинском языке).

Библиографија

Источники и материјали

- Арсенић Р. Одложена одлука о називу језика // Политика. 22. 06. 1989а.
- Арсенић Р. Учење ћирилице зависи од воље наставника // Политика. 22.10.1989б.
- Вујић М. Пожељна двојезичност // Политика. 07.01.1989.
- Димитровић Р. Срби у Хрватској више не пристају на неравноправност // Политика. 18. 03. 1990.
- Закон о народнијем школама 1911 – Закон о народнијем школама у Краљевини Црној Гори. Цетиње: Кр. ц. државна штампарија, 1911.
- Конституција СФРЈ 1966 – Конституција СФРЈ. М., 1966.
- Лукић Р. За и против ћирилице // Политика. 25.02.1989.
- М.К. 1989 – М.К. Словеначки цариници опет не признају ћирилицу // Политика. 18. 05. 1989.
- Мельникова К. Языковой барьер. Кириллица стала камнем преткновения в отношениях сербов и хорватов // Лента.ру. 28.08.2015. URL: lenta.ru/articles/2015/08/28/cyrillic.
- Павловић П. Рачунари нису разлог за потискивање ћирилице // Политика. 19. 08. 1989.
- Пејин Ј. Ћирилица није заборављена, али се тихо потискује // Политика. 06.08.1989.
- Предлози за размишљање 1967 – Предлози за размишљање // Борба. 03. 04. 1967.

- Раковић А. Пописи от Црној Гори од 1909. до 2003 // Принцип. 2004. Фебруар. С. 12.
- Џебаловић М. Устав СФРЈ не важи у Словенији!? // Политика. 15. 04. 1989.
- Четник М. Вратити српски језик // Политика. 11.07.1990.
- Dogovor o jeziku 1989 – Dogovor o jeziku i pravopisu. 8. 12. 1954 // Vjesti. 1989. 8 prosinca.
- Ibrahimović F. Rječnik turcizama u bosanskom jeziku s tumačenjem i prijevodom na engleski jezik. Tuzla: Narodna i univerzitetska biblioteka "Derviš Sušić", 2012.
- Kozić M. Jezik i ustav. Dosje o nazivu jezika // Vjesnik. 1989. 24.05–13.06 [ежедневные публикации в разделе Publicistika]
- Popis 2011 – Prvi rezultati. Popis stanovništva, domaćinstava i stanova u Crnoj Gori 2011 godine. Podgorica, Zavod za statistiku Crne Gore, 2011. ([www.monstat.org/userfiles/file/popis2011/saopstenje/knjiga_prvi_rezultati\(1\)\[1\].pdf](http://www.monstat.org/userfiles/file/popis2011/saopstenje/knjiga_prvi_rezultati(1)[1].pdf); дата обращения: 19.02.2016).
- Slobodan Backovic 2004 – Slobodan Backovic potpisao odluku o preimenovanju srpskog u maternji jezik // Voice of America. 26.03.2004.
- Ustav Federacije Bosne i Hercegovine – Ustav Federacije Bosne i Hercegovine. URL: eudo-citizenship.eu/NationalElectoralLawsDB/docs/ustav_federacije_bosne_i_hercegovine.pdf (дата обращения: 19.02.2016).
- Ustav Republike Srpske – Ustav Republike Srpske. URL :

skupstinabd.ba/images/dokumenti/hr/ustav-republike-srpske.pdf (дата обращения: 19. 02 .2016).

Zakon o zastiti prava 2003 – Zakon o zastiti prava pripadnika nacionalnih manjina Bosne i Hercegovine // Službeni glasnik Bosne i Hercegovine, Godina VII – Broj 12, Utorak, 6 maja 2003. godine, Sarajevo. URL: bhric.ba/dokumenti/BHSZakonomanjinama.pdf (дата обращения: 19. 02. 2016).

Научная литература

Багдасаров А.Р. История развития хорватско-сербских этноязыковых отношений (1940–1990-е гг. XX в.) // Славянский вестник. Вып. 2. М.: МАКС пресс, 2004. С. 30–49.

Катунин Д.А. Современное языковое законодательство Боснии и Герцеговины: становление и тенденции // Вестник Томского университета. Филология. 2009. № 1. С. 22–46.

Кашуба М.С., Мартынова М.Ю. Новая этнополитическая карта Балкан. М.: ИЭА РАН, 1995.

Мартынова М.Ю. Этнографические группы хорватов. М.: Наука, 1988.

Толстой Н.И. Культурно- и литературно-исторические предпосылки образования национальных литературных языков (на материале сербскохорватского, болгарского и словенского языков) // Формирование наций в Центральной и Юго-Восточной Европе. Исторический и

историко-культурный аспекты. М.: Наука, 1981. С. 122–134.

Шугурова И.А. (Мирич И.А.) Черногория как переходное общество // Политэкс. 2011. № 1 (т. 7). С. 249-262.

Ђурковић М. Како се конструишу нације: црногорски случај // Социолошки преглед, год. XLIV (2010), бр. 1, стр. 3–36.

Babić S. Hrvanja hrvatskoga. Hrvatski u koštacu sa srpskim i u klinču s engleskim. Zagreb: Školska knjiga, 2004.

Bugarški R. Lica jezika – sociolingvističke teme. Beograd: Biblioteka XX vek, 2001.

Bugarški, Hawkesworth (Eds.) Language in the Former Yugoslav Lands. Bloomington, IN: Slavica, 2004.

Karović M. Uvod u indoeuropsku lingvistiku: pregled jezika i poredbeni fonologija. Zagreb: Matica Hrvatska, 2008.

Koprivica V. Naj Crna Gora. Novi Sad: Media Art Content Ltd, 2012.

Kloss H. Abstand languages and Ausbau languages // Anthropological Linguistics. 1967. Vol. 9(7). P. 29–41.

Kordić S. Jezik i nacionalizam, Zagreb: Durieux, 2010.

Стојановић Ј. Српски језик у Црној Гори у времену «стварања» «монтегристике» // Српски језик 13/1-2, година XIII, Београд, 2008, 631-639.

Trudgill P. Globalisation and the Ausbau sociolinguistics of modern Europe // Speaking from the margin: global English from a European perspective / Eds. Duszak A., Okulska U. Frankfurt: Peter Lang, 2004. P. 35–49.

ГЛАВА 7

Сергей Соколовский

РЕСПУБЛИКА КИПР:

*конфликты и политика в сферах языка и образования**

Сложность современной политической ситуации в Европе, неурегулированность многих конфликтов, имеющих языковые истоки или языковую компоненту (молдавско-приднестровский конфликт; конфликты, связанные с положением русского языка в Восточной Украине и Латвии; абхазско-грузинский конфликт), подчеркивают значимость языкового самосознания и языковой политики для сохранения стабильности государств и актуализируют важность изучения языковых ситуаций и языковых процессов не только в собственно научных целях, но и при решении проблем сохранения мира и стабильности на континенте. В этом отношении исследование каждого конкретного конфликта, имевшего языковую составляющую, продолжает сохранять свою актуальность. Весомым аргументом в пользу изучения языковой ситуации в Республике Кипр являются особенности положения двух его доминирующих языков – греческого и турецкого – и избираемые в отношении

них стратегии языкового развития, представляющие собой сложный конгломерат и борьбу идеологий гражданского и этнического национализма и постколониальной ментальности, влияющих на политику идентичности в рамках обеих общин острова и провоцирующих конфликты.

Республика Кипр относится к государствам, территория которых оказалась разделенной в результате межобщинных конфликтов, наиболее глубокие политические следствия среди которых имел греческо-турецкий конфликт 1974–1977 годов, когда около сорока процентов территории острова оказались под турецкой оккупацией (доля представителей турецкой общины в населении страны на тот момент составляла около 18 процентов). Конфликт изучен и описан достаточно подробно (ср.: *Бредихин* 2006; *Степанов* 2012; *Aktar, Kizilyürek, Özkirimli* 2010; *Bryant* 2004; *Bryant, Papadakis* 2012; *Papadakis, Peristianis, Welz* 2006; *Trimikliniotis, Bozkurt* 2012 и др.), однако его языковые измерения и последствия, как и современная языковая ситуация в этой островной республике остаются недостаточно освещенными, к тому же результаты существующих в этой области немногочисленных исследований опубликованы главным образом на греческом языке и остаются мало доступными (ср.: *Karyole mou* 2000).

Вторым помимо упомянутого выше конфликта событием, существенно сказавшимся на языковой политике Кипра и самым непосредственным образом повлиявшим на ее реализацию в сфере языка и образования, стало присоединение страны к Совету

Европы (1992) и ее вхождение в Европейский Союз (2004), и если первое членство повлекло за собой ряд правовых и политических обязательств, непосредственным образом влияющих на рассматриваемую здесь сферу, то второе продолжает влиять посредством вызванных им экономических реформ и изменения миграционных потоков. Членство Республики Кипр в Совете Европы повлекло за собой заключение ряда международных соглашений и участие в региональных механизмах обеспечения прав человека, имеющих непосредственное отношение к языковой политике и существенно повлиявших на статус отдельных языковых сообществ.

Целью данной статьи является характеристика современной языковой ситуации в Республике Кипр и оценка ее правового регулирования с позиций сохранения языкового многообразия и предотвращения конфликтов. Особое внимание уделяется обязательствам правительства в отношении сохранения языков меньшинств и обеспечения языковых прав граждан. Отдельно анализируется положение доминирующих языков и языков мигрантских сообществ, поскольку разворачивающиеся в их среде процессы оказывают влияние на статус языков меньшинств и политику в их отношении.

Источники исследования

Помимо литературы, приведенной в библиографии к данной статье, самостоятельными источниками для наблюдения, описания и анализа соответствующих тем стали: 1) двадцатилетние наблюдения автора за

развитием межобщинных отношений и языковой ситуации в республике – ежегодные поездки, начиная с 1998 г., в том числе в составе официальной мониторинговой группы экспертов Совета Европы в рамках механизма сбора фактов и отчетности Европейской Комиссии против расизма и нетерпимости (далее – ЕКРН) в апреле – мае 2015 г.; 2) опыт участия в работе ЕКРН в качестве эксперта от Российской Федерации в течение последних пяти лет, позволивший регулярно консультироваться с членами Комиссии от Кипра, Армении, Греции и Турции и прояснить многие вопросы межобщинных отношений и языковой политики на Кипре; 3) беседы и интервью с экспертами, проведенные в мае 2016 и сентябре–октябре 2017 г. в рамках поддержанного проектом РНФ полевого исследования; 4) официальные документы (законы, правительственные указы, материалы переписей и т.д.), имеющие отношение к рассматриваемым проблемам.

Методология и концептуальный аппарат исследования

В рамках данного исследования под официальной языковой политикой понимается комплекс мероприятий правительства и высших законодательных органов государства в следующих сферах: 1) в сфере выбора и использования официальных языков и их нормативного обеспечения (включая, например, выбор письменности и программы языковой модернизации и/или языковой пурификации); 2) в сфере “внешней языковой” политики – поддержки и распространения национального языка (языков) за пределами государственных границ (языковая экспансия, “мягкая власть”), а также выбора и

использования иностранных языков в системе образования; 3) в сфере обеспечения языковых прав меньшинств в рамках формального образования; 4) в сфере регулирования доминирующих языков и языков меньшинств за пределами образования – в судах, местном управлении, церкви, торговле и т.д. 5) в сфере регулирования статуса и положения языков мигрантских сообществ.

К неофициальной языковой политике отнесены многочисленные акты выбора и политические позиции в отношении языков со стороны самого населения и его различных групп и сообществ – частных учебных заведений, церковных общин, трудовых коллективов, отдельных поселений, семей и т.д.

Таким образом, в рамках этого исследования языковая политика понимается шире, нежели в сложившейся в международном праве системе регулирования языковых прав и защиты языковых сообществ, где традиционно выделяются положение языков меньшинств, отношение к миноритарным языкам со стороны большинства и официальная политика государства в этих областях.

Особое внимание в исследовании уделяется также языковому статусу, языковым репертуарам и ролям конкретных языков, языковой идентичности и масштабу языковых различий – тем параметрам языковых ситуаций, которые иногда приобретают самостоятельное значение в социальных и политических конфликтах.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Нормы международного права

Членство Республики Кипр в Европейском Союзе и в Совете Европы влечет соответствующие международные обязательства в сферах защиты прав меньшинств и сохранения языкового многообразия. К основным документам, регулирующим права и обязанности государств в данной области, относятся Рамочная Конвенция по защите национальных меньшинств, Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств и механизм Европейской Комиссии против расизма и нетерпимости (ЕКРН), содержащий положения о запрете дискриминации на языковой основе и процедуры мониторинга и отчетности.

Кипр присоединился к Рамочной Конвенции в 1998 г., подписав ее в 1995 и ратифицировав в 1996. Начало имплементации норм Европейской языковой Хартии состоялось лишь в 2002 г. Она была подписана правительством в 1992 г. и ратифицирована законодательно в 1993 г. [Закон Республики Кипр 39 (III)]. Кипр является также государством-членом ЕКРН и участвует в отчетности по механизму этой Комиссии с 1997 г. (первый отчет датирован ноябрем 1998 г., и к настоящему времени страна прошла пять циклов отчетности).

Наиболее важным документом, содержащим перечень рамочных обязательств, которые может взять на себя правительство в отношении сохранения языков исконного населения (языки мигрантских сообществ его нормами не защищаются), является Европейская Хартия региональных языков или языков меньшинств. Уместно подчеркнуть, что Хартия фиксирует обязательства государства, а не права граждан. Эти обязательства направлены на защиту языкового многообразия конкретного государства и отдельных составляющих его языков, а не на защиту языковых прав граждан. Известно, что в странах Европы, ратифицировавших Хартию, поддерживается около 60 языковых единиц (включая в некоторых случаях региональные диалекты, хотя текст этого документа эксплицитно исключает диалекты из числа защищаемых языковых единиц), или 46 языков, причем более половины из них являются государственными языками соседних стран. Это существенно снижает расходы на поддержку и развитие таких языков, поскольку в подобных случаях можно использовать многие элементы сложившейся инфраструктуры соседнего государства для поддержки языка миноритарной группы, заимствовав их у соседей, где данный язык является доминирующим¹. Среди таких элементов можно назвать готовые языковые учебные программы, учебники, словари, литературу на данном языке, опыт преподавания, а в отдельных случаях, при наличии соответствующих двусторонних соглашений, приглашение квалифицированных специалистов (преподавателей университетов и школьных учителей) из соседней страны. Миноритарные языки такого типа (т.е. языки, являющиеся официальными в других государствах)

можно именовать инфраструктурно сильными языками; языки же, не являющиеся национальными или официальными ни в одном из государств-членов Совета Европы, следует относить к типу инфраструктурно слабых. Следует также помнить о том, что используемое в Хартии терминосочетание язык меньшинства или региональный язык (*minority or regional language*) выражает единое понятие², а термины язык меньшинства и региональный язык трактуются как полностью синонимичные (последний употребляется в тех государствах – участниках Хартии, в которых наличие меньшинств отрицается или выражение “язык меньшинства” по разным причинам является неупотребительным или нежелательным).

Внутреннее законодательство страны в отношении языковых прав и языковых сообществ

Согласно Статье 3.1 Конституции Республики Кипр (от июля 1960 г.) ее официальными языками являются греческий и турецкий языки. В соответствии со Статьей 3 все законодательные, исполнительные и административные акты готовятся на обоих языках и в тех случаях, когда Конституция требует их обнародования, публикуются в официальных ведомостях (*Gazette*) Республики на обоих языках. Административные акты или официальные документы, адресованные одной из общин – греческой или турецкой, публикуются, соответственно, на греческом или турецком языках. Оба официальных языка должны использоваться на монетах, денежных купюрах и почтовых марках (Ст. 3.7). Судебные слушания, согласно Конституции, производятся на греческом, если обе стороны

представляют греческую общину, на турецком – если турецкую, и на обоих языках, если стороны принадлежат к греческой и турецкой общинам, соответственно. В соответствии со Статьей 73.8 все речи, произносимые с трибуны Парламента (Палата представителей) на одном официальном языке Республики, должны переводиться на второй ее официальный язык. Эта практика, однако, сегодня практически не используется, поскольку, как объясняют чиновники, в связи с отсутствием представителей турецкой общины на контролируемой правительством территории, в этом нет практической необходимости.

В соответствии со Статьей 2 Конституции любой гражданин страны должен быть ассоциирован с одной из этих двух общин независимо от его происхождения и этнической или религиозной принадлежности, а замужние женщины и несовершеннолетние дети причисляются к общине, с которой ассоциирован муж или отец, соответственно. Желающие быть ассоциированными с другой общиной (турецкой или греческой) могут подать соответствующую декларацию и быть причислены к ней.

Конституция Республики Кипр содержит антидискриминационную норму, в соответствии с которой «любой человек может пользоваться гарантируемыми ею правами и свободами без прямой или косвенной дискриминации на основании общинной принадлежности, расы, религии, языка, пола, политических и других убеждений, национального или социального происхождения, рождения, цвета [кожи], [уровня] богатства, или на любом ином основании, если это открыто не запрещено другой нормой Конституции» (Статья 28.2).

СОВРЕМЕННАЯ ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ ДЕМОГРАФИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ

Статистическим анализом населения занимается Статистическая служба Кипра (CYSTAT). Последняя перепись населения состоялась в октябре 2011 года. Согласно ее данным население в находящейся под контролем правительства южной части страны увеличилось за межпереписной период с 2001 года на 21,7%, достигнув 838 897 чел. (по оценке 2009 года – вместе с турками-киприотами – 892,4 тыс. чел.). Самими высокими темпами (на 33%) росло население Пафоса и соответствующего региона, доля иностранного населения в котором остается самой высокой в стране, достигая почти 35% (Preliminary Results 2011). Высокая доля иностранцев вообще характерна для всех регионов страны, что, без сомнения, влияет на динамику языковой ситуации в целом.

По сведениям относительно состава исконного населения острова греки-киприоты составляли 74,5% при численности в 660,3 тыс. чел.; турки-киприоты (в эту численность не были включены переселившиеся после 1974 года анатолийские турки и их потомки) – 10% при численности в 88,7 тыс. чел.; армяне – 2,7 тыс. чел. (0,3%); марониты – 4,8 тыс. чел. (0,5%) и т.н. латиняне (католики левантийского и европейского происхождения) – 0,9 тыс. чел. (0,1%). Перечисленные группы признаны меньшинствами в отчетах правительства в рамках Европейской рамочной Конвенции по правам меньшинств или языковыми сообществами по обязательствам в рамках языковой Европейской Хартии

(миноритарными языками считаются армянский и киприото-арабский, на котором говорят марониты; язык местных цыган – т.н. курбеча или гурбеча не вошел в обязательств правительства). При этом постоянно проживающие иностранцы составляли 14,5% населения острова при численности в 128,2 тыс. чел., превышая тем самым численность четвертого по размеру населения города Кипра – Пафоса. Наиболее многочисленными среди иностранцев являются выходцы из Великобритании, Греции, России, Румынии, Словакии, Шри Ланки и Филиппин (CYSTAT 2010).

Данные переписи 2006 г., проведенной правительством непризнанного Северного Кипра, отличаются в отношении оценок числа турок вообще и турок-киприотов в частности. Согласно этой переписи, на территории Северного Кипра проживало 145 443 турецких киприотов, родившихся на острове. Из них у 120 007 чел. оба родителя также родились на Кипре (происхождение семей этих родителей в сведениях службы планирования премьер-министра Северного Кипра не оговаривается). 12 628 чел. из числа включенных в общее количество турок-киприотов имели смешанное происхождение (один из родителей родился за пределами страны). Таким образом, у 132 635 человек этой переписной категории хотя бы один из родителей сам родился на острове. 101 447 чел. (более 38% населения Северного Кипра) были зарегистрированы как недавние выходцы из Турции). Ниже в таблице приведены сведения относительно данной категории по отдельным районам места рождения (источник: Census 2006).

Место рождения	Всего	Мужчин	Женщин
Сев. Кипр	112534	56332	56202
Никосия	54,077	27,043	27,034
Фамагуста	32,264	16,151	16,113
Кирения	10,178	5,168	5,010
Морфу	10,241	5,013	5,228
Карпасия	4,617	2,356	2,261
без указания района	1,157	601	556
Южный Кипр	32,538	15,411	17 127
Никосия	3,544	1,646	1,898
Фамагуста	1,307	598	709
Ларнака	6,492	3,031	3,461
Лимассол	9,067	4,314	4,753
Пафос	11,955	5,750	6,205
без указания района	173	72	101
Кипр (без указания части территории)	371	178	193
Всего	145,443	71,921	73,522

Доверие к результатам этой переписи среди специалистов было, однако, невысоким. Многие из них отмечали, что число иммигрантов было занижено (*Hatay 2007: 27, Faiz 2008*), а численность неучтенного переписью населения Северного Кипра остается неизвестной. Мухаррем Фаиз, директор Кипрского центра социальных

и экономических исследований (*Kıbrıs Toplumsal ve Ekonomik Araştırmalar Merkezi –KADEM*), проводивший исследование по заказу Евробарометра, сообщал, что «около 30 процентов населения северной части Кипра не вошло в перепись 2006 г.» (*Faiż 2008*). Дополнительную информацию дают сведения Турко-кипрского профсоюза учителей (*KTÖS 2008*) о составе школьных классов, в соответствии с которым лишь у 34 процентов учеников начальной школы оба родителя родились на Кипре; еще у девяти процентов один из родителей был киприотом; у 19 процентов родителей было двойное турецко-кипрское гражданство, что указывало на их происхождение из Турции; у 37 процентов было гражданство Турции. Иными словами, более чем у половины школьников один или оба родителя были из Турции. При этом в Киренеи доля таких школьников составляла 54.5% (сюда можно добавить еще 10.1% школьников, родители которых имели двойное гражданство).

Известно также, что за двадцать лет, последовавших за конфликтом 1974 г., то есть в период с 1975 по 1995 гг., эмигрировало не менее 36 тысяч турок-киприотов (*ЕС 2004*). Иммиграционная политика, особенно активно поддерживаемая правительством Турции в период с 1975 по 1981 гг., привела к появлению значительной массы турок-переселенцев, вселяемых в дома греческих беженцев на территориях, не контролируемых правительством Республики Кипр. Переселенцы были в основном выходцами с прибрежных территорий южной Анатолии, из регионов Мерсин, Адана и Анталия (*Johanson, Demir 2006: 3*). После 1982 г. раздача собственности греков-

киприотов была приостановлена, а после 1993 г. ужесточились и требования к получению гражданства Северного Кипра (*Hatay 2007: 2–3*). В Северном Кипре сохранилось и несколько сел с грекоговорящими мусульманами (например, Ризокарпасос, Лурусина).

Распределение населения Северного Кипра по гражданству
(перепись 2006 года)

Всего	De facto		De jure	
	N	%	N	%
	265 100	100.0	256 644	100.0
1. Северный Кипр (СК)	133 937	50.5	135 106	52.6
2. СК и другое	42 795	16.1	42,925	16.7
(а) СК – Турция	33 870	12.8	34 370	13.4
(b) СК – Великобритания	4 185	1.6	3 854	1.5
(с) СК – прочие	4 740	1.8	4 701	1.8
3. Турция	77 731	29.3	70 525	27.5
4. Другое	10 637	4.0	8 088	3.2
(а) Великобритания	4 458	1.7	2 729	1.1
(b) Болгария	831	0.3	797	0.3
(с) Иран	775	0.3	759	0.3
(d) Молдова	485	0.2	354	0.1
(е) Пакистан	490	0.2	475	0.2
(f) Германия	343	0.1	181	0.1
Прочие	3 255	1.2	2 793	1.1
Всего	265 100	100	256 644	100

Отсутствие надежной системы регистрации гражданства, особенно в первые годы после конфликта, рождение детей уже на территории непризнанной республики, браки между иммигрантами и местными турками-киприотами сделали весьма затруднительной точную оценку доли иммигрантского населения на севере Кипра (*Наδῖοαννοι, Tziplakou, Kappler* 2011: 539). По данным Международной кризисной группы, “возможно, около половины трехсоттысячного населения Северного Кипра были либо рождены в Турции, либо являются детьми переселенцев из Турции” (ICG 2010: 2).

Общее число выходцев из других стран в обеих частях острова, таким образом, превышает численность всего населения Кипра на начало прошлого века, когда (согласно переписи 1901 года) все его население составляло 209 286 чел., из которых 158 585 исповедовали православие, 47 926 – ислам, 915 чел. назвали себя католиками, 201 чел. – членами англиканской церкви, 1 131 чел. – маронитами, 269 чел. – членами армянской православной церкви, 127 чел. исповедовали иудаизм и 132 чел. относились к иным конфессиям. Согласно этой же переписи, 185 796 чел. назвали своим родным языком греческий, 48 864 – турецкий, 1 131 арабский, 505 – армянский, 292 – английский и 434 – иные языки (*Hutchinson, Cobham* 1909).

ДОМИНИРУЮЩИЕ ЯЗЫКИ

1. Греческий язык

Доминирующим языком на территории, контролируемой правительством Республики Кипр, является греческий, существующий на острове сегодня как минимум в трех вариантах: стандартного греческого, киприото-греческого (*киприакá*) и понтийского греческого выходцев с побережья Черного и Азовского морей. Греческий существует на острове со времен микенской колонизации (XII в. до н.э.), однако Кипр, находясь на перекрестке торговых путей Европы, Азии и Африки за три с лишним тысячелетия письменной истории успел побывать частью финикийской, египетской, ассирийской, персидской, македонской и римской империй, входил в государства франков (с 1192 г.), венецианцев (с 1489 г.), а в новейшее время находился по власти Османской (с 1571 г.) и Британской (1878–1960) империй, пока не добился независимости в 1960 г. Ключевое геополитическое положение острова, находящегося на пересечении торговых путей трех континентов – Европы, Азии и Африки, существенно влияет как на политическое положение Кипра в системе регионального баланса сил, так и на внутреннюю ситуацию, включая этническое и лингвистическое многообразие его населения.

На период обретения независимости греческое население согласно официальной переписи 1960 г. составляло 77% от всего населения острова. В большинстве существующих исследований языковой ситуации греческого на Кипре (ср., например: (*Papapavlou* 2004; *Papapavlou, Pavlou* 2005; *Yiakoumetti* 2006, 2007) отмечается

диглоссия греческого населения острова, поскольку для греков-киприотов типично знание и пользование как стандартным греческим, так и киприото-греческим диалектом. Понтийским греческим (иногда именуемым также капподокийским или понто-капподокийским) владеют лишь эмигранты – относительно недавние выходцы из греческих сел с побережий Азовского и Черного морей.

В относительно недавнем прошлом ситуация была еще сложнее из-за реформы стандартного, или континентального греческого, связанной с переходом от т.н. катаревусы (*Katharevousa*, *Καθαρεύουσα*), букв. “очищающего [языка]” – компромисса между древнегреческим и демотикой, употреблявшегося до 1976 г., когда демотика (*dimotiki*, *δημοτική*) стала использоваться в официальных целях. Несколькими годами позже (в 1982 г.) премьер-министр правительства Греции Андреас Папандреу отменил усложненную политоническую систему письма в пользу демотического монотонического, и использование катаревусы в публичной, литературной и официальной сферах к концу XX века постепенно сошло на нет. Кипр следовал в русле греческих реформ (*Panayotou* 1999), однако греческая православная церковь, как в Греции, так и на Кипре, продолжает использовать в своих официальных документах именно грамматически и орфографически усложненный вариант греческого – катаревусу. При этом церковная катаревуса признается более сложным, чистым (с меньшим числом заимствований) и более близким к древнегреческому, нежели секулярный вариант этой нормы. Будущие священники и монахи изучают этот вариант катаревусы в специальных учебных заведениях доуниверситетского

уровня, или на теологических факультетах греческих университетов (интервью с Марией Даниэллой Маруда, представителем Греции в ЕКРН, июнь 2017, Страсбург).

Кипрский греческий является наследником средневекового византийского греческого и существенно отличается от современного стандартного греческого не только в отношении лексики и орфографии. На сегодняшний день – это единственный крупный, живой и развивающийся диалект греческого языка. Он имеет ряд существенных фонетических, фонологических, грамматических и синтаксических отличий от стандартного или континентального греческого. Впрочем, около 90% лексического фонда кипрского греческого совпадают с лексикой современного стандартного греческого (новогреческого). Тем не менее, для пелопонесских греков кипрский греческий непонятен на слух, и для понимания устной речи киприотов им требуется значительное время для адаптации (*Arvaniti* 2006: 26; интервью с Андреасом Пашалидесом, представителем от Кипра в ЕКРН, сентябрь 2017, Никосия). Аналогичным образом, кипрские школьники начальных классов, сталкиваясь впервые со стандартным или панэллинским новогреческим в школе, испытывают трудности, а учителя постоянно поправляют их речь, нередко сами используя в неформальных ситуациях при общении в классе кипрский греческий (*Papapavlou* 2004; *Papapavlou, Pavlou* 2005; интервью с А. Пашалидесом и М.Д. Маруда, июнь 2017 г., Страсбург). Вопреки тому, что за историю развития кипрского греческого накопилось немало написанных на нем текстов, включая церковную и светскую литературу, и он используется в масс-медиа, например, в телесериалах кипрского производства и в развлекательных программах, эта языковая

норма остается слабо кодифицированной и до сих пор не стандартизована. Именно это обстоятельство, помимо очевидных политических соображений, подталкивает официальные органы, включая Министерство образования, к использованию стандартного греческого в качестве “общенационального” официального языка (*Karyolemou* 2002; *Papayavlou, Pavlou* 2005). В последние годы, впрочем, усилиями лингвистов стандартизация кипрского греческого получила новое развитие: опубликована грамматика и продолжаются исследования лексики и фонологии этой лингвемы.

Армейские офицеры, приглашенные из Греции в качестве инструкторов для подготовки кипрских солдат, высмеивали местный диалект как «деревенский язык» и испытывали трудности в общении, из-за чего солдаты отказывались повиноваться их приказам (интервью с Фаэтоном Андреу, Кипр, сентябрь 1998).

Понто-капподокский греческий. Носители понтийского греческого (греческих говоров выходцев из греческих сел побережий Азовского и Черного морей, то есть бывшие граждане СССР и позднее – Грузии, России и Украины) появились на Кипре в начале 1990-х гг. в качестве репатриантов из Греции, перебравшихся на остров в поисках более высокооплачиваемой работы. Сегодня их численность на контролируемой правительством территории оценивается примерно в 25–30 тыс. человек (интервью с министром юстиции и общественного порядка Ионасом Николау, май 2016, Никосия).

Проведенное кипрскими коллегами с января по август 2007 г. этнографическое исследование межэтнических

отношений в начальной школе (*Theodorou* 2011) выявило наличие основанной на расовых и этнических стереотипах статусной иерархии между учениками школ, в которой ученики из семей понтийских греков занимали более низкое положение по сравнению с кипрскими греками, но одновременно более высокое по отношению к выходцам из Азии (ланкийцам, филиппинцам).

В одном из приведенных в упомянутом выше исследовании интервью подчеркивается роль языковых отличий в ходе коммуникации для установления этой иерархии:

- Как ты опишешь понтийцев?
- Как русских. *Мы не понимаем, что они говорят ...*
- А что при этом приходит в голову?
- Что он – иностранец.
- На кого они похожи?
- На русских. Мы их называем русскими понтийцами.
(*Theodorou* 2011: 248 – курсив добавлен).

Стоит добавить, что ученики из семей понтийских греков часто при общении друг с другом используют русский язык. В некоторых городах Кипра (главным образом в Лимассоле и Пафосе) существуют значимые по численности русскоязычные общины, издаются газеты, часто встречаются вывески и объявления на русском языке, что не может не укреплять позиций русского и среди понтийских греков (интервью с греком-понтийцем, водителем автобуса, около 50 лет, Пафос, октябрь 2017).

Диглоссия – в данном конкретном случае знание и использование стандартного и кипрского вариантов греческого – обладает собственной динамикой: до 1974 г. в кипрском греческом сохранялось много локальных вариантов, которые сегодня размываются, превращаясь в общекипрско–греческое койне с выравниванием лексических различий благодаря множеству заимствований из стандартного греческого. Между тем, по заверениям местных носителей пафосского диалекта в нем сохранялось множество древних слов, которые можно встретить в текстах Гомера, но которых уже нет в современном греческом (интервью с учителем греческого языка, Пафосский дистрикт, октябрь 2017). Кипрские лингвисты предпринимают усилия для сохранения кипрского греческого. Помимо уже упомянутой грамматики³ с 2006 г. лингвисты Кипрского университета работают над лексикографическим проектом *Συντομία* по орфографической стандартизации кипрского греческого и созданию электронного онлайн-словаря, включая синтезатор речи (<http://lexcy.library.ucy.ac.cy/>). Кипрский лингвист Харалампос Фемистоклос разработал кипрско-греческую клавиатуру, позволяющую передавать отсутствующие в стандартном греческом фриктивы (<http://www.charalambos-themistocleous.com/downloads.aspx>).

Заслуживают внимания и топонимические дебаты, достигшие своего пика в середине 1990-х гг., поскольку отражают один из этапов борьбы сторонников гражданской и этнической версий нациестроительства и роль в ней кипрского греческого. Поскольку топонимы

рассматриваются как часть национального культурного наследия и нередко играют важную роль в притязаниях на территорию (ср., например, грузино-абхазский конфликт, началом которого послужили историко-топонимические дебаты), постольку выбор языка их официальной фиксации, в том числе при использовании на дорожных указателях, географических картах и схемах, в почтовой службе, официальных документах, журналистике и т. п. часто оказывается предметом разногласий и политических конфликтов. Иногда оспаривается даже способ произнесения или написания топонимов соседями, говорящими на другом языке (ср.: Таллинн – Таллин, Шымкент – Чимкент, Алма-Ата – Алматы, Берег Слоновой Кости – Кот д’Ивуар и т.д.). Официальной службой, ответственной за стандартизацию топонимики Кипра, является Постоянный Комитет по стандартизации географических наименований (МЕТГО), основанный по приказу Совета министров в 1977 г. Десятилетие спустя Комитет представил в стандартизационную комиссию ООН перечень кипрских топонимов, включавший около 67 тысяч наименований, вместе с системой транслитерации с греческого на латиницу (доклад Кипра – E/CONF.79/INF/55). Этот перечень остается единственным официальным международным документом, фиксирующим кипрскую топонимику, что рассматривается как важный инструмент против «манипуляций историей и подделок» (Georgiou 2010: 141).

Поводом для последующих дебатов стало относительно небольшое число топонимов – около сотни – которые содержали в местном произнесении фонемы, отсут-

ствующие в стандартном греческом (tʃ, ʃ, ɟʒ, ʒ). Сотрудники Комитета избрали стандартный греческий для транслитерации, руководствуясь общими для международной стандартизации правилами: 1) использовать официальные языки государства (в случае Кипра – это греческий и турецкий); 2) государства, использующие один и тот же официальный язык, должны пользоваться одной системой транслитерации. Исключение кипрского греческого из процесса транслитерации топонимов привело к протестам со стороны жителей тех населенных пунктов, наименования которых включали приведенные выше фонемы, поскольку учреждало незнакомые для них по звучанию варианты топонимов как официальные (прибрежное село Лачи, например, стало называться на греческо-пелопонесский манер как Лакки). К тому же, из-за трактовки этих фонем как влияния турецкого языка, весь процесс стандартизации топонимов стал восприниматься как попытка очищения кипрского греческого от турецких влияний (*Mavratsas* 1998).

Дебаты относительно орфографии топонимов разворачивались не только в прессе, но затронули и кипрский парламент, как и некоторые министерства и правительственные учреждения. Только за два года, когда они достигли пика (1994–1995), в местных газетах им было посвящено более двухсот публикаций, при этом правые газеты (например, *Симерини*) открыто поддерживали стандартизацию (и, стало быть, эллинизацию киприотского греческого), преувеличивая турецкую угрозу; центристы (*Филолефтерос*) не пытались занять одну из сторон, хотя и квалифицировали защитников местной нормы как популистов; а левые (например, *Харавги*) открыто

поддерживали противников стандартизации (*Georgiou* 2010: 144–145). Топонимические дебаты продемонстрировали типичное для Кипра противостояние сторонников эллинизации и кипритизации, и, соответственно, этнического и гражданского национализма, характерное для многих эпизодов его политической истории. Такого рода противостояния вообще типичны для многонациональных государств, и многие конфликты в современной России, в том числе языковые, как, например, недавние попытки некоторых татарских и башкирских активистов оспорить конституционное право учеников и их родителей выбирать язык обучения, также могут анализироваться в контексте соперничества этих двух моделей государственного устройства.

2. Киприото-турецкий и анатолийский варианты турецкого языка

Турецкое население Кипра стало формироваться в те времена, когда он входил в состав Османской империи. Турки захватили остров в 1571 г., и он оставался в их владении вплоть до 1878 г., когда они в обмен на обещание защитить османов от российских нападений на восточные провинции отдали остров под британское управление. За захватом последовало переселение (известное как *ıırgın*, или депортация) крестьян, главным образом, из центральной Анатолии, преследовавшее цели создания верноподданного населения на завоеванной территории, освоение дополнительных пахотных земель и устройство излишков сельского населения в тех областях внутренней

Анатолии, где таких земель не хватало. Султанский эдикт 1571 г. описывал это переселение в следующих словах:

Поскольку захват и военные действия причинили разрушения на острове, почвы которого пригодны для пахоты и плодородны, необходимо обеспечить их возделывание и восстановление городов и сел... (*İnalçik* 1997: 27).

Перепись населения 1832 г., содержащая сведения о вероисповедании, зафиксировала 198 деревень христиан, 92 – населенных мусульманами и 172 смешанных (*Kızılyürek* 2001: 20). Христианские миллеты облагались специальным налогом – *sızıe* – обстоятельство, из-за которого которому некоторые греческие семьи для снижения налогового бремени перешли в мусульманство.

Формирование постоянного турецкого населения, которое после перехода острова под британское управление обрело собственный вектор развития, отразившийся и в языковых процессах, относится к османскому периоду. Отделение от Турции исключило впоследствии участие турок-киприотов в националистических языковых реформах Ататюрка, в результате чего разговорный киприото-турецкий сохранил множество иранских, арабских и греческих влияний и заимствований (не только в лексике, но и в морфологии), которые отсутствуют в современном стандартном турецком или анатолийском. Кипро-турецкий национализм развивался как реакция на стремление греков-киприотов к объединению с Грецией. Свое влияние оказал также и т.н. “критский синдром” – объединение Крита с Грецией в 1912

г., которое имело следствием депортацию всего мусульманского населения этого острова в Турцию. Опасения турок-киприотов усилились также после вторжения армии Греции в Малую Азию в 1922 г. Попытки силового решения “кипрского вопроса” в 1950–70 гг. привели к погромам в отношении турецкой общины в Никосии (1963) и уничтожению населения ряда турецких деревень (1964), подвергшихся нападениям бывших членов ЭОКА (*Eθνική Οργάνωσις Κυπρίων Αγωνιστών*) при участии греческой полиции (*Crawshaw* 1964: 340).

Конфликт 1974 года привел к выселению греков с северной части острова (около 160 тыс. чел., а по некоторым оценкам – до 200 тыс. чел.) и перемещению турок из поселений юга и запада острова на его северную, оккупированную Турцией часть (около 40 тыс. чел.), что надолго прервало коммуникацию между общинами и ослабило межъязыковые контакты. В 1983 году турецкая часть провозгласила независимость, образовав т.н. Турецкую Республику Северного Кипра (*Kuzey Kıbrıs Türk Cumhuriyeti*), которую на сегодняшний день признает лишь Турция; два государства – Бангладеш и Пакистан, первоначально признавшие Северный Кипр, вскоре подчинились резолюции Совета Безопасности ООН №541 от 18.11.1983 и дезавуировали признание.

Единственным официальным языком непризнанной республики Северный Кипр является т.н. анатолийский или стандартный турецкий, общий для Турции, Северного Кипра и относительно небольших групп населения в Болгарии, Македонии и Греции. В основе стандартного турецкого лежит стамбульский диалект, а его графическая

основа была изменена с арабского письма на латиницу в 1928 г. в результате реформ Мустафы Кемалю Ататюрка, направленных на модернизацию образования. В этот же период язык был подвергнут пурификации за счет исключения персидских и арабских заимствований (Lewis 1999). Стандартный турецкий является официальным языком образования и единственным, используемым для письма в системе образования Северного Кипра.

Языковая политика турко-кипрской элиты с 1920-30-х годов развивалась под влиянием Турции в русле кемалистских реформ. Языковая реформа играла важную роль в нациестроительстве нового секулярного турецкого общества и его борьбе с османским прошлым и мусульманской культурой. В 1928 г. турецкое движение “Чистый турецкий язык” (*öz Türkçe*) стало частью секуляризационной политики кемалистского режима. В 1928 г. был создан комитет по латинизации алфавита. В июле 1932 г. сразу после проведения I турецкого исторического конгресса Ататюрк поддержал создание Общества исследований турецкого языка (*Türk Dili Tetkik Cemiyeti*, позднее *Türk Dil Kurumu*), целями которого стал систематический сбор турецкой лексики, выработка морфологических принципов образования новых слов из турецких корней и замена всех иностранных слов и заимствований исконными турецкими. Уже в сентябре 1932 г. Общество начало публиковать ежедневно пополняемые списки новых слов, предлагаемых для замены арабских и персидских заимствований (Perry 1985: 298–299). В 1933 г. в каждой из провинций были организованы комитеты для сбора местных слов,

состоящие из местных чиновников, школьных учителей и военных под председательством губернаторов или их заместителей. К июлю 1934 г. более 130 тыс. записей таких слов были доставлены в Анкару, где ученые анализировали старые тексты и имеющиеся словари. В итоге было отобрано 7 572 корней (Lewis 1985: 107). Языковая коренизация была дополнена мерами по вытеснению арабского и персидского: в 1929 г. было запрещено их преподавание в школах, а с 1931 г. читать Коран разрешалось только на турецком, а не на арабском, что являлось ересью для правоверных мусульман, поскольку Магомед получил его от Аллаха на избранном языке (Calvet 1999: 191).

Финансовая поддержка турецкого консула в Никосии позволила туркам-киприотам реализовать многие элементы кемалистской языковой реформы и на Кипре. Например, известный киприотский почитатель Ататюрка, владелец газеты *Söz* Ремзи Окан уже в 1931 г. привез из Стамбула шрифты и стал издавать свою газету на латинице. Другие газеты вскоре последовали этому примеру, и хотя британская администрация не поддерживала кемалистских реформ на Кипре, к латинизации алфавита и языковой реформе она отнеслась благосклонно, благодаря чему из Турции стали поступать учебники, литература и учителя, однако из-за восстания греков-киприотов против британской власти правительство вскоре прекратило все контакты киприотов как с Грецией, так и с Турцией. Значительная часть турок-киприотов не успела овладеть новой письменностью, и в 1930-е гг. был период, когда газеты на турецком вообще

перестали пользоваться спросом и выходить в свет. Языковая реформа также не стала достоянием большинства в турецкой общине и получила свое дальнейшее развитие лишь в годы после II Мировой войны, когда британская администрация стала поощрять контакты турок-киприотов с Турцией, чтобы создать противовес движению греков к объединению с Грецией (*Kızılyürek, Gautier-Kızılyürek* 2004: 44).

Турция стала проявлять свой стратегический интерес к Кипру в 1950-е гг., когда движение греков за его объединение с Грецией достигло своего апогея. Турецкая община Кипра реагировала на эти события консолидацией, сближением с Турцией и политизацией идентичности, которая прежде была скорее языковой и религиозной, нежели этнической. Именно в это время в ответ на устремления греков-киприотов в турецкой общине возникла идея территориального разделения острова. Значительная часть этой общины была двуязычной, поскольку доля турок никогда не превышала четверти населения острова. Помимо этого, как уже упоминалось выше, поскольку часть христиан перешла в мусульманство, сохранив родной греческий язык, небольшая часть турецкой общины – около пяти процентов – вообще не знала турецкого языка. В 1958 г. в турецкой общине стартовала кампания “Гражданин, говори по-турецки!” (*Vatandaş Türkçe Konuş!*), принуждавшая турок-киприотов использовать в быту только турецкий язык. Языковая унификация со стандартным турецким выступала как эффективный инструмент турецкого национализма и превращения турок-киприотов просто в турок, живущих на Кипре. В этом же году Молодежная организация турок-

киприотов начала кампанию по обучению турецкому всех тех членов общины, кто его не знал, – а те, кто от такого обучения отказывался, подвергались преследованиям (*Nesim* 1999: 11). Некоторые киприоты начали поступать в турецкие университеты. Именно в этот период более широкие массы турок-киприотов получили представление о стандартном турецком языке. В это же время многие старые названия сел, в которых жили турки-киприоты, обрели новые турецкие имена. Тем не менее, местный диалект, впитавший множество заимствований из греческого, сохранил черты этого влияния в лексике, фонетике, синтаксисе и фразеологии, хотя и стал рассматриваться как деревенский и утратил былой престиж, став языком домашнего и неформального общения.

После турецкой оккупации и разделения острова идеология чистого турецкого языка (*öz Türkçe*) еще более укрепилась, а фактическое разделение острова обосновывалось идеологически за счет отказа от кипрской идентичности в пользу турецкой. По словам тогдашнего лидера турок-киприотов: «Мы просто турки, живущие на Кипре... Мы не можем говорить о Турции и Кипре как о “них” и “нас” – мы единое целое» (газета *Ortam*, 13.11.1995). Турецкие телевизионные каналы и газеты распространились на территорию Северного Кипра и усилили связи его населения с Турцией. Правительство Турции активно поощряло своих граждан к переселению на остров, в результате чего десятки тысяч анатолийских турок, а также некоторое число лазов и курдов, не выделяемых в Турции в отдельные этнические категории, но причисляемых к туркам, были натурализованы

правительством Северного Кипра в качестве граждан этой непризнанной республики (в целом от 35 до 60 тыс. чел.). Точное число переселенцев, вопреки данным переписи 2006 года, назвавшей цифру в 101 тыс. чел., остается закрытой информацией, а оценки постоянно меняются в сторону более высокой численности. Массовое присутствие материковых или анатолийских турок и политические ориентации значительной части населения Северного Кипра на Турцию как страну происхождения и “материнскую” державу заставляет рассматривать местные языковые процессы и политику идентичности в контексте аналогичных процессов в Турции. Во всяком случае, хотя этот внешний фактор не действует прямолинейно, его учет при интерпретации языковых и политических процессов в самопровозглашенной республике представляется обязательным.

Прямой контакт с переселенцами сделал очевидными культурные различия между анатолийскими турками и турками-киприотами. Не последнюю роль в осознании этих различий сыграла разница в используемых повседневно теми и другими лингвемах. Оказалось, что религиозность и мировоззрение переселенцев преимущественно из сельских местностей Анатолии выглядели более отсталыми и “нецивилизованными” на фоне светской культуры киприотов, которых материковые турки, в свою очередь, воспринимали как “грешников”, переставших быть турками под влиянием греков и Запада (*Ladbury* 1978: 321). При этом стандартный турецкий навязывался в школах как престижный и правильный язык по сравнению “плохим турецким” исконного населения (*Caner* 1996: 73),

что не могло не создавать комплекс неполноценности у носителей турко-киприотского диалекта. Отчасти этот комплекс отражается в местных телепрограммах (таких, например, как “Кипрский театр” и “Кипрские скетчи”), герои которых часто изображаются необразованными деревенскими простофилями.

Реакцией турок-киприотов на презрительное отношение к их диалекту стало его культивирование и отношение к тем из местных, кто и в быту переходит на стандартный турецкий, как к ведущим себя претенциозно выскочкам (интервью с хозяйкой гостиницы в турецкой части Никосии, октябрь 2017). Диалект, таким образом, приобрел символическое значение для коренного населения острова. Кроме того, кипрский вариант турецкого сохраняется среди выходцев из Кипра в Австралии, Великобритании и Канаде (*Kızılyürek, Gautier-Kızılyürek* 2004: 51). Необходимо отметить, что во времена британского правления, в то время как редкие греки-киприоты знали турецкий, почти все турки были билингвами, владея также и греческим. Это знание сохраняется среди них и теперь. Осознание особенностей своей культуры и речи способствует сдвигу самосознания турок-киприотов к его местным кипрским элементам, и если до 1974 г. преобладало сознание турецкости и связей с Турцией, сегодня турки-киприоты подчеркивают свою причастность к культуре Кипра и его истории. Существенным фактом, отражающим рост местного самосознания, является объединение более сорока организаций турок-киприотов в общую политическую капанию с лозунгом «Это наша страна!», которому

турецкие националисты противопоставляют лозунг «Эта страна принадлежит турецкой нации!» (*Kızılyürek, Gautier-Kızılyürek* 2004: 44).

Как и в южной части острова, образование является обязательным до возраста 15 лет и включает пять лет начальной школы (*ilkokul*) и три года средней школы (*ortaokul*), за которыми может последовать три – четыре года обучения в лицее, в зависимости от типа заведения (CTES 2005). Существует также система государственных и частных колледжей (*kolej*) с шестилетней программой обучения, дипломы которых эквивалентны лицейским (*Yaratan* 1998: 613). До 2009 г. поступление в колледж проходило на конкурсной основе по результатам экзаменов, которые впоследствии были отменены. В 2004 г. Министерство образования и культуры Северного Кипра инициировало реформу системы образования, включив в него сведения о местной культуре (до этого школьников знакомили только с культурой Турции – (интервью с учителем средней школы, октябрь 2017, Сев. Никосия), однако эти начинания левого правительства продержались лишь до 2009 г. Языком образования, судов, правительственных организаций и медиа остается стандартный турецкий, однако, начиная с уровня колледжа, языком образования становится английский. Киприото-турецкий обычно используется лишь в неформальных ситуациях. Турецкий используется в медиа и на юге острова (например, TV-канал RIK2 выпускает по рабочим дням 10-минутную новостную передачу, репортажи и ролики по истории и достопримечательностям Кипра на

турецком; канал Extra включает в программу киносериалы на этом языке по будним дням).

3. Английский язык

Описание ситуаций доминирующих языков остается существенно неполным без учета влияния актуального положения языка бывшей метрополии – английского. Как бывшая британская колония (1878–1960) Кипр продолжает находиться в орбите влияния Великобритании: помимо военных баз на его территории, это влияние ощущается в наличии значительного числа т.н. экспатов – британских граждан, постоянно проживающих на Кипре, а также в том, какое место в системе образования продолжает удерживать английский язык. Вплоть до 1995 г. английский оставался языком судов всех инстанций и государственных служб, а переход на стандартный греческий был связан со значительными трудностями в силу того обстоятельства, что судебная система Кипра была выстроена по британскому образцу, что препятствовало простому заимствованию юридической лексики из правовой системы Греции.

В начальный период британского правления, когда английский был введен в качестве обязательного предмета школьного обучения, лишь одна из греческих гимназий увеличила часы его преподавания для того, чтобы получать соответствующую правительственную поддержку (*Gregoriou* 2004, *Rappas* 2008). Сегодня ситуация изменилась, и статус английского в системе образования существенно вырос.

Английский в системе государственного образования начинал преподаваться с четвертого класса начальной

школы в объеме двух часов в неделю. Школьники старших классов в лицеях имели возможность заниматься английским дополнительные 4-6 часов. Новая программа обучения, внедряемая с 2011 г., предполагает расширение объема преподавания английского с началом обучения ему уже на уровне детских садов, а также включением английских мини-уроков в программы обучения другим предметам (МОЕС 2011). Существует также множество частных курсов английского языка для всех уровней образования, и большинство школьников на юге острова, помимо школьных занятий, занимается языком дополнительно. Число частных школ продолжает расти, и в некоторой их части языком образования является английский, а не стандартный греческий. Студенты этих заведений часто имеют целью продолжение образования в Великобритании (интервью с учителем лицея, Никосия, октябрь 2017).

В 1990-е гг. греческие средства массовой информации вели кампанию за чистоту кипрского греческого, против массовых англоязычных заимствований. Одной из арен дискуссий стала топонимика (англоязычные версии наименований населенных пунктов vs. их греческие аналоги). Другой – использование английского алфавита на номерных знаках автомобилей. Разногласия по поводу топонимики пока не привели к однозначной победе сторонников их нативизации (Никосия, например, так и не стала Лефкосией), в то время как в случае с автомобильными номерами было найдено остроумное решение: выдавать новые только с теми буквами, написание которых совпадает в греческом и латинском (Рис. 1).

Английский эпизодически используется местными TV-каналами, однако его доля сокращается. В 2017 году, например, выходившие прежде по-английски *EuroNews* стали исключительно грекоязычными. Все местное новостное вещание также ведется на греческом (впрочем, на TV-канале *PIK2* существуют новостные выпуски на турецком и английском). Ряд крупных газет (например, "*Cyprus Observer*", "*The Cyprus Reporter*", "*Cyprus Telegraph*", "*Financial Mirror*", "*Cyprus Property News*") продолжают выходить на английском.

На севере острова английский начинает преподаваться как предмет с первого класса: в начальной школе – ознакомительный этап (разучивание песен, стихов); с третьего класса – три часа занятий еженедельно; в четвертом и пятом классах – пять часов в неделю; в средней школе, начиная с шестого класса – по шесть часов в неделю. Обучение в колледжах проходит уже на английском языке, хотя и после шестого класса (после реформы образования 2005 года) ученики с хорошей успеваемостью могут выбрать изучение математики, истории и географии на английском языке (интервью со школьной учительницей, северная Никосия, октябрь 2017). Большая часть школьных учебников привозится из Турции.

4. Доминирующие языки и дебаты в сфере образования

Система образования нередко становится ареной языкового соперничества и конфликтов, поскольку остается важнейшей сферой государственной языковой политики, в рамках которой у подрастающего поколения формируются языковой репертуар и отношение к другим языкам.

Конституция Республики Кипр не содержит положений, регулирующих языковую политику в отношении доминирующих языков, и в государственном аппарате управления обеих конституционных общин острова – греческой и турецкой – нет органов, ответственных за языковое планирование. Основным агентом изменений в этой области являются органы образования, которые еще в период британского колониального правления были отдельными, то есть автономными институтами соответственно греческой и турецкой общин, или в терминологии того периода – православной и мусульманской, соответственно (*Gregoriou* 2004: 251; *Rappas* 2008: 372). Сегодня раздельность систем образования в результате политического разделения Кипра еще более усугубилась. В период британского правления существовала политика поддержки и укрепления позиций английского языка, в результате которой администрация и судебная власть опирались главным образом на соответствующие англоязычные терминосистемы, хотя никаких радикальных мер по переводу всего официального делопроизводства на английский язык не предпринималось.

По оценкам экспертов, в результате конфликта между греческой и турецкой общинами политика Республики Кипр в сфере образования оказалась эллиноцентричной и практически во всем следовала в русле реформ образования в Греции (*Philippou 2007*). Так, например, когда в начале 1980-х гг. в Греции пришли к власти социалисты и начались попытки реформирования системы школьного образования, кипрские власти предприняли аналогичные шаги, приняв разработанную в Афинах расписание (сетку часов и набор предметов). До этой реформы такие сферы языковой подготовки как чтение, сочинение/письмо и грамматика трактовались как отдельные предметы, при этом грамматика считалась базовой дисциплиной, помогающей ученикам развить навыки чтения, письма и говорения и устранить возможные ошибки (*Charalambopoulos 1999*). Этот традиционный подход к обучению языку с упором на овладение формальными грамматическими структурами в результате дебатов был сменен преподаванием с фокусом на коммуникативные модели и умения. По мнению некоторых из моих собеседников, отмена преподавания формальной (вне контекста реальных коммуникативных ситуаций и стилей) грамматики имела тот недостаток, что учащиеся не получали систематических представлений о грамматическом строе языка и его богатстве, в результате чего обеднялись их способности к коммуникации, в особенности – письменной. Так, Андреас Пашалидес, представитель в ЕКРН от Кипра, преподающий конституционное право на юридическом факультете университета Никосии, показывая мне дипломные работы, испещренные его исправлениями, говорил, что из-

за отсутствия прежнего образования с многолетним освоением сложных глагольных форм письменный язык сегодняшних студентов изобилует ошибками, и местами написанные ими тексты оказываются совершенно непонятными (интервью в Никосии, октябрь 2017), а окончившая школу в 1973 г. служащая одного из местных банков, на мой вопрос, преподавалась ли грамматика как отдельный предмет во время ее школьного обучения, не только ответила утвердительно, но и добавила, что нынешнее поколение из-за отсутствия такого предмета не только «не умеет писать, но и плохо говорит» (интервью в Пафосе, сентябрь 2017).

Серия учебников греческого по новой методике, уделявшей особое внимание устным формам и получившая название “Мой язык” (*Η Γλώσσα μου*), стала, однако, основой преподавания греческого в начальной и средней кипрских школах только с 1986 г. (она использовалась до 2006 г.). До этого периода, начиная с 1974 г., экономика и социальная ситуация Кипра значительно ухудшились в результате военного конфликта с Турцией, и в сфере образования произошел поворот к его “кипритизации”, поскольку греки-киприоты почувствовали себя оставленными Грецией. Это выразилось в создании антологии кипрской литературы для школьных библиотек и спорадическом использовании кипрского греческого (а не стандартной эллинской нормы) учителями в классах. Тем не менее, произошел переход на демотику, и постепенно роль Греции как источника образовательных стандартов восстановилась. Этому способствовали не только страх утраты греческой идентичности в отрыве от основного массива

грекоговорящих, но и приход в 1993 г. к власти правого правительства с новым министром образования, взявшим курс на восстановление связей с министерством образования Греции и эллинизацию кипрской школы.

В отношении грамматики упомянутая новая серия учебников по родной речи пыталась добиться “органического включения” грамматических форм в учебные тексты, а грамматические правила давать через примеры устной и письменной речи, а не за счет формального освоения определений частей речи, форм склонения и спряжения и освоения специальной лингвистической лексики (*Karantzola* 2000). Проведенный спустя 17 лет (1991) после внедрения новых учебников опрос учителей показал, что они поддерживают возвращение уроков грамматики в школьное расписание и не вполне освоили методы обучения в коммуникативно-ориентированной программе (*Charalambakis* 2005).

Следующая реформа школьного образования стартовала в Греции в 2003 г., когда было введено т. н. “единое междисциплинарное расписание” (*Διαθεματικό Ενιαίο Πλαίσιο Σπουδών*), через некоторое время принятое и в школах Кипра. Оно сохранило упор на устную речь и практические языковые компетенции (*Tsiplakou* 2007), что в случае школьного образования на Кипре дало возможность использования в классах не только современного стандартного греческого, но и кипрского греческого. В соответствии с заявлением Министерства образования и культуры:

Школьники должны получить полный обзор структуры стандартного греческого и кипрского греческого (фонетики и фонологии, морфологии, синтаксиса) ... чтобы представлять, что различные грамматические формы выполняют особые лингвистические функции в зависимости от жанра и коммуникативной ситуации, знать структурные сходства между стандартным и кипрским греческим, быть способными к анализу смешанных текстов, возникающих в результате переключения кодов в таком многоязычном и мультикультурном обществе как кипрское (МОЕС 2010: 2).

Учителя и школьные инспекторы сомневались в возможностях обучения слабо кодифицированному кипрскому греческому, поскольку для этого нужны были учебные пособия и стандартизованная орфография. С публикацией “Граматики современного кипрского греческого” (*Tsiplakou et al.* 2012) эти опасения были отчасти рассеяны.

Для рассматриваемой в этой статье темы важно понимать, что политика в сфере образования с ее чередованием периодов “эллинизации” и “кипритизации” программы обучения вариантам греческого отражает борьбу двух моделей национализма в греческой общине острова – этнической панэллинской, связанной с идеей эносиса, с одной стороны, и модели гражданского национализма, подчеркивающего автономию и самостоятельность Кипрской республики, с другой.

ЯЗЫКИ МЕНЬШИНСТВ

До недавнего времени к языкам меньшинств на Кипре лингвисты относили три языка – кипрский (маронитский) арабский, западно-армянский и цыганский (курбеча или гурбеча; Kurbetcha/Gurbetcha Romani). Международные обязательства у правительства существовали первоначально – на момент ратификации Европейской языковой Хартии (2002 г.) – только в отношении армянского языка. В ноябре 2008 г. к перечню языков, в отношении которых принимались обязательства по их государственной защите и поддержке добавился маронитский арабский. Рассмотрение вопроса в отношении курбеча было отложено до V периодического доклада по Кипру в рамках механизма Хартии после проведения специального исследования. Мониторинговая миссия ЕКРН (май 2016 г.), в состав которой входил автор этой статьи, также рекомендовала правительству получить более надежные сведения о численности цыган на подконтрольной ему территории, поскольку в переписи не было зафиксировано ни одного человека, назвавшего этот язык своим первым языком.

Помимо этих языков, эксперты IV мониторинговой миссии в рамках Европейской языковой Хартии (2014 г.) отметили, что поскольку турецкий (несмотря на конституционные гарантии) на подконтрольной правительству территории фактически находится в ситуации языка меньшинства, сведения о его носителях и языковой ситуации необходимо включить в очередной доклад в рамках отчетности по обязательствам правительства в отношении языков меньшинств.

5. Маронитский арабский

Наиболее распространенными версиями этнического происхождения маронитов является финикийско-арамейская и мардаитская, связывающая их с воинственным народом, обосновавшимся в горных районах Сирии в IV в. и выселенным оттуда в Малую Азию и Пелопоннес в конце VII в. (Родионов 2016: 29-30). Историки полагают, что маронитские поселения появились на Кипре в результате четырех миграционных волн, первая из которых датируется VIII веком, вторая – X, третья – началом XII и четвертая – концом XIII в. Поначалу многочисленная и составлявшая население около 60 деревень, эта группа населения в результате притеснений и преследований в период Оттоманской империи сократилась до 4 500 чел., проживавших в четырех населенных пунктах. Все эти поселения находятся в северной части острова и до недавнего времени были недоступны для маронитских беженцев, переселившихся в результате конфликта 1974 г. в его южную часть в качестве беженцев от турецкой оккупации 1974 г. (Hourani 1998).

Несмотря на изначальное проживание в основном среди турецких поселений острова, марониты выбрали аффилиацию с греческой общиной. Они признаны конституцией Кипра как особая конфессиональная группа. Кипрский арабский маронитов, именуемый ими санна (“наш язык”), используют сегодня лишь около 900 чел. (понимает этот язык около 1 200 чел.) из приблизительно шести тысяч членов маронитской католической церкви. В результате длительной изоляции от основного массива арабоязычного населения маронитский арабский, иногда

именуемый также кипрским арабским, приобрел ряд уникальных черт и непонятен носителям классического арабского или его локальных вариантов, использующихся в странах арабского мира (*Tsiapera* 1969: 1), в том числе – в Ливане, Ираке и Сирии, откуда марониты первоначально мигрировали на остров. В июле 2017 г. правительство Кипра инициировало программу финансовой поддержки репатриации маронитов в деревни их происхождения на севере острова; 150 человек уже подали заявки на финансовую помощь при переселении в Кармакитис – самую крупную из четырех маронитских деревень на севере острова. Инициатива была поддержана и правительством Северного Кипра, где решение о собственности маронитов на свои земли были принято еще в 2005 г. Турецкие военные, части которых расквартированы в некоторых из этих поселений, согласились с планом репатриации маронитов в случае с. Кормакидис (*Cyprus Mail* 13.08.2017). Аналогичные решения принимаются сейчас в отношении другой маронитской деревни – Аيي Марины, где недавно была восстановлена маронитская церковь и начинаются работы по восстановлению кладбища. Отремонтирована и церковь в другом маронитском селе – Карпаше (*Cyprus Mail*, 27.07.2017).

Среди всех языков острова маронитский в наибольшей степени пострадал от последствий конфликта 1974 г., рассеявшего прежде компактные группы говорящих на этом языке, находившиеся в северной части острова, по многим поселениям его южной части. Например, в Кормакидисе (Киренея) до 1974 года все дети дошкольного

возраста не знали греческого и говорили исключительно на родном языке; теперь же в этом селении остались только пожилые люди, и язык оказался под угрозой исчезновения. На основании работ лингвистов этот язык в 1993 г. был включен ЮНЕСКО в Красную книгу вымирающих языков.

Численность маронитов до раздела Кипра по данным британского Департамента статистики и исследований (Frangeskou, Hadjilyra 2012: 16)

Годы	1881	1891	1901	1911	1921	1931	1946	1956	1960
<i>Районы</i>									
Никосия	113	177	150	153	223	364	504	677	798
Лимассол	68	82	65	16	44	95	51	63	102
Фамагуста	10	91	22	14	12	7	11	60	33
Ларнака	27	81	101	11	14	35	7	23	18
Пафос	--	6	--	--	11	6	--	4	7
Киренея	612	694	792	879	1046	1197	1510	1618	1794
Всего	830	1131	1130	1073	1350	1704	2083	2445	2752

Маронитский арабский сохранил многие характеристики древнего и средневекового арабского. Другим источником его своеобразия стало многовековое влияние греческого и арамейского – языка вероисповедания маронитов. В 2007 г. мальтийский лингвист Александр Борг разработал и предложил специальный алфавит для записи и кодификации этого исчезающего языка. В октябре 2008 г. правительство Кипра признало маронитский в качестве языка меньшинства в рамках Европейской языковой Хартии и взяло обязательства по его сохранению. Для выполнения этой задачи Министерство образования и культуры создало специальный экспертный комитет.

Маронитская неправительственная организация *Hki Fi Sanna* («Говори на своем языке!») ставит своей задачей ревитализацию кипрского маронитского за счет создания специального сайта, языковых программ и объединения маронитских культурных сообществ для решения этой задачи. Деятельность этих сообществ и привело в итоге к правительственному признанию маронитского в качестве языка меньшинства, что позволяет получать государственную поддержку и ввести язык в школьную программу.

Правительство Кипра построило в Никосии начальную школу для детей-маронитов, в которой помимо стандартного образования они обучаются основам своей культуры. Кипро-маронитский арабский преподается на уровнях подготовительных дошкольных занятий (около 15 детей) и начальной школы (80 учеников), поскольку необходимые учебные материалы для школьников старших возрастов пока еще не разработаны. Отсутствуют и соответствующие курсы по подготовке учителей. Правительство обеспечивает финансовую поддержку программы ревитализации языка (т.н. *Sanna Project*), включая организацию летних лагерей с языковыми классами в селе Кормацитис, где этот язык пока еще используется в быту. Продолжается научная работа по изучению и стандартизации этого языка. В частности, были приглашены исследователи для проведения интервью и сбора информации среди кипрских маронитов для кодификации языка. На эти цели в 2012 г. было выделено 7 758 евро.

6. Западно-армянский язык

Согласно результатам переписи 2011 года на территории, подконтрольной правительству Республики Кипр, проживал 1 831 чел., заявивший о принадлежности к армянскому меньшинству, из них 668 назвали армянский своим первым языком. Во время встречи с лидерами армянской общины членов мониторинговой миссии, работавшей над IV докладом в рамках механизма Хартии (апрель 2014 г.), последние заявили, что число учеников, изучающих армянский, позволяет утверждать, что число говорящих больше, чем показала перепись.

Обязательства, взятые правительством в отношении армянского языка, выражаются в финансовой поддержке сети школ *Nareg* с преподаванием этого языка, введения курсов обучения армянскому в Кипрском университете и информированию дисперсно расселенных членов армянского сообщества об этих возможностях. Поддержка осуществлялась даже во время финансового кризиса, повлиявшего на банковскую систему страны и финансирование многих правительственных программ. Система школ *Nareg* охватывает урони детских садов, начальной и средней школ (уровень гимназии), в которых обучалось более 200 учеников, включая обучение армянскому языку, истории, географии, искусству, религии и основ математики на армянском языке.

Подготовка учителей осуществляется при сотрудничестве с ливанским университетом Айгазяна в Бейруте. Более двадцати учителей прошли подготовку на курсах по методике преподавания армянского, организованных с

помощью ливанских специалистов. Помимо этого, Кипрский университет в Никосии предлагает два курса армянского языка на разных уровнях обучения (по 150 часов каждый). Планируется создание кафедры армяноведения при поддержке Ереванского университета. Курсы армянского существуют и при Центре обучения взрослых в Никосии. Все эти курсы субсидируются правительством за счет средств Министерства образования и культуры.

Радиовещательная корпорация Кипра организует ежедневную часовую программу на армянском языке с освещением новостей культуры и текущих событий. На армянском издается также ежемесячный журнал *Artsakank* (интервью с сотрудником Комитета по радио и телевидению Хрисо Пантопиу, Никосия, октябрь 2017).

7. Цыганский (курбеча или гурбеча)

В мае 1989 г. Совет Европы принял резолюцию об обеспечении школьного образования для цыган и “путешествующих” (*Travellers* – группа кочевников в Ирландии и Великобритании, отличающихся по происхождению от рома/синти). В 1993 г. Парламентская Ассамблея Европарламента одобрила рекомендацию относительно цыган в Европе как нетерриториального меньшинства. Фактор расселения (ареал романи в качестве родного или материнского языка в Европе оказывается самым большим среди всех остальных европейских языков, включая английский) содействует диалектному дроблению языка, поскольку его контакт со множеством других европейских

языков приводит к возникновению большого количества региональных вариантов, что, в свою очередь, мешает становлению стандартной наддиалектной нормы и не позволяет создать единую серию словарей или учебников, хотя Всемирный конгресс цыган еще в начале 1990-х гг. предложил универсальную письменность, на которой издаются несколько газет и публикуются книги. Вместе с тем, в ряде стран (например, в Венгрии, Словакии, России и Финляндии) используются также собственные региональные алфавиты и принципы транслитерации.

Первые упоминания о цыганах (рома) на Кипре датируются 1468 г. (*Kenrick* 2010: 49). Современная численность цыган неизвестна, поскольку на территории, подконтрольной правительству Республики Кипр, местных цыган зачастую причисляют к туркам, так как они со времен британского правления были ассоциированы с турецкой общиной. Помимо этого, некоторое число цыган из других стран Европы нелегально иммигрировали на остров через его северную часть. По некоторым оценкам общая численность цыган, включая северную и южную части составляет 4 000 чел. (*Ibid.*: 227). По другой оценке, очевидно, относящейся только к южной части страны, их численность оценена в 650 чел., 90% из которых говорят на своем диалекте (*Bakker* 2000). В греческой части острова местные цыгане известны под именами *Yieftos* (египтяне) и *Tsignos* (от: *atsingani*); на турецкой как *Gurbet* или *Çingan*. Большая часть цыган на турецкой стороне живет в районе г. Гюзельюрт, в центре региона, где собирается много оливок.

Традиционными занятиями носителей местного цыганского диалекта курбетча (гурбетча – по всей вероятности от гурбет, одной из групп цыган Южной Европы) были торговля ювелирными изделиями, поясами и ослами, а также помощь при сборе урожая оливок и стручков рожкового дерева на севере и винограда – на юге острова. Из-за дискриминации, особенно остро проявляющейся в отношении цыган в северной части, в 1994 г. возник конфликт, когда более 350 членов цыганской общины подали прошение об убежище в Великобритании (как бывшие граждане Британской империи, часть которых имела родственников на территории этой страны), но не получили его. В это же время некоторые турецкие авиакомпании отказывались продавать билеты цыганам на том основании, что последние «наносят ущерб репутации Турции» (Kenrick 2010: 227).

Курбетча пока не попал под защитные нормы Европейской языковой Хартии, хотя ее мониторинговые миссии в каждом из визитов указывали правительству на такую необходимость, поскольку младшее поколение кипрских цыган подвержено языковой ассимиляции и переходит на турецкий или греческий.

8. Языки мигрантских сообществ

Вавилонизация Европы, по известной фразе Умберто Эко, выражающаяся в стремительном росте числа языков, на которых говорят мигранты, отразилась и на языковом составе населения Кипра (появление значительных по количеству сообществ трудовых мигрантов из Филиппин,

Вьетнама, сезонных рабочих из Египта, Болгарии, Румынии, Украины и других стран). Так, по данным последней переписи населения на момент ее проведения на Кипре проживало около 180 тыс. выходцев из других стран, подавляющую долю которых (112,4 тыс. чел.) составляли граждане государств Европейского Союза, в том числе более 31 тыс. граждан Греции, 26,7 тыс. чел. из Соединенного Королевства, более 24 тыс. чел. из Румынии, 19,2 тыс. чел. из Болгарии, около 3 тыс. чел. из Польши, более тысячи – из Германии. Среди выходцев из третьих стран лидировали филиппинцы (9,7 тыс. чел.), россияне (8,7 тыс. чел.), ланкийцы (7,4 тыс. чел.) и вьетнамцы (7,1 тыс. чел.). Относительно немногочисленные группы составляли сирийцы (3,2 тыс. чел.), украинцы (3,1 тыс. чел.), индийцы (около 3 тыс. чел.), грузины (2, 1 тыс. чел.). Остальные категории гражданства (около 23 тыс. чел.) не превышали тысячу человек каждая.

Первыми иммигрантами, въехавшими сразу после либерализации миграционного законодательства страны в начале 1980-х гг., когда были введены временные иммиграционные рабочие визы, стали филиппинцы, ланкийцы, кампучийцы и вьетнамцы. В конце 1980-х – начале 1990-х гг. за ними последовали болгары, поляки и румыны. Однако особенный рост численности мигрантских языковых сообществ произошел вследствие вхождения Кипра в состав Европейского Союза в 2004 г., открывшего возможности экономической миграции на Кипр гражданам его государств-членов. Присутствие детей из семей мигрантов в системе образования республики создало потребность во внедрении мульти-

культурной компоненты в образование и обучении греческому как иностранному.

Некоторые общины при поддержке своих правительств или на собственные средства организуют частные школы и курсы с преподаванием родных языков для детей, постоянно проживающих в стране. Например, такие школы есть у болгар (в Полисе) и русских (в Пафосе и Лимассоле). По данным Министерства образования и культуры (сведения на 2009 г., позднее такие исследования не проводились), доля детей-иностранцев в начальных школах Кипра не превышала десяти процентов (интервью с сотрудником министерства, Никосия, май 2016).

Наиболее распространенными языками иммигрантов на Северном Кипре (помимо анатолийского турецкого) являются курдский и арабский в его сирийском варианте (из региона Хатай в Турции). Многочисленные лазы из прибрежных районов южной Анатолии говорят в основном по-турецки. Их численность, однако, остается неизвестной. Выходцы из южной Европы (самые многочисленные среди них – румыны) концентрируются в области Кирении.

Существенный вклад в современное многоязычие вносит относительная доступность для киприотов образования за рубежом и отсутствие качественного образования по некоторым профессиям у себя дома. Студенты, собирающиеся стать например, виноделами и получить соответствующее образование, изучают французский, испанский или итальянский языки; экономисты – английский, бизнесмены часто ориенти-

руются на Германию и изучают или владеют немецким. Плюрилингвизм, то есть использование нескольких языков одним человеком, становится нормой для разных профессиональных сообществ кипрского общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Языковая политика и социально-политические конфликты

Связь языка с идентичностью в современных национальных государствах вполне очевидна и, видимо, именно благодаря ей языковые реформы обычно имеют политическое измерение и могут приводить к напряжению в обществе или открытым конфликтам. Межобщинные конфликты, ведущим механизмом которых остается политика идентичности, практически всегда имеют языковое измерение и часто вовлекают языковую идентичность своих участников. Разумеется, выраженность таких конфликтов имеет свои градации – от политических трений и дебатов до вооруженного противостояния и открытого насилия.

Современная история Кипра содержит немало эпизодов с конфликтными ситуациями разной степени напряженности, по существу охватывающими весь их спектр. Языковая идентичность населения и его приверженность родным языкам и культуре играли в этих конфликтах не последнюю роль, и хотя британско-греческий и турецко-греческий конфликты остаются среди них наиболее известными, поскольку оказались массовыми и кровопролитными, ими история конфликтов с языковой составляющей в этой стране

не исчерпывается. Образовательные реформы в обеих частях острова неизбежно порождают трения и напряженность, поскольку следуют в русле одной из двух противостоящих идеологий, каждая из которых имеет своих сторонников и противников по обе стороны разделительной полосы. Сторонники “кипритизации” и модели гражданского национализма и на севере и на юге страны поддерживают киприото-греческие и киприото-турецкие элементы в образовании, повышение статуса местных разговорных норм, развитие литературных и медиа жанров с использованием этих традиционно используемых местных лингвем – кипрского турецкого и кипрского греческого, соответственно. Сторонники национального государства (турецкого и греческого), приходя к власти, усиливают ориентацию не только в собственно политической сфере, но и в сферах образования и языковой политики на “материнские” государства – Грецию и Турцию соответственно – и подчеркивают важность стандартных официальных языков этих государств для сохранения национальной идентичности. Партии, придерживающиеся ориентации на национальное государство, автоматически оказываются на стороне противников политического объединения Кипра. Предлагаемый сегодня компромисс – создание федеративного двуобщинного и бizonального государства, на наш взгляд, лишь консервирует *status quo* и на неопределенное время закрепляет разделение общин.

* Работа выполнена в рамках исследовательского проекта РФФИ № 15-18-00099 (руководитель Е.И. Филиппова).

Примечания

1. Можно упомянуть, что в случаях, когда один язык используется в нескольких странах (например, как греческий в Греции и на Кипре), элементы инфраструктуры заимствуются менее сильным в экономическом или демографическом отношении государством и для доминирующих языков.
2. В Хартии приводится следующее определение этого основного для нее понятия: «региональные языки или языки меньшинств» обозначают языки, которые: i) традиционно используются на данной территории государства жителями этого государства, представляющими собой группу, численно меньшую, чем остальное население государства; и ii) отличаются от официального языка (языков) этого государства». Из объема этого понятия исключаются диалекты официального языка государства, как и сам этот язык, а также языки мигрантских сообществ.
3. Помимо новой грамматики общекипрского койне 2012 г., описывающей стилистические вариации кипрского греческого, насколько мне известно, существует еще только два ее относительно полных академических описания (Hadjioannou 1999; Newton 1972), каждое из которых имеет свои достоинства и недостатки. Грамматика Ньютона основана на проведенных в 1960-х гг. обширных полевых исследованиях, сфокусированных на фонологии и морфологии и не отражающих современного состояния кипрского греческого, в то время как изданная в 1999 г.

грамматика Хаджиоанну является классическим филологическим исследованием, отстающим от современного уровня такого рода работ (без систематического указания ареалов признаков и с использованием авторской классификации грамматических явлений).

Библиография

- Бредихин О.* Кипрский конфликт: генезис и основные этапы развития: : Дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 183 с.
- Родионов М.А.* Этноконфессиональная ситуация в арабском мире: истоки и перспективы. Санкт-Петербург: Президентская библиотека, 2016. 179 с.
- Степанов В.В.* Кипрский конфликт: современное восприятие и проблема преодоления // Этничность и религия в современных конфликтах / отв. ред. В.А. Тишков, В.А. Шнирельман. М.: Наука, 2012. С. 466–518.
- Aktar, Ayhan; Kizilyürek, Niyazi; Özkirimli, Umut* (eds.). Nationalism in the Troubled Triangle: Cyprus, Greece and Turkey. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2010. 276 pp.
- Arvaniti, Amalia.* Erasure as a means of maintaining diglossia in Cyprus. San Diego, 2006.
- Bakker, Peter.* What is the Romani language? /with Milena Hübschmannová, Valdemar Kalinin, Donald Kenrick, Hristo Kyuchukov, Yaron Matras, Giulio Soravia). Hatfield: University of Hertfordshire Press, 2000.
- Borg, A.* Cypriot Arabic: A Historical and Comparative Investigation into the Phonology and Morphology of

the Arabic Vernacular Spoken by the Maronites of Kormakiti Village in the Kyrenia District of North-Western Cyprus. Stuttgart: Deutsche Morgenländische Gesellschaft, 1985.

- Bryant, Rebecca.* Imagining the modern: The cultures of nationalism in Cyprus. London: I.B. Tauris, 2004.
- Bryant, Rebecca; Papađakis, Yiannis* (eds.). Cyprus and the politics of memory: History, Community and Conflict. L.: I.B. Tauris, 2012. 275 pp.
- Calvet L.-J.* La guerre des langues. Paris: Hachette, 1999.
- Caner R.* Kıbrıs Türkçesi, Ölçünlü Türkçe ve Eğitim [Кипрский турецкий, стандартный турецкий и образование] // Söylem. 1996. No. 4. P. 69–74.
- Census 2006 (дата просмотра 20.10.17; [http://nufussayimi.devplan.org/Census% 202006.pdf](http://nufussayimi.devplan.org/Census%202006.pdf)).
- Charalambakis A.* Το γλωσσικό μάθημα και η διδασκαλία της γραμματικής στο δημοτικό σχολείο // Πατρίς. 2005, March 26 [Язык как предмет и обучение грамматике в начальной школе] (<http://www.patris.gr/articles/56804?PHPSESSID=2tvr280qin0s4olhf5p0m10q50>).
- Charalambopoulos A.* Η στροφή προς την Επικοινωνιακή προσέγγιση για τη διδασκαλία της Ελληνικής γλώσσας στη δευτεροβάθμια εκπαίδευση // Glossikos Ypologistis, 1999. Vol. 1 [Коммуникативный поворот в обучении греческому в среднем образовании] (<http://www.komvos.edu.gr/periodiko/periodiko1st/articles/print/charalabopoulos/index.htm>).
- CTES 2005 – The Cyprus Turkish education system TRNC. National Ministry of Education and Culture, 2005 (<http://www.mebnet.net/sites/default/files/CypTurEduSys.pdf>).
- Crawshaw N.* Cyprus : Collapse of the Zurich Agreement // The World Today. London, August 1964. P. 340–344.

- CYSTAT 2010 – Statistical Service of the Republic of Cyprus. Population summary data 1995–2009 (http://www.cystat.gov.cy/mof/cystat/statistics.nsf/populationcondition_21main_en/populationcondition_21main_en?OpenForm&sub=1&sel=2).
- EC 2004 – European Commission. Euromosaic III. Cyprus, 2004 (http://ec.europa.eu/education/languages/archive/languages/langmin/euromosaic/cy_en.pdf).
- Faiz M. The population issue in North Cyprus // The Cyprus Review. 2008. No. 20. P. 175–187.
- Frangeskou M., Hadjilyra A.-M. The Maronites of Cyprus. Nikosia: Press and Information Office, 2012.
- Georgiou V. Competing discourses in the debate on place names in Cyprus. Issues of (symbolic) inclusion/exclusion in orthographic choices // Journal of Language and Politics. 2010. Vol. 9, no. 1. P. 140–164.
- Gregoriou Z. De-scribing hybridity in ‘unspoiled Cyprus’: Postcolonial tasks for the theory of education // Comparative Education. 2004. Vol. 40, no. 2. P. 241–266.
- Hadjioannou K. Γραμματική της ομιλουμένης κυπριακής διαλέκτου [Γραμματική разговорного кипрского диалекта]. Nicosia: Tamassos, 1999.
- Hadjioannou X., Tsiplakou S., Kappler M. Language policy and language planning in Cyprus // Current Issues in Language Planning. 2011. Vol. 12, no. 4. P. 503–569.
- Hatay M. Is the Turkish Cypriot population shrinking? An overview of the ethno-demography of Cyprus in the light of the preliminary results of the 2006 Turkish Census. PRIO Cyprus Centre Report, 2007 (<http://www.prio.no/Cyprus/Publications/>).

- Hutchinson J.T., Cobham C.D. A handbook of Cyprus. London: Edward Stanford, 1909.
- İnalçik H. The recent history of Cyprus // Dogramaci E., Haney W., König G. (eds.). Proceedings of the First International Congress on Cypriot Studies. Famagusta: Eastern Mediterranean University Press, 1997. P. 25–32.
- Johanson L., Demir N. Dialect contact in northern Cyprus // International Journal of the Sociology of Language. 2006. Vol. 181. P. 1–9.
- Karantzola E. Γραμματική, γλωσσικό μάθημα και προγράμματα σπουδών στην Ελλάδα // Glossikos Ypologistis. 2000. Vol. 1. [Γραμματική, языковое образование и программы обучения в Греции] (<http://www.komvos.edu.gr/periodiko/periodiko2nd/default.htm>).
- Karoulla-Vrikki D. English or Greek language? State or ethnic identity? The case of the courts in Cyprus // Language Problems and Language Planning. 2001. 25(3), 259–288.
- Karoulla-Vrikki D. Greek in Cyprus: Identity oscillations and language planning // Georgakopoulou A., Silk M. (eds.). Standard languages and language standards: Greek, past and present. Farnham: Ashgate, 2009. P. 187–219.
- Karyole mou M. Κυπριακή πραγματικότητα και κοινωνιογλωσσική περιγραφή [Cypriot reality and sociolinguistic description] // Studies in Greek Linguistics. 2000. Vol. 20. P. 203–214.
- Karyole mou M. When language policies change without changing: The University of Cyprus // Language Policy. 2002. Vol. 1. P. 213–236.

- Kenrick D.* Historical dictionary of the Gypsies (Romanies). Lanham: The Scarecrow Press, 2010 (2nd ed.).
- Kızılyürek N.* Kıbrıs Sorununda İç ve Dış Etkenler [Внешние и внутренние факторы кипрского вопроса]. 2nd. ed. Nicosia: Işık Kitapevi Ya, 2001.
- Kızılyürek N., Gautier-Kızılyürek S.* The politics of identity in the Turkish Cypriot community and the language question // International Journal of Social Linguistics. 2004. Vol. 168. P. 37–54.
- Koumariannou M.* A Language at Stake: Identity Issues and Political Actions among Maronite Community in Cyprus // Language and Policy Planning in the Mediterranean World / eds. Karyolemou M., Palou P. Cambridge: Cambridge University press, 2013. P. 225–239.
- Ladbury S.* The Turkish Cypriots: ethnic relations in London and Cyprus // Watson J. (ed.). Between Two Cultures, Migrants and Minorities in Britain. Oxford: Blackwell, 1978. P. 301–331.
- Lewis G.* The Turkish language reform: A catastrophic success. Oxford: Oxford University Press, 1999.
- Lewis G.* The Present state of the Turkish language // Proceedings of the British Academy. 1985. Vol. 71. P. 103–117.
- Mavratsas C.V.* Όψεις του Ελληνικού Εθνικισμού στην Κύπρο: Ιδεολογικές Αντιπαραθέσεις και η Κοινωνική Κατασκευή της Ελληνοκυπριακής Ταυτότητας 1974–1996 (Черты греческого национализма на Кипре: идеологическое противостояние и социальное конструирование греко-киприотской идентичности, 1974_1996). Αθήνα: Κατάρτι, 1998.
- ΜΟΕС 2010 – Ministry of Education and Culture. Αναλυτικά Προγράμματα – Νέα Ελληνική Γλώσσα

- 2010 (http://www.moec.gov.cy/analytika_programmata/nea-analytika-programmata/nea_elliniki_glossa.pdf) [Программа по новогреческому языку].
- ΜΟΕС 2011– Συχνές Ερωτήσεις. Αναλυτικά Προγράμματα [Часто задаваемые вопросы. Национальная программа образования]. (http://www.moec.gov.cy/analytika_programmata/sychnes_erotiseis.html).
- Newton B.* Cypriot Greek: Its phonology and inflections. The Hague: Mouton, 1972.
- Nesim A.* Kıbrıs Türk Gençlik Hareketi [Молодежное движение турок-киприотов]. Nicosia, 1999.
- Panayotou A.* Modern Greek in contemporary Cyprus // Proceedings of the Conference on the Greek language, 1976–1996. Athens: University of Athens, 1999. P. 283–289.
- Papadakis Y., Peristianis N., Welz G.* (eds.). Divided Cyprus: modernity, history, and an island in conflict. Bloomington: Indiana University Press, 2006. 235 pp.
- Papapavlou A.* Verbal fluency of bidialectal speakers of SMG and the role of language-in-education practices in Cyprus // International Journal of the Sociology of Language. 2004. No. 168. P. 91–100.
- Papapavlou A.* Implementing language policies: The standardization and transliteration of toponyms in Cyprus // Proceedings of the 6th Conference on Greek Linguistics. 2006 (<http://www.philology.uoc.gr/conferences/6thICGL/ebook/g/papapavlou>).
- Papapavlou, Andreas N., Pavlou, Pavlos.* A Review of the Sociolinguistic Aspects of the Greek Cypriot Dialect // Journal of Multilingual and Multicultural Development. 1998. Vol. 19, no. 3. P. 212–220.

- Papapavlou A., Pavlou P.* Literacy and language-in-education policy in bidialectal settings // *Current Issues in Language Planning* 2005. Vol. 6, no. 2. P. 164-181.
- Perry J.R.* Language reform in Turkey and Iran. *International Journal of Middle East Studies* 1985. Vol.17, no.3. P. 295–311.
- Philippou S.* Policy, curriculum and the struggle for change in Cyprus: The case of the European dimension in education // *International Studies in Sociology of Education*. 2007. Vol. 17, no.3. P. 249–274.
- PIO (Press and Information Office). (2010c). The Maronite community (<http://www.moi.gov.cy/moi/pio/pio.nsf/All/ED662F2A7A8231EDC2256FCE0032C789?>)
- Preliminary Results of the Census of Population, 2011 (<http://www.mof.gov.cy>).
- Rappas A.* The elusive polity: Imagining and contesting colonial authority in Cyprus during the 1930s // *Journal of Modern Greek Studies*. 2008. Vol. 26, no. 2. P. 363–397.
- Theodorou E.* I'll race you to the top: Othering from within – attitudes among Pontian children in Cyprus towards other immigrant classmates // *Childhood*. 2011. Vol. 18, no.2. P. 242–260.
- Thomas G.J.* The Spoken Arabic Dialect Of The Maronites Of Cyprus // *The Journal of Maronite Studies*. 2000. Vol. 4, no. 1 (<http://www.cypnet.co.uk/ncyprus/people/cypmaronites/dialect.html>)
- Trimikliniotis, Nicos; Bozkurt, Umut* (eds.). *Beyond a Divided Cyprus: A State and Society in Transformation*. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2012. 292 p.
- Tsiapera M.* A descriptive analysis of Cypriot Maronite Arabic. The Hague: Mouton, 1969.

- Tsiplakou S.* Γλωσσική ποικιλία και κριτικός εγγραμματισμός: Συσχετισμοί και παιδαγωγικές προεκτάσεις // *Matsagouras E.G.* (ed.). *School literacy*. Athens: Grigoris, 2007. P. 466–511. [Языковая вариативность и критическая грамотность: связь и педагогические следствия].
- Tsiplakou S., Coutsougera P., Pavlou P.* A grammar of contemporary Cypriot Greek. München: Lincom Europa, 2012.
- Yaratan S.H.* Education in the “Turkish Republic of Northern Cyprus” // *Grothusen K.D., Steffani W., Zevrakis P.* (eds.). *Zypern*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1998. P. 610–628 (*Südosteuropa-Handbuch*, Vol. 8).
- Yiakoumetti A.* A bidialectal programme for the learning of Standard Modern Greek in Cyprus // *Applied Linguistics*. 2006. Vol. 27, no. 2. P. 295–317.
- Yiakoumetti A.* “The influence of a bidialectal language intervention programme on learning of standard Modern Greek in an urban and a rural Cypriot school // *Sociolinguistics and pedagogical dimensions of dialects in education*, edited by A. Papapavlou, and P. Pavlou, 145-164. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2007.

Сведения об авторах

Алос и Фонт Эктор / *Hèctor Alòs i Font* – внешний научный сотрудник Исследовательского центра социолингвистики и коммуникации, Университет Барселоны, Каталония, Испания. *hectoralos@gmail.com*

Диаз Анна / *Anne Diaz* – ассоциированный исследователь лаборатории по изучению национальных меньшинств и этничности, Центр бретонских и кельтских исследований, Ренн, Франция. *annediaz.ethn@ymail.com*

Зеньяни Сами / *Sami Zegnani* – доцент Университета Ренн-1, Лаборатория ARENE – UMR 6051, Ренн, Франция. *sami.zegnani@univ-rennes1.fr*

Кучерова Ирина Алексеевна – младший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия. *ikucherova@gmail.com*

Мартынова Марина Юрьевна – д.и.н., директор Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия. *martynova@iea.ras.ru*

Соколовский Сергей Валерьевич, д. ист. н., гл.н.с. Института этнологии и антропологии РАН, Москва, Россия. *SokolovskiSerg@gmail.com*

Филиппова Елена Ивановна – д.и.н., гл. н. с. Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Москва, Россия. *elena_filippova89@yahoo.fr*

Филон Александра / *Alexandra Filhon* – доцент Университета Ренн-2, Лаборатория ESO - UMR 6590, Ренн, Франция. *filhon@ined.fr*

Языковая политика, конфликты и согласие / отв. ред. С.В. Соколовский, Е.И. Филиппова. Москва: ИЭА РАН, 2018. xi, 334 с., 27 илл.

В книге на примере ряда европейских стран и регионов в исторической перспективе рассматриваются различные варианты языковой политики, направленной как на развитие, сохранение и упрочение национальных (государственных) языков, так и на защиту и поддержку региональных языков и языков меньшинств. Особое внимание обращено на стратегии разных акторов (европейских институтов, национальных и региональных правительств, интеллектуалов и элиты, а также рядовых носителей языков), возникающие между ними противоречия и пути их примирения. Для специалистов, политиков, сотрудников государственных структур и общественных организаций, участвующих в разработке и реализации языковой политики.

This volume contributes to the language policy literature by focusing both on the states' policies and on ways various social actors appropriate official policies in local contexts on the ground. Linguistic situations are assessed for the state/official, as well as minority/migrant groups' languages in a number of European states and regions. The editors gather together empirical contributions that combine quantitative and qualitative methods. For scholars in applied language policy research and for policy makers.

Les auteurs de l'ouvrage analysent, à partir de l'expérience de plusieurs États et régions européens, des politiques linguistiques visant la sauvegarde, le développement et le renforcement des langues nationales, ainsi que le support des langues minoritaires. Une attention particulière est portée aux stratégies de divers acteurs sociaux, tels qu'institutions européennes, gouvernements, administrations régionales, mais aussi intellectuels et «locuteurs ordinaires». Pour les chercheurs et les décideurs des politiques linguistiques.

Научное издание
ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА,
КОНФЛИКТЫ И СОГЛАСИЕ

2-ое исправленное и дополненное изд.

С.В. Соколовский, Е.И. Филиппова
ответственные редакторы

Утверждено к печати Ученым советом Института этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая

Дизайн издания: *С.В. Соколовский*

Подписано в печать: 01.11.2018 г. Формат 60×84 1/16

Гарнитура *Cochin* Усл. печ. л. 14,5

Издатель: ИЭА РАН, Москва, Ленинский пр. 32а

Тираж: электронная книга, представленная в App Store (AppleID: 1444230244), Apple Books Store, iTunes Store; на сайтах ИЭА РАН, academia.edu, elibrary.ru

Тираж 1000 экз.

eISBN 987-5-4211-0227-4 eBook